

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА
СЕРГЕЙ АКСЁНЕНКО

СОВЕТСКИЙ ПОРЯДОК

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

**СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА
СЕРГЕЙ АКСЁНЕНКО**

**СОВЕТСКИЙ
ПОРЯДОК**

Москва
алгоритм
ЭКМО
2010

Кара-Мурза С. Г.

К 21 Советский порядок / Сергей Кара-Мурза, Сергей Аксёненко. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. — 240 с. — (Советский проект).

ISBN 978-5-699-42105-3

С конца 90-х гг. прошлого века плановое хозяйство СССР принято считать неэффективным, убыточным, приводящим к очередям и дефициту. Между тем идеи плановой экономики не чужды и западному миру. Их сейчас повсеместно внедряют в той или иной степени. А в чрезвычайных ситуациях такая модель — единственно возможная.

Что касается России, то плановое хозяйство было органически присуще российской ментальности, как убедительно доказывают авторы данной книги. В условиях нашей страны невозможно успешное развитие экономики, если оно не подчинено единому централизованному плану. Советская власть лишь восприняла и взяла на вооружение эту практичную русскую идею.

Успехи планового хозяйства Советского Союза были настолько впечатляющими, что многое было перенято у нас Западом. К сожалению, неслыханные трудности, выпавшие на долю СССР, приводили и к определенным сложностям в экономике, но советское руководство постоянно искало пути их преодоления. По многим позициям это удалось, по некоторым просто не успели...

Книга подкреплена большим количеством фактического материала, в том числе в ней приводятся такие показатели развития СССР, о которых умалчивают сторонники либерализма и свободного рынка.

УДК 323
ББК 63.3

© С. Кара-Мурза, С. Аксёненко, 2010
© ООО «Алгоритм-Книга», «Эксмо», 2010
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-42105-3

Введение

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ И ЕГО КРИТИКИ

Более десяти лет назад, в 1998 г. представительство ОБСЕ в Минске устроило большой семинар о том, как надо устраивать рыночную экономику в Белоруссии. Меня пригласили из РФ как докладчика по первому вопросу: «Советская хозяйственная система: теория и реальность». Я сделал доклад чисто научный, теорию и реальность изложил наглядно, так что возразить было трудно. Приехавшая из Женевы как оппонент по моему докладу почетный советолог Юдит Шапиро пыталась, правда, доказать, что в СССР простому человеку нельзя было купить в аптеке лекарства, но даже самые крутые демократы посмотрели на нее с жалостью.

Я упрощенно и кратко объяснил, что советский строй, корнями уходящий в культуру России, по своему типу относится к общинным цивилизациям (в отличие от рыночной цивилизации Запада). Этим и были обусловлены главные черты хозяйства, странные или даже неправильные для глаза и марксиста, и либерала.

За этот доклад я получил самую большую похвалу, какую только получал в жизни. И от кого! От Станислава Шушкевича, героя Беловежской Пути. Он сказал, что

если бы он прослушал такой доклад десять лет назад, то он не сделал бы того, что сделал после 1989 года. Он не знал, что СССР относится к цивилизациям общинного типа.

После такого откровения Шушкевича другие лидеры оппозиции (бывший председатель Верховного Совета Шарецкий, бывший управляющий Центральным банком Богданкевич и др.) начали выдвигать обвинения советской системе «по-крупному», говорить самое, на их взгляд, главное. Поскольку я как докладчик после каждого цикла выступлений имел слово для ответа (тут я снимаю шляпу перед западными порядками), получился редкостный диалог. Скажу о моих главных впечатлениях.

Похоже, впавшие в антисоветизм интеллектуалы настолько уверовали в схоластические догмы (политэкономии, монетаризма и черт знает чего еще), что рассуждать в понятиях здравого смысла просто не в состоянии. Вот их тезисы:

— Да, при советском строе люди были сыты и в безопасности, но это надо было поломать, потому что хозяйство было нерентабельным!

Что за чушь! При чем здесь рентабельность, если хозяйство было нерыночным и его цель — не прибыль, а чтобы все были сыты? Ведь мы только что об этом договорились. Зачем же к нерыночному хозяйству прилагать мерку, которая имеет смысл только для рыночного? Бесполезно, как об стенку горох. С доводами здравого смысла никто не спорит — их просто не замечают.

— Советскую систему надо было менять, потому что низка была экономическая эффективность.

Это из той же оперы. Само понятие «эффективность» придумали недавно, а до этого тысячи лет вели хозяй-

ство и следовали простым, житейским меркам. Но допустим, вы испытываете к этой «эффективности» непонятное почтение. Как, спрашиваю, вы определили, что советское хозяйство было неэффективным? Почему финский фермер, которого нам ставят в пример, эффективный, а колхозник — нет? Ведь колхозник на 1000 га имел в 10 раз меньше тракторов, чем европейские фермеры, и давал всю последнюю советскую пятилетку пшеницу с себестоимостью 92—95 руб. за тонну. А у финского фермера себестоимость 482 доллара за тонну. Объясните, говорю, почему же производить один и тот же продукт вдесятеро дороже — это эффективно? Молчат. Ну хоть бы что-нибудь ответили. Какой же это диалог!

— При советском строе жить было невозможно из-за дефицита. А сейчас в России хотя бы дефицита нет.

Ну что тут скажешь. Ведь только что на экране мы видели динамику производства продуктов по годам. Как же так, спрашиваю? Было много молока — это вы называете дефицит. Стало вдвое меньше — нет дефицита, изобилие. А ведь слово «дефицит» означает «нехватка». Ведь получается, для вас важнее образ молока на витрине, чем само молоко на обеденном столе. Да кроме того, известно, что все это нынешнее «изобилие» — липовое. Если бы вдруг людям выдали зарплату, все продукты смело бы с полок в два дня (так и получилось там, где перед выборами 1996 г., чтобы задобрить избирателей, сдуру выдали зарплаты и пенсии).

— Самое главное в реформе — выполнить требование МВФ о снижении дефицита госбюджета, не считаясь ни с какими жертвами. А иначе не дадут займов.

Как это, говорю, «не считаясь с жертвами»? Вы что, людоеды? Да и что это за идол такой, бездефицитный бюджет? Ведь в трудные моменты разумно «взять в долг

у будущего года», у себя самого. Почему же займы МВФ, которые затягивают на шее долговую петлю, лучше?

Ответы на такие простые вопросы получить невозможно. Похоже, люди уже настолько не способны оторваться от рыночных штампов, что просто этих вопросов не понимают. Как бы не слышат. Интересно, что тут даже пример США не помогает. Ведь президент Рузвельт, когда приперло в годы Великой депрессии, послал куда подальше всех своих экспертов-монетаристов и заявил, что в условиях кризиса сводить бюджет без дефицита — преступление против народа. Пусть бы объяснили эту позицию Рузвельта.

Вот еще один тезис, который повторяется в разных вариациях:

— То-то и то-то в советской системе надо было сломать, потому что на Западе это устроено лучше.

На том семинаре особенно часто говорили, что надо сломать «предприятия-монстры, унаследованные от советской системы» — Минский тракторный завод, МАЗ и т.д. Зачем же, спрашиваю, ломать? Ведь там люди работают, на этих заводах хозяйство держится. Нет, надо сломать — на Западе заводы лучше.

Вообще-то, какой завод лучше — это дело вкуса (на наших заводах люди почему-то меньше уставали, даже хотя работали с более отсталой техникой). Но я не стал спорить о вкусах, меня больше волновала логика. Допустим, говорю, западные учреждения лучше, но дальше-то ваши рассуждения нелогичны. Предположим, тебе не нравится твоя жена, а нравится Софи Лорен. Ну убей свою жену — ведь Софи Лорен от этого у тебя в постели не появится. А вы хотите поступить с заводами именно так.

Похихикали над таким сравнением, и опять за свое. Выступает другой знаток Запада:

— Тот, кто побывал у западного зубного врача, никогда (!) не пойдет к советскому зубному врачу!

И ведь это говорил какой-то известный в Белоруссии экономист — а каков уровень мышления. Ради бога, ходи к немецкому врачу, если есть у тебя лишних двести долларов на пломбу. Но зачем губить советского врача? Ведь в действительности нам вовсе не предложили выбор: плохой советский врач или прекрасный западный. На деле реформа означает, что советскую систему ломают и большинство людей оставят вообще без всякого врача. Пока что мы лечимся, худо-бедно, в недобитой советской системе. А дальше что? В богатейших США 35 млн. человек не имеют доступа ни к какой медицинской помощи. Ни к какой! А у нас сколько таких людей будет, если подобные экономисты и дальше будут командовать?

Я сказал и белорусским демократам, и мадам Шапиро с ее коллегами, что мы, к несчастью, говорим на разных языках. Причем разница не в мелочах, а в самом отношении к жизни. Трудно дать определение их языку и их мышлению. Не желая никого обидеть, я бы сказал, что это — язык и мышление религиозного фанатика. Для него не важна земная жизнь, счастье и страдания людей. Это — мелочь по сравнению с той истиной, которая, как он думает, ему открылась.

Вот, выступает тот же экономист. Он признает, что Белоруссия при Лукашенко, восстановив то, что демократы не успели сломать в «семейном» (советском) хозяйстве, добилась удивительных успехов. Даже по их, западным, показателям. Рост промышленного производства составил в 1997 г. почти 18%, зарплату всем платят

вовремя, налоги собирают исправно, дефицита госбюджета нет и т.д. «Всему этому можно было бы порадоваться, — сказал экономист, — но...» И начал сокрушаться. Выходит, радоваться этому нельзя, потому что все неправильно. Слишком много денег вкладывают в жилищное строительство, спасают Минский тракторный завод, не разгоняют колхозы.

Я опять подал голос. Смотрите, говорю, как ненормальна ваша логика. В Белоруссии удалось, пусть с точки зрения теории не вполне правильно, но остановить разруху. Это и вы, и Запад признаете. Людям дали отдышаться, они успокоились, накапливаются средства. Казалось бы, надо именно радоваться — а затем уже выражать сомнения относительно следующих шагов. Но вы не радуетесь! Для вас теория важнее очевидных и жизненно важных для простого человека успехов...

Как это и бывает у религиозных фанатиков, несвязность мышления сопровождается у этих людей сильнейшим эмоциональным подъемом и агрессивностью. Уж как они проклинали Лукашенко за то, что «остановил реформы»! Остановил движение к «светлому будущему» и устраивает жизнь в Белоруссии неправильно — не так, как сказано в их религиозном учении. Г-н Шарецкий так и объяснил: Лукашенко восстанавливает «хозяйство семейного типа» (то есть такое, какое бывает в обществах, устроенных по типу семьи, а не рынка). А процветающей западной экономики так не построишь.

Я предложил взглянуть на дело не с высоты политики, а с уровня простого человека, обывателя. Ведь всегда и везде, когда страна переживает бедствие, люди сдвигаются к хозяйству и обществу «семейного» типа. Это сокращает число жертв и страдания людей, и тут ни при чем идеологии и доктрины. Все республики СССР пере-

живают реформу как бедствие, и, конечно же, люди пытаются спастись. Вот, в Белоруссии сумели восстановить кое-что из разрушенного хозяйства. Вы, демократы, считаете, что это средства негодные. Допустим, в принципе вы правы. Но сейчас людям важнее всего удержаться на плаву — они хватаются за любую доску, лишь бы не утонуть, собраться с силами, подгрести к берегу. Что же делаете вы? Вы пытаетесь вышибить у них эту спасительную доску, да еще кричите: «А ну, совок, люмпен, брось эту рухлядь! На ней ты далеко не уплывешь!»

Я думал, такому сравнению возмутятся. Нет, наоборот. Оно показалось правильным, и мне так и ответили: да, мы стараемся эти «бревна», за которые люди уцепились, у них из рук вышибить. Потому что эдак они к рыночной экономике не придут. Они даже посчитали это не досками, а бревнами — спасительным средством гораздо более солидным, чем оценил я, — но и его они вышибают.

Выходит, демократы в глубине души понимают, что если люди к рыночной экономике не идут, то пусть уж тогда пойдут все ко дну. «Неправильно» жить они нам не позволяют. Вот это и есть, на мой взгляд, фанатичное тоталитарное мышление.

* * *

Все это я пишу не для того, чтобы выставить в дурном свете, уязвить моих идейных противников. Сегодня наша общая беда несравненно больше, чем идейные стычки. То мышление, которое в чистом виде и в довольно спокойной, корректной обстановке обнаружили белорусские противники советского строя, присуще ведь широкому кругу нашей интеллигенции. Как же нам

с ними найти общий язык? Ведь все мы на своей шкуре получаем все более тяжелые уроки, а учимся медленно.

Сегодня все избегают серьезно ставить вопрос: что нас ждет в ближайшем будущем? Это можно понять — Россию загнали в такую точку, из которой любой путь к разумной жизни кажется невозможным. На любой тропе заложены мины, на которые никак нельзя напороться, а как их разрядить — не известно. Понятно, что об этих минах политики говорить и не хотят — люди могут отшатнуться...

Сейчас торопятся втолкнуть Россию во Всемирную торговую организацию. Но ведь тогда Россия будет обязана снять все таможенные барьеры и прекратить всякие дотации отечественным предприятиям. Значит, все производство должно будет остановиться — дешевле станет покупать, чем производить свое. И дело не в отсталости — у новейших предприятий положение не лучше. Какой-то обозреватель с телевидения, рассуждая о Норильске, сказал как вещь очевидную и разумную: придется эвакуировать все население с Севера, бросить эти города. Чтобы оживить их, средств у России никогда не будет. Надо было только добавить: средств не будет у этой России. Прямо в воздухе висел вопрос: а почему же для этого были средства у той России? У России советской и даже царской, пока ее не опутали банки — но когда опутали, то царя вместе с банкирами сковырнули.

Почему же в советской России были средства и строить Норильск, и привозить в Эрмитаж и Артек детей с Камчатки? Потому, что на несколько десятилетий общество устроилось как семья — при всех неудобствах, не-свободах и даже тирании, какие бывают в семье. Отсюда вытекал и принцип хозяйства — думать обо всей семье, производить не для прибыли, а для потребления, и

жить по средствам. Внутри семьи понятие рентабельности не имеет смысла. На этом строилась вся наша советская цивилизация.

Ее отличие от того, что мы видим сегодня, составляет как бы загадку, которую в приличном обществе избегают даже формулировать. В СССР всякое производство было выгодным, всякий клочок годной земли использовался. Росло общее недовольство тем, что бюрократические нормы мешают работать. Это значит, что для обеспечения труда сырьем и инструментами находились средства. Денег хватало и на вполне сносное потребление, и на огромную по масштабам науку (одну из двух имевшихся в мире научных систем, охватывающих весь фронт фундаментальной науки), и на военный паритет с Западом — и даже на дорогостоящие «проекты века». Никому и в голову не могло прийти, что шахтеры могут голодать, а академики кончать с собой из-за того, что голодают их подчиненные ученые-ядерщики.

И при всем этом за 1980—1985 гг. ежегодные капиталовложения в СССР возросли на 50% (а на Западе совсем не выросли). Если бы мы сейчас мысленно «вычли» эти инвестиции из нашего хозяйства, вообразили бы, что СССР уже за десять лет до реформы стал вести себя, как ельцинская РФ, то сегодня страна была бы уже экономическим трупом. Мы еще питаемся остатками советского жира.

Сегодня те же самые работники, те же самые земли и те же самые технологии оказываются совершенно недееспособными. Настолько, что иностранцы даже бесплатно не хотят брать наши заводы, а в отношении наших людей возникло новое понятие: «общность, которую не имеет смысла эксплуатировать». Тому, что у нас произошло, есть довольно близкая аналогия. В начале

XX века европейцы позарились на Патагонию — обширную область на юге Южной Америки. Индейцы создали там особую аграрную цивилизацию, и эксплуатация этой земли обещала быть выгодной. Индейцев уничтожили; европейцы освоили земли (1 млн. кв. км), построили железную дорогу. Но оказалось, что рентабельным хозяйством на этих холодных землях так и не смогло стать. Все заброшено, дорога заросла травой. То же самое происходит в России — даже переспелые леса перестали рубить, вывозить лес невыгодно.

В отказе от своего, приспособленного к нашей земле типа хозяйства — суть того поворота, на который согласился русский народ. Согласился по незнанию, по лени, под влиянием обмана — неважно. Важно не почему согласился, а что не видно никакой воли к тому, чтобы осознать тот выбор, во весь голос заявить о нем — признать его или отвергнуть. Пока что политика и режима, и оппозиции сводится к умолчанию.

Часть 1

ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВЕТСКИЙ СТРОЙ

Образ советской хозяйственной системы

Ключевым постулатом всей антисоветской идеологии было утверждение, что рыночная экономика западного типа эффективнее советской. Прежде чем переходить к более тонким материям, предлагаю обдумать и зафиксировать оценку по самому жесткому критерию — выживанию. Мы сравниваем капитализм («рынок») и советский строй («план»). Какой строй эффективнее? Абстрактного ответа быть не может, надо задать условия. Правильный вопрос звучит так: какой строй эффективнее в тех условиях, в которых реально находился СССР?

Принимаем во внимание жесткий факт, который Фернан Бродель сформулировал таким образом: «Капитализм вовсе не мог бы существовать без услужливой помощи чужого труда». Вот к этому-то факту и прилагаем для сравнения столь же очевидный факт: «Советский строй мог существовать без услужливой помощи чужого труда». Согласно самому абсолютному критерию — выживаемости, я делаю вывод: в условиях, когда страна не получает услужливой помощи чужого труда, совет-

ское хозяйство эффективнее капиталистической экономики. Подчеркиваю, что речь идет именно об этих условиях. Если источники услужливой помощи чужого труда доступны, надо разбираться особо. Но этот случай для нас неактуален, поскольку все мы знаем — ни СССР, ни нынешняя Россия этих источников не имели, не имеют и, скорее всего, не будут иметь.

В социально-экономической сфере антисоветская мысль создала многообразную и довольно сложную интеллектуальную конструкцию. В наиболее радикальном виде ее кредо в 80-е годы сводилось к следующему: «Советская система хозяйства улучшению не подлежит. Она должна быть срочно ликвидирована путем слома, поскольку она неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу».

В таком виде эта формула стала высказываться лишь после 1991 г.— до этого никто из людей, еще не увлеченных антисоветским миражом, в нее бы просто не поверил, даже рассмеялся бы. Настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг в 70—80-е годы. Никаких признаков коллапса, внезапной остановки дыхания, не было. У тех, кто в этот назревающий коллапс верил, это были лишь предчувствия, внушенные постоянным повторением этой мысли «на кухнях».

А.Д.Сахаров писал в 1987 г.: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится,— весь исторический опыт свидетельствует об обратном» (А. Сахаров, «Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления». Л., 1990. С. 66).

Вот мой личный опыт. Я ушел из любимой деятельности, экспериментальной химии, в гуманитарную под

влиянием негативной мотивации — для изучения тех болезненных явлений, что тормозили развитие советской системы. Главный пафос моей аналитической работы был критическим. Но и мой, и общий вывод моих коллег (которые позже перешли на антисоветские позиции и даже стали министрами в правительстве Гайдара) был именно таким: система улучшается, но слишком медленно. С уверенностью говорю — состав специалистов, перешедших потом в бригаду реформаторов, имел в целом именно такое видение ситуации. Потом, задним числом, они стали говорить, что надвигался коллапс, но это уже были неискренние, чисто идеологические утверждения. Они их делали скрепя сердце.

Такие катастрофы, как коллапс хозяйства, не приближаются без достаточно длительного нарастания явных симптомов — если, конечно, сама власть по каким-либо причинам вдруг не разрушает хозяйство. Даже в середине 80-х годов никаких веских причин ожидать катастрофы не было. Потому-то речь во время первой фазы перестройки шла об ускорении. Никто же не имел при этом в виду «ускорение коллапса». Директивные документы, принятые по проектам Госплана и правительства, не содержат и намека на опасность катастрофического спада или кризиса. Но нельзя же заподозрить огромные коллективы специалистов в дьявольском заговоре и поразительном единодушии: знать о грядущей катастрофе — и ни гу-гу.

* * *

Посмотрим массивные, обобщающие показатели советского хозяйства, опубликованные в 1991 г. Госкомстатом СССР — уже горбачевским и почти ельцинским. Его

руководство, конечно же, не взяло бы на себя смелость винить в полной фальсификации всей национальной статистики за десяток лет — даже если бы такая фантастическая фальсификация и была технически возможна. Согласно этим показателям устойчиво росли индексы потребления населением материальных благ и услуг: по сравнению с 1980 г. они составляли в 1985 г. 114,7% и в 1989 г. 127%. Быстро росли в СССР капиталовложения, — вплоть до слома системы — что уж совсем никак не вяжется с представлением о назревающей катастрофе, когда все силы бросаются на срочные задачи ее предотвращения. Если вкладывают в будущее, а не в починку настоящего, коллапса не ожидается. По сравнению с 1980 г. капиталовложения в СССР возросли в 1988 г. на 40%, а, например, в США на 30%, во Франции на 10%, а в ФРГ нисколько не возросли.

Улучшались и самые массивные, системообразующие качественные показатели советского хозяйства — урожайность сельскохозяйственных культур, надои молока, удельный расход топлива на получение 1 квт·ч электроэнергии — с 468 г в 1960 г. до 325 г в 1987 г. По этому важному показателю СССР обогнал большинство стран Запада — в США на 1 квт·час электроэнергии расходовалось 354 г топлива, во Франции 359. Подобных признаков было много, и это были именно «неумолимые» общие тенденции системы. Иными словами, самые главные объективные показатели никакой катастрофы не предвещали, и формирование ее образа в массовом сознании было типичной манипуляцией.

В обзорной статье ведущего научного сотрудника МГУ Л.Резникова «Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе» (Российский экономический журнал, 2001, № 4) сделан такой вывод: «Исключитель-

но важно подчеркнуть: сложившаяся в первой половине 80-х годов в СССР экономическая ситуация, согласно мировым стандартам, в целом не была кризисной. Падение темпов роста производства не перерастало в спад последнего, а замедление подъема уровня благосостояния населения не отменяло самого факта его подъема». Далее автор проводит подробные доводы своего вывода и, понимая состояние умов, цитирует видных американских экономистов, пришедших к такому же выводу. Своим глазам и желудкам русские уже не верят, нужны западные авторитеты.

Доклад ЦРУ 1990 г. «О состоянии советской экономики» также утверждает, что даже и кризиса в советском хозяйстве не было, не то что неизбежного коллапса. Этот доклад довольно часто цитируется американцами (сам я читал только его реферат и ссылки на него). В нем по американской методике и с собственными данными ЦРУ были пересчитаны показатели советской статистики и признаны, в общем, верными. Уж кому должны были бы верить антисоветские идеологи, как не своим верным союзникам?

Ощущения коллапса и даже кризиса совершенно не было в массовом сознании, в том числе интеллигенции, очень критически относящейся к системе. Это показало двухгодичное (1988 и 1990 гг.) исследование ВЦИОМ под руководством Ю. Левады, результаты которого представлены в книге «Есть мнение» (М., 1990). Весь пафос исследования является открыто антисоветским, но никакого предчувствия кризиса в нем не обнаружено.

Отмечу здесь, что примитивна сама логика рассуждений, из которых выводилась негодность советского типа хозяйства из факта снижения темпов прироста производства. Стремление сравнивать валовые, обоб-

щенные показатели без учета принципиальной разницы их составляющих есть один из случаев гипостазирования. Оно ведет к невозможности увидеть качественную несоизмеримость объектов и явлений. Вот, мы сравниваем экономическую гонку без учета нагрузки оборонных расходов. СССР начал отставать на одном круге (в 80-е годы) — значит ломай всю его хозяйственную систему. Если же мы учтем нагрузку, то увидим как бы трех бегунов в несравнимых условиях: один (скажем, ФРГ или Япония) в легких тапочках, другой (США) в кроссовках, а СССР — в валенках, а поверх них кандалы. И если бегун в кандалах целую эпоху опережал своих соперников, значит, его сердце и мускулы работают великолепно. Разумеется, было бы глупо утверждать, что бежать в кандалах и валенках хорошо. Почему мы в них бежали — совсем другой вопрос.

* * *

Посмотрим, как искажается наше сознание, когда мы оперируем валовыми цифрами, не учитывая «изъятия». (Кстати, помню, в 70-е годы эту проблему поднимали французские экономисты. Они говорили, что нельзя сравнивать показатели разных стран, прежде чем из них будут вычтены некоторые «неделимости». Но мировые аганбегяны на этих авторов, видно, прикрикнули, и эта идея заглохла). Кажется, простая вещь — мощность двигателя. Из физики знаем: это работа, произведенная в единицу времени. А на деле ничего эта величина не говорит, если мы не знаем, какую часть мощности двигатель вынужден тратить на себя — чтобы двигать себя самое, поршни, шестерни. Поэтому вводят иной показатель — мощность «на валу», то есть выданная двигате-

лем для полезной работы (движения колес, винта и т.д.). Обычно мы этой проблемы не замечаем, т.к. сравниваем двигатели одного типа да и одного поколения. А если разные двигатели, то без учета «неделимости» никак не обойтись. До паровой машины Уатта было уже два поколения машин. Вторая, машина Ньюкомена, уже использовалась довольно широко, но почти всю мощность тратила сама на себя. Уатт произвел техническую революцию, потому что его машина при той же мощности давала «на вал» гораздо больше. Эти машины были несоизмеримы в этом отношении. Очень большую часть своей мощности советское хозяйство тратило «на себя» — на обеспечение своего выживания в условиях холодной войны, чтобы не позволить ей перерасти в горячую.

Возьмем другую сторону жизнеустройства — не производство, а образ жизни. Что касается быта, то именно за 70—80-е годы страна в целом перешла по главным показателям к современному типу благоустроенного быта. Произошла полная электрификация села и почти полная газификация населенных пунктов, быстро шла телефонизация. Отправление писем и телеграмм, дальние поездки даже на самолете стали для среднего человека обыденной вещью — сравните с тем, что мы видим при антисоветском режиме. Это — массивные и фундаментальные улучшения жизни. Те явления застоя, упадка или даже регресса, на которые указывали критики, говорили, конечно, о неблагоприятных тенденциях. Можно говорить даже о болезнях хозяйственной системы. Но на фоне главных, массивных процессов эти дефекты признаками коллапса никак не служили. Надо же взвешивать общественные явления на верных весах.

Вызывало, например, нарекания строительство. Известно, что масштабы его были исключительно велики,

едва ли не все горожане в этот период испытали переезд (отделялись молодые, получали новые квартиры, улучшали старые и т.д.). Отрасль явно не справилась с такой экспансией, квалификация работников и качество работы упали. Но в то, что получение квартиры, пусть даже и построенной с огрехами, было для человека ухудшением, поверить невозможно. А ведь именно так ставят вопрос антисоветские ораторы. Конечно, люди, получив новую квартиру, быстро забывают свои ощущения. Но если бы новоселам сказали об «ухудшении» их жизни в тот момент, они бы просто не поняли. И кривые рамы подгонялись, и щели заделывались — а люди квартирам были рады и коллапса не ожидали.

Именно после 1988 г. стал быстро нарастать кризис, грозящий катастрофой. Вызван он был как раз отказом от главных принципов советского хозяйства, попыткой его «гибридизации» с элементами капиталистической экономики совсем иного типа. Катастрофа назревала так быстро, что уже в 1990 г. стали официально говорить об «опасности разрушения народного хозяйства». Большими усилиями, за счет потери политической стабильности, правительство удерживало ситуацию под контролем. Напротив, антисоветские силы делали все возможное, чтобы экономическое положение дестабилизировать и обострить недовольство населения (полезно вспомнить, как вышедшие из КПСС соратники Горбачева разжигали забастовки шахтеров Кузбасса).

Антисоветская интеллигенция поддержала главные принципы либеральной реформы, но при этом все ее виднейшие представители признавали, что никто не мог дать гарантии, что мы «выкарабкаемся». То есть эти люди поддерживали смертельно опасную операцию над своей больной страной — «против воли больного», как при-

знали сами демократы. Причем болезнь вовсе не требовала такой операции, а о заведомом вреде этой операции и ее опасности для жизни предупреждали очень многие авторитетные специалисты. Тут безответственность порождена идеалами. Для одних страна обладает святостью, которая не позволяет так легко решаться на смертельно опасные манипуляции. Для других страна — объект, с которым можно обращаться свободно.

* * *

Рассмотрим некоторые концептуальные основания критики советской системы хозяйства.

Отрицание государственной собственности. Частью большой антисоветской доктрины в сфере экономики была атака на представление об общенародной и государственной собственности. Позитивная часть этой доктрины была иррациональной, она сводилась к квазирелигиозной вере в благодатные свойства частной собственности. Делались нелепые высказывания о «естественном» характере частной собственности и даже ее «священном» характере. Что само понятие «священный» является иррациональным, очевидно, тут говорить не о чем, это именно символ веры. Для одних священно одно, для других другое, и логикой тут не возьмешь.

Придание же этому чисто социальному феномену статуса «естественного», то есть природного, внесоциального, также надо считать иррациональным, поскольку здесь слово «естественный» просто заменяет слово «священный» и никакого содержательного значения не имеет. Частная собственность в ее современном виде возникла лишь в Новое время, с превращением человека в свободного индивида (исходный элемент этой собствен-

ности — собственность на тело индивида). Так что самой этой категории, на которой строится все здание современного капитализма, всего-то от роду четыре века.

А только в цивилизованном состоянии человечество живет уже 20 тысяч лет — двести веков! Более того, даже не частная, а и более ранние формы собственности возникли лишь с появлением земледелия, то есть сравнительно недавно. А до этого вполне сформировавшийся *homo sapiens*, живущий племенами, лишь координировал разумное использование угодий для охоты или собирательства. Никакого «естественного», биологически присущего человеку «чувства» частной собственности не существует, это — исторически обусловленная часть культуры, продукт общественных отношений. Возник в определенных условиях, побыл в культуре и исчез.

Соответственно, не существует и никакого природного «чувства Хозяина», которое было якобы утрачено советскими людьми из-за обобществления собственности на средства производства. Создание мифа об этом «чувстве» или инстинкте — типичное биологизаторство культуры, отрывка социал-дарвинизма. Прискорбно наблюдать его в культурной образованной среде. Что же касается этого чувства как порождения культуры, то во все не советская власть его ограничила в России, а православие. С.Булгаков пишет в книге «Христианский социализм»: «Именно это-то чувство собственности, духовный яд ее, сладострастие Мамоны, и осуждается бесповоротно христианством как коренным образом противоречащее основной заповеди любви».

Во время перестройки настойчиво внушалась мысль, что, мол, общенародной собственности в СССР и не существует, ее захватило государство, так что общенарод-

ной советскую собственность называют лишь для отвода глаз. Был даже изобретен мифический «собственник» — бюрократия, номенклатура. Идея эта, если не считать ее злонамеренной фальшивкой, совершенно схоластична (хотя нередко именно самые схоластичные доктринальные идеи имеют большой успех и охотно принимаются соответственно подготовленными людьми).

Бюрократия в СССР явно представляла собой социальную группу работников управленческого аппарата и никакими признаками класса-собственника не обладала. Так же, как и менеджер в частной корпорации выполняет функции управления и участвует в принятии решений, но вовсе не является собственником капитала. Что собственность на средства производства была в СССР именно общенародной, а государство ею лишь распоряжалось, говорит как раз «уравниловка», которую на все лады склоняли антисоветские мыслители. В виде бесплатных благ и через низкие цены граждане на уравнилительной основе получали свои дивиденды с принадлежащей им частицы общенародной собственности. Кроме того, как частичные собственники средств производства, они имели реальное право на труд. Это достаточные признаки обладания собственностью, вполне очевидные и понятные.

Напротив, чтобы опорочить советскую собственность, антисоветским философам приходилось идти на сложные интеллектуальные выкрутасы и на грубую подмену понятий. Вот, например, что пишет видный философ-правовед В.С. Нерсисянц: «Одним из существенных прав и свобод человека является индивидуальная собственность, без чего все остальные права человека и право в целом лишаются не только своей полноты, но и вообще реального фундамента и необходимой гаран-

тии» (В.С. Нерсисянц. «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека. — СОЦИС, 1990, №1).

Утверждение, будто без частной собственности (философ стыдливо заменяет слово «частная» на «индивидуальная») все (!) права человека лишаются своей полноты и вообще фундамента, полная нелепость, противоречащая здравому смыслу. Появление частной собственности вовсе не создает прав и свобод, а лишь изменяет их структуру. Какие-то права появляются, какие-то пропадают, как и при любом крупном общественном изменении. Например, появление частной собственности, то есть присвоение средств производства частью общества, лишает многих людей права на пищу, которое до этого относилось к категории естественных, неотчуждаемых прав. При общинно-родовом строе (и много позже — при советском строе), когда средства производства находились в коллективной собственности, каждый член общины, если он от нее не отлучен, имел гарантированное право на пищу.

С точки зрения буржуазной идеологии, такие общества были неправовыми, т.к. не допускали частной собственности. Отсюда видно, что миф о связи собственности с правом основан на порочном круге. Он выводится не из реальности, а из идеологического постулата. Обман в том, что философы, которые этот миф культивируют, не называют этого постулата открыто.

* * *

Эксплуатируя заложенный в миф о собственности порочный круг, эти философы поневоле доходят до абсурда. Тот же В.С. Нерсисянц пишет: «Создаваться и утвер-

ждаться социалистическая собственность может лишь внеэкономическими и внеправовыми средствами — экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т.д.». Речь явно идет о советском строе. Вдумаемся в это тоталитарное утверждение: философ отрицает всякую возможность создать социалистическую собственность экономическими и правовыми способами.

В.С. Нерсисянц, видимо, делает упор на национализацию 1918 г., хотя и тут непонятно, почему же национализация — неправовым актом. А приватизация — правовой? Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать молодому биохимику и комсомольскому работнику Кахе Бендукидзе машиностроительный суперкомбинат «Уралмаш» за смехотворную цену — одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции?

Пусть даже национализация и была «неправовой» (точнее, следовала чрезвычайному революционному праву), но ведь 9/10 социалистической собственности в СССР было создано хозяйственной деятельностью в последующий за национализацией период. Согласно промышленной переписи, на 31 августа 1918 г. было национализировано 3 тыс. крупных предприятий — практически все, какие были в России. Большинство их было разрушено во время Гражданской войны и потом восстановлено уже Советским государством. Но за годы первой и второй пятилеток и части третьей пятилетки до начала войны было построено 9 тыс. крупных предприятий. Разрушенные в войне предприятия опять восстанавливались государством. После войны за 45 лет была построена огромная по масштабам и стоимости промышленная система, крупницы когда-то национали-

зированной собственности в ней полностью растворились. И теперь говорят, что все это строительство, восстановление, модернизация противоречат праву! На каком основании считает философ внеправовыми и внеэкономическими явлениями, например, строительство «Уралмаша», ВАЗа или московского метро? Самые благожелательные попытки додумать аргументы за В.С. Нерсисянца к успеху не приводят.

Возьмем совсем уж крайний случай. Непонятно, почему надо считать «внеправовым» явлением хотя бы и принудительный труд осужденных, если он регулируется правом. Само понятие права у этого правоведа становится совершенно расплывчатым. Что за странное воздействие оказывает антисоветизм на головной мозг.

Своей хулой на социалистическую (и вообще коллективную) собственность философ по контрасту пытается доказать мысль о том, что уж частная-то собственность создавалась исключительно в рамках права и без внеэкономического принуждения. Но ведь эта мысль, откровенно говоря, просто нелепа. Не будем уж поминать Маркса («на каждом долларе следы крови») или 9 млн. африканцев-рабов, доставленных в Америку живыми (по оценкам историков, живыми до Америки доплывало около 10% из тех, кто загонялся в трюм в Африке). По данным авторитетного историка Ф. Броделя, треть всех инвестиций Англии в период промышленной революции покрывалась средствами, нагребленными в одной только Индии.

Понятно, что в статье, написанной в 1989 г., автор своими манипуляциями с понятием собственности выполняет чисто политическую задачу — готовит читателя к грядущей приватизации. Уж она-то, мол, даст гарантии прав и свобод каждому человеку: «Необходимо осво-

бодить социалистическую собственность от абстрактно-всеобщей, «ничейной», государственной формы... и трансформировать ее в индивидуализированную собственность всех членов общества».

Хотя в то время идея разрешить кучке ловкачей захватить всю государственную собственность еще широко не афишировалась, практические разработки уже велись. Вот откровения одного из идеологов реформы экономиста В. Найшуля в статье с красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики» (в столь же красноречивой рубрике «Кафедра научного капитализма», «Огонек», № 45, декабрь 2000): «В 1985 году я написал самиздатовскую книгу о приватизации. Только называл приватизационные чеки не ваучерами, а инвестиционными рублями... В конце восьмидесятых организовалась некая единая тусовка, возникло новое экономическое поколение, из которого и вышло все, что вы наблюдаете сейчас,— нынешние реформаторы. В том числе Чубайс».

Вся эта атака на общенародную и государственную собственность, на мой взгляд, замешана на смеси подлости и глупости и велась она исключительно в целях прикрытия наглой и жестокой акции по присвоению этой собственности горсткой хищников. Присвоив ее, они вовсе не отнеслись к этой собственности с «чувством хозяина» — они ее разграбили, надолго парализовав производительные силы страны.

* * *

Отрицание советской индустриализации. Одним из тезисов было сострадание к советскому населению, ставшему жертвой форсированного развития. Ввиду

того, что сделали с населением антисоветские реформаторы после прихода к власти, это сострадание выглядит фарисейским, но до 1991 г. оно действовало на сознание. Во всей антисоветской прессе конца 80-х годов (как западной, так и отечественной) звучали два важных мотива: глупо было СССР предпринимать ускоренную индустриализацию; глупо было ввязываться в гонку вооружений с Западом.

В принципе это к вопросу об экономике никакого отношения не имеет. Та или иная точка зрения о том, что нужно было делать СССР, определяется моральными ценностями, а не логикой. О ценностях же нет смысла спорить. Примем эту позицию и предположим, что советский народ, в своем подавляющем большинстве принявший политику индустриализации, фатально ошибся.

Это предположение очень смелое. Все ошибки Сталина и его тевосянов советские люди оплачивали излишками своей крови и пота. Из всего, что я знаю из всех доступных мне источников, именно эти люди, проливавшие пот и кровь, имели самую верную оценку альтернатив. И эта оценка была наиболее достоверной, поскольку речь шла об их собственной шкуре и шкуре их детей (которых они очень любили). Я считаю, что эта их оценка вполне адекватно выразилась в редкостном историческом явлении — культе личности Сталина. При том, повторяю, что все его ошибки и перегибы сразу и непосредственно выражались в излишке пота и крови.

Позиция, отвергающая индустриализацию, стала бы рациональной, а не идеологической, если бы ее сторонники провели ревизию всех имевшихся в тот период реальных альтернатив и сказали бы: та альтернатива, что была реализована, наихудшая. А народ, полюбивший тирана Сталина, — дурак.

Я часто спрашиваю видных идеологов, даже нарушая приличия: «Какова была реальная альтернатива?» Стесняются, молчат. Ибо вот что пришлось бы ответить: лучше было бы отказаться от индустриализации, для которой не было средств. Лучше было бы не механизировать поле, а поддержать кулаков с дешевой батрацкой силой. Лучше было бы вновь начать гражданскую войну, расстреливая этих батраков в селе и безработных в городе. Лучше было бы сдаться Гитлеру и отдать Сибирь Японии.

Очевидно, что советский строй оказался неподготовлен к «сытой» жизни — тут он сразу породил элиту, вожделевшую буржуазной благодати. Оказался беспомощным против внутреннего врага, вскормленного холодной войной.

Не странно ли: никто не вспомнит сбывшееся пророчество Сталина. На языке марксизма он сказал: по мере развития социализма классовая борьба против него будет нарастать. Уж как над этим насмехались! А ведь в переводе на русский язык это было важное предупреждение. Смысл его таков: в советском строе есть глубокий изъян, и как только настанет сытая жизнь, в обществе появится сила, которая постарается этот строй уничтожить. Как разрешить это противоречие, поколение фронтовиков не знало. Но оно хоть предупреждало.

Что поражает в самой структуре антисоветского мышления, так это полное отсутствие в нем исторической памяти, интеллектуальной преемственности. Из него исключена рефлексия над теми оценками советской экономической системы, которые давали виднейшие мыслители Запада, наблюдавшие ее становление. Причем мыслители, обладающие высочайшим духовным авторитетом в среде самой антисоветской интелли-

генции. Понятно, что можно считать те их оценки ошибочными, находить им какое-то объяснение, но ведь этого нет — их просто игнорируют без всяких внутренних сомнений.

Вот Эйнштейн, хорошо информированный и об издержках советской индустриализации, и о репрессиях, писал в мае 1949 г.: «Экономическая анархия капиталистического общества, каким мы его знаем сегодня, является, по моему мнению, действительной причиной всех зол. Мы видим перед собой огромное сообщество производителей, которые непрерывно борются друг с другом ради того, чтобы присвоить плоды коллективного труда, причем борются не из объективной необходимости, а подчиняясь законно установленным правилам...

Результатом такой эволюции стала олигархия частного капитала, чья колоссальная власть не может быть поставлена под эффективный контроль в демократически организованном политическом обществе. Это неизбежно, поскольку члены законодательных органов подбираются политическими партиями, финансируемыми или во всяком случае находящимися под влиянием частных капиталистов... более того, в нынешних условиях частные капиталисты неизбежно обладают контролем, прямо или косвенно, над основными источниками информации (прессой, радио, образованием). Таким образом, оказывается исключительно трудным, если не невозможным в большинстве случаев, чтобы отдельно взятый гражданин смог сделать объективные выводы и разумно использовал свои политические права. Это выхолащивание личности кажется мне наиболее гнусной чертой капитализма...

Я убежден, что имеется единственная возможность устранить эти тяжелые дефекты — посредством уста-

новления социалистической экономики, дополненной системой образования, ориентированной на социальные цели. В этом типе экономики средства производства находятся в руках общества и используются в плановом порядке. Плановая экономика, которая регулирует производство в соответствии с общественными потребностями, распределяет работу между всеми, способными работать, и гарантирует существование всем людям, всем женщинам и детям. Воспитание личности, кроме того чтобы стимулировать развитие ее внутренних способностей, культивирует в ней чувство ответственности перед согражданами, вместо того чтобы прославлять власть и успех, как в нашем нынешнем обществе».

* * *

Говоря о «катастрофах, вызванных ускоренной индустриализацией», критики советской экономики сразу же забывают о них, когда хотят показать неэффективность плановой системы с другой стороны — через отсталость советской технологии в сравнении с западной или через низкий уровень потребления в стране. Бывает, один и тот же экономист в одной и той же статье видит дефект советской системы в том, что она провела слишком форсированную ускоренную индустриализацию, и одновременно в том, что индустриализация была недостаточно форсированной и ускоренной и не вывела СССР на уровень США. Такова диалектика антисоветского мышления.

Здесь надо сказать, что в антисоветском мышлении есть сильный крен в технократизм. Оно исходит из того, что большие социальные системы вроде хозяйства создаются логически, в то время как они складываются ис-

торически. Мы просто забываем те исторические обстоятельства, которые в тот или иной момент предопределили логически тот выбор, что привел к нынешнему состоянию. Но выбор задает определенную траекторию, память системы, ее «генотип». Не учитывая этого, технократ уверен, что сегодня он, логически мысля, может эту систему частично сломать и устроить лучше, по новому американскому учебнику.

Отвлечемся пока от того факта, что он чаще всего и сегодня мыслит не слишком умело, — «забывает про овраги, а по ним ходить». Главное в том, что даже если бы его переводной учебник действительно был хорош, генотип системы, в котором записано огромное неявное знание о невидимых и даже принципиально не обнаруживаемых оврагах, представляет из себя не только большую ценность, но и огромную силу. В результате, ломая, как он полагает, лишь немного в системе, технократ приводит дело к катастрофе. Почти наверняка можно сказать, что предполагаемый при этом выигрыш в эффективности меньше ценности того неявного знания и памяти системы, которые он разрушает.

Вспомним: поначалу антисоветский проект в экономике якобы сводился к тому, чтобы усилить роль обратных связей в хозяйстве СССР. Первая модель хозрасчета, вторая модель, расширение инициативы и т.п. Ради этого не стоило наваливать миллионы трупов, такие вещи делаются не торопясь, проверяя каждый шаг именно обратными связями. Хорошо получилось — принимаем, делаем еще маленький шажок. Не послушались реформаторы своего кумира Поппера (да и не читали они ничего, кроме конспекта лекций по Келле и Ковальзону).

Но если исходить из требований интеллектуальной совести, то надо вспомнить все предыдущие попытки

усиления обратных связей (рыночности) в советской системе хозяйства. Укажем главные из таких точек: а) попытка пойти по пути госкапитализма в 1918 г.; б) нэп, демонтаж трестов, хозрасчет и прямые связи; в) реформы Хрущева — ликвидация министерств, совнархозы; г) реформа Либермана — Косыгина; д) реформа Горбачева — Рыжкова; е) реформа Ельцина — Гайдара. Все эти попытки, вплоть до Горбачева, запускали процессы, чреватые глубоким разрушением хозяйства или недопустимым в реальных условиях снижением темпов развития (нэп), а потому закруглялись, изучались (!) и приводили к восстановлению, на новом уровне, генотипа нашего «семейного» хозяйства. Всегда с изменениями, но не разрушительными. Лишь Горбачев пошел напролом, а потом его работу, в наиболее грязной ее части, доделала бригада Ельцина.

Если окинуть взглядом эту богатую историю, то именно об антисоветском типе мышления следует сказать, что в нем напрочь отсутствуют обратные связи. Это — система, принципиально необучающаяся.

Особо наглядны разрывы в логике и «обратных связях», когда само планирование трактуется как «гигантский механизм по растрате усилий и ресурсов». Вспомним реальность России 20 — 30-х годов и представим себе альтернативу плановой экономике. Предположим заведомо невозможное (независимо от желаний большевиков): после Гражданской войны в России установилась экономика свободного капиталистического рынка. Каков был бы результат? Его нетрудно смоделировать, и вряд ли кто-нибудь всерьез сомневается в том, что в реальных условиях разрухи, отсутствия капиталов, огромного внешнего долга и хронической нехватки земли первым результатом стала бы длительная массовая без-

работица невиданных масштабов. Вот это действительно было бы «гигантским механизмом по растрате ресурсов», несопоставимым по своей разрушительной силе с дефектами планирования.

Этой безработицы удалось избежать именно потому, что путем планового распределения ресурсов, не подчиняющегося локальным экономическим критериям (прибыль), огромные массы людей были вовлечены в строительство заводов, каналов, железных дорог, хотя бы с помощью «неэффективного» ручного труда. С помощью планирования этим людям было обеспечено очень скромное, но достойное существование и возможность учиться. А затем, опять-таки вопреки экономическим критериям рынка, на заводах было установлено самое современное по тем временам оборудование, которое бывшие крестьяне вначале нещадно ломали. Все это с точки зрения рынка совершенно иррационально, а с точки зрения страны в целом было национальным спасением и средством избежать огромных страданий.

Вернемся к жестокой реальности. Могли ли согласиться с нарастающей безработицей и социальным расслоением миллионные массы красноармейцев, воевавших под знаменем уравнилельного идеала («против эксплуатации»)? Ни в коем случае. Достаточно сказать, что даже введение нэпа, т.е. строго дозированное и контролируемое допущение рыночной экономики, вызвало не только волну самоубийств, но и возникновение вооруженных банд из красных ветеранов Гражданской войны. Уместно было бы вспомнить и умерших от голода рабочих и шахтеров закрытых при введении нэпа нерентабельных фабрик и шахт и тот психологический эффект, который производили эти смерти.

Нет смысла спорить о нюансах, ошибках и перегибах. Не в них суть. Важно, что в целом принятый при планировании приоритет социальных критериев над экономическими и долгосрочных целей над краткосрочными не был «очевидно иррациональным». Потому-то эта политика и была поддержана населением. И вот методологическая скудость антисоветизма. Делая экстравагантный вывод о якобы очевидной иррациональности советской программы индустриализации, разумный человек попытался бы проверить его каким-то независимым методом.

В данном случае отсутствие такой проверки тем более красноречиво, что сама история провела объективный экзамен: войну против СССР нацистской Германии, использующей промышленность почти всей Европы. Имеются достаточно точные, проверенные немецкими «экспертами» данные о количестве и качестве советского вооружения и военных материалов. Исходя из этих данных не трудно рассчитать реальные темпы роста промышленности, образования и культуры в СССР за 30-е годы. Но ни подсчетов не делается, ни даже война как экзамен не вспоминается.

* * *

Отрицание плановой системы. Когда говорят о дефектах планирования, то дело сводят именно к якобы неверным техническим решениям («надо было строить хорошие картофелехранилища, а не ракеты»). Но даже если так, то ведь именно сделанный тогда обществом выбор («устоять даже в условиях военного быта») и определял приоритеты для планирования — отпра-

лять средства на строительство хранилищ для картофеля или на строительство новой ракеты.

Здесь стоит на момент остановиться и отсечь целый пласт рассуждений, которые мне кажутся бесполезными, — о правильности или ошибочности тех или иных конкретных плановых решений в советский период. То знание и те методы, которыми располагают граждане, позволяют надежно оценивать лишь критерии и выборы довольно высокого уровня, а не решения, которые, по сути, уже не зависят от общественного строя. Они и в американских корпорациях могут быть столь же ошибочными, как и в советском министерстве.

На деле, мне кажется, за конкретными «ошибками», которые вспоминают принципиальные критики советского проекта, кроется отрицание именно критериев высокого уровня. Но этого не хотят прямо говорить и вытаскивают ошибку, обычно такую, которую собеседник и не может рационально оценить. Потом незаметно производится подмена предмета, и ошибочным начинает казаться критерий высшего уровня.

Например, один собеседник в Интернете (строитель) основывает свою критику плановой системы на таком факте: в СССР не разработали и не наладили производство хорошего насоса для бетона. Конечно, это плохо — в ФРГ такие насосы уже есть и дают большой эффект в строительстве. Значит, рассуждает он, здесь была допущена важная ошибка в планировании, значит, плановая система хуже частной инициативы и т.д.

Я считаю, что это рассуждение (а структура его типична) ошибочно. «Нет хорошего насоса» — это факт. «Допущена ошибка в планировании» — первый вывод. Но переход уже к этому первому выводу никак не обоснован. Ведь на деле задача стоит так: есть ограниченное

количество ресурсов; надо создать и выпустить определенный минимальный набор продуктов; качество каждого продукта определяется количеством и качеством выделенных для его разработки и производства ресурсов; принятое плановой системой распределение ресурсов таково, что МиГ-29 хорош, а насос для бетона плох.

Почему же насос плох? В чем здесь ошибка Госплана? Возможно, в том, что переоценили ресурсы, выделенные для насоса, и он получился с качеством ниже приемлемого критического уровня. То есть все равно что его нет. Если так, то лучше бы и не тратить на него средства, а закупить в ФРГ. Это — плохое управленческое решение, и не более того. Или же господа отвергают сами критерии распределения («МиГ-29 важнее насоса»)? Это уже проблема выбора, о ней и надо говорить.

Но даже и допущение о том, что выделение средств для насоса было ошибкой, неочевидно. При разработке и производстве любого продукта есть «кривые обучения» — сначала выходит плохо, а потом налаживается. Если не начинать разработку и производство, то никогда своего насоса и не будет. Просто очень богатые корпорации могут больше средств отпускать на первую стадию «обучения», но сравнения этих показателей мы ведь и не делаем. Мы сравниваем наш «необученный» насос с обкатанным насосом из ФРГ.

Что же касается «качества» самих плановиков, то нелишне напомнить, что нобелевский лауреат Василий Леонтьев, прежде чем разработать исключительно важный для западной экономики метод межотраслевого баланса, был советским плановиком. И советским плановиком Канторовичем создан метод линейного программирования (исследование операций), в крупном масштабе примененный при планировании Сталинградской битвы, а впоследствии удостоенный Нобелевской премии.

В 80-е годы делались, да и сейчас еще делаются попытки доказать внутренне присущую плановой системе неэффективность «строгими» методами кибернетики. Потому, мол, что рыночная экономика автоматически регулируется обратными связями, неподвластными ошибкам плановиков. Хотя тезис этот, на мой взгляд, совершенно схоластический и к реальности никакого отношения нигде и никогда не имел, он почему-то крепко запал в умы. Поэтому надо на нем остановиться.

Строго говоря, в этом тезисе есть уже перенос из идеологии некорректных утверждений. Нерыночное хозяйство не может быть описано в понятиях рынка, к нему неприменима рыночная категория «эффективности». Об этом говорил уже Аристотель, это подразумевал Адам Смит и специально оговаривали Маркс и Вебер. Утрируя, можно сказать, что советская экономика выросла из экономики крестьянского двора, и ее главным теоретиком были не Преображенский или Струмилин, а Чаянов. Он же писал, что изъять из политэкономии одну категорию — значит обрушить всю систему: «Экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущий им смысл и содержание и не поддаются более даже ко-

личественному определению». Поразительно, что никто из теоретизирующих антисоветчиков не пытался возразить против этой мысли Чаянова по существу, но и в расчет ее не принимал. А ведь в ней вопрос поставлен очень жестко — категории рыночного хозяйства в приложении к советскому не просто теряют смысл, но даже и не поддаются количественному определению!

Неприемлемо и обычное для идеологов выведение эффективности через сравнение уровня потребления в СССР и на Западе. Ни в плане природных, ни в плане исторических и культурных условий не выполняются минимальные критерии подобия этих двух систем. Несомизмеримости хорошо изучены, и сравнения, эффектные для пропаганды, в научном плане — подлог. Если бы Запад был поставлен в положение СССР (хотя бы отрезан от ресурсов колоний, а потом «третьего мира»), его экономика моментально рухнула, а затем там устроилось бы что-то похожее на советскую систему.

Но допустим, что есть некий интегральный и применимый для обеих систем показатель «эффективности». Думаю, история надежно показала, что и в этом случае тезис о преимуществе рыночной экономики над плановой не получил эмпирического подтверждения. Страны «свободного рынка» (термин чисто идеологический, поскольку реальной свободы на этом рынке нет) всегда имели огромную помощь государства, которая и приводила систему в равновесие. Это были не «обратные», а именно «прямые связи», аналог плана. Только государство могло обеспечить экономике Запада захват колоний и перекачку оттуда ресурсов. Без них «рынок» (капитализм) в ядре системы вообще не мог бы существовать, о чем и говорит изучение «структур повседневности», то есть эмпирический анализ школы Броделя.

Когда «рынок» слишком усилился по сравнению с государством, случилась Великая депрессия. Ответом была «кейнсианская революция». Раз революция, значит, речь шла о катастрофе, а значит, о принципиальной неэффективности обратных связей. В западной литературе приходится читать выражения типа «сама по себе рыночная система является саморазрушающейся».

Напротив, имеется большой и прозрачный эмпирический опыт, говорящий о том, что нерыночное хозяйство с прямыми связями при отсутствии большого резерва ресурсов извне гораздо эффективнее рыночного. Речь идет, прежде всего, о семейном хозяйстве. Политэкономия (экономика полиса, народное хозяйство, хрематистика) не занималась хозяйством ячейки общества — семьи. А оно устроено не на купле-продаже или прямом обмене, а на кооперации и взаимопомощи. Это типично плановое хозяйство — с бюджетом, безналичным расчетом и условными ценами.

В 70-е годы я изучал организацию науки, а лаборатория устроена во многом как хозяйство семьи. И стал читать американскую литературу. Оказалось, что совокупность семей в США ведет огромную по масштабам хозяйственную деятельность. Почти весь досуг людей, а также время стариков и частично детей в основном посвящены труду, в котором есть своя технология, материально-техническая база, организация, финансирование и т.д. Рынок наступает на эту сферу, но безуспешно, ибо в другом месте и отступает. Много полуфабрикатов пищи производит теперь промышленность — но зато мебель люди все больше и больше делают сами — тоже из полуфабрикатов.

В США были работы, в которых пытались обсчитать хозяйство семьи в рыночных категориях — как если бы члены семьи перешли на отношения купли-продажи с

эквивалентным обменом. Оказалось, и об этом говорилось с удивлением, как об открытии, что семья жить бы не смогла — все услуги были столь дороги, что никто их оплатить бы не смог.

Самое странное было в том, что в семейном хозяйстве возникала энтелехия (системное качество) в крупном размере. Сумма оборота была не нулевая, в семье все получали большие деньги как бы из ничего — бесплатный синергический эффект. В России к этому близок изученный в науке непривычный и неприятный для либералов опыт крестьянского хозяйства в сравнении с фермерским в 1880—1917 гг. На эмпирическом уровне он описан А.Н. Энгельгардтом, на научном — школой Чаянова.

Эти экономические работы в США делались в русле «альтернативной экономики», но Чаянов об этом писал уже в 20-е годы. Важная вещь: крестьянский двор выполнял целый ряд работ крайне нерентабельных и «неэффективных» — и именно потому он в целом в годовом цикле был очень эффективным. Советское хозяйство было в принципе устроено по типу семьи или крестьянского двора. Подходить к нему, как к рыночному, указывая, что, мол, это неэффективно, а то нерентабельно, — значит проявлять крайнюю степень механицизма и отсутствия системного видения. Это откат за древних греков, которые уже хорошо понимали значение энтелехии, синергизма, возникновения силы «из ничего».

* * *

Антисоветские экономисты, по большому счету, ратовали за превращение хозяйства семьи в рынок, за переход от сложной системной кооперации к максималь-

ному переводу отношений на принцип купли-продажи с регулятором в виде обратных связей. Таков пафос их главных утверждений. Когда говорят о рынке и плане как регуляторах хозяйства, то сводят эффективность такой большой системы, как народное хозяйство, к эффективности одной его подсистемы — управления. Тут, по-моему, есть столь большое взаимное непонимание, что даже не знаешь, как подступиться. Является ли управление лимитирующим звеном всей системы? Скорее всего, нет. Если не работает блок, производящий какой-то критически важный ресурс, то, как ни оптимизируй систему с помощью хорошего управления, результат плачевен. Советская система характеризовалась тремя особыми качествами, отличавшими ее от капиталистической.

Во-первых, она сумела запустить молекулярные процессы массового создания «снизу» самых ценных ресурсов. Прежде всего, это здоровый, спокойный, образованный человек. Это видно из множества жестких эмпирических показателей. Во-вторых, это создание всеобъемлющей системы поиска, разработки и собирания материальных средств — от сырья и энергии до рабочей силы. В-третьих, механизм концентрации ресурсов в ключевых точках в нужный момент и маневра ресурсами. Речь здесь идет не только о комплексном планировании, но и о создании больших технологических систем типа Единой энергетической или единой железнодорожной. В сумме это дало такой запас эффективности, что гипотетическое превосходство обратных связей над прямыми в подсистеме управления по сравнению с этим запасом несущественно.

Но вернемся к тезису о более высокой эффективности рынка как регулятора по сравнению с планом. И этот тезис нельзя принять как недопустимо абстрактный. Он

означает перенос чистой модели управляющей системы на сложную систему управления в реальной экономике. Это — на грани подлога. Специалист по экономической кибернетике Ст. Бир писал, что такая система, как предприятие (фирма), в принципе не может управляться на основе обратных связей. Для нее необходимо дополнение, «говорящее на ином языке». Это и есть дополнение через прямые связи (государственное регулирование, план и т.п.). По отношению к советской системе, которая, как и капитализм, была комбинацией прямых и обратных связей, можно было бы спорить об изменении пропорций или структуры связей. Однако в антисоветском движении вопрос был поставлен совершенно иначе. Оно потребовало слома советской системы.

Кроме того, в больших системах оптимум вообще не бывает четко выраженным. Есть широкие зоны «хороших состояний». Если система работает (как это и было с советской системой), то, значит, она находится именно в этой зоне. Даже если зона оптимума иной системы (для нас — «рыночной») несколько выше, она всегда отделена от нашей более или менее высоким барьером. Затраты на его преодоление (на «перестройку») могут быть несопоставимо больше, чем разница в высоте оптимумов. Выдвигая свой тезис о предпочтительности рынка, антисоветские идеологи просто обязаны были четко заявить о своей оценке цены перехода.

Она, кстати, в последние двадцать лет определяется уже вовсе не умозрительно. Но и умозрительно она была известна до 1989 г. — в расчетах видных экономистов-рыночников, например для Польши. Тогда говорилось, что по политическим соображениям Польша пойдет на эту перестройку, но она станет «нацией хорошо оплачиваемых зулусов». Было известно, что при пере-

ходе через потенциальный барьер Польша должна будет лишиться современной промышленности и науки. Так оно и произошло. Энтузиаст антисоветского поворота должен был не только открыто согласиться на такой вариант для России, но еще и обосновать надежду на то, что «русские зулусы» будут оплачиваться хотя бы по прожиточному минимуму.

В отношении России тезис о преимуществах обратных связей неприемлем еще и по той специфической причине, что и летом 1917 г., и сегодня в систему управления хозяйством встроен сильный теневой агент, находящийся вне России и действующий согласно критериям, явно противоречащим интересам России.

В России начала XX века большая часть прибавочного продукта изымалась в виде платежей по внешнему долгу, вывоза прибылей иностранным капиталом и в виде переводов на расходы дворянства и буржуазии за границей. Сегодня — то же самое. О какой эффективности рынка и обратных связей можно вообще говорить в таких условиях? Цены на главные товары на российском рынке устанавливались в Париже, и это были для России никак не обратные, а прямые связи — диктат. А что такое сегодня для России программа МВФ или негласные рекомендации Бильдербергского клуба? Прямой и предельно жесткий диктат, ничего не имеющий общего с обратными связями «свободного рынка».

Это положение усугубляется еще одним фактором, который в России оказывал сильнейшее внешнее (прямое) действие на управление до 1917 г. и после 1991 г. — диктат преступных уголовных структур. Об этом антисоветские теоретики тоже «забыли»? В таком случае все их моделирование никакой ценности не имеет. Можно принять, что в некоторых частных случаях мы име-

ем дело с искренним заблуждением, но в целом эта проблема прекрасно известна.

Общий вывод таков: даже если управление через рынок было бы эффективнее, чем через план, указанные факторы реальности настолько сильнее этого преимущества, что их устранение с помощью государственного контроля, как это и предполагалось в советском проекте, дает заведомый большой выигрыш.

* * *

Против советской системы хозяйства выдвигалось и много «обыденных» популярных обвинений. Они имели успех вследствие того, что люди, не имея достаточно широкой информации, с трудом могли «взвесить» обвинения, найти верную меру. Негативные явления и издержки гипертрофировались в сознании.

Например, много говорилось о том, что экономика якобы «работает на себя», так что в хозяйстве накапливается огромная масса ненужных запасов и неустановленного оборудования. Другое обвинение того же рода гласило, что огромная масса товаров вообще производится зря, они никому не нужны, забивают склады и уцениваются. И то и другое имело место — но в каких масштабах?

Вот данные из статистического сборника «Финансы СССР. 1989—1990 гг.» (М., Госкомстат СССР, 1991). Сначала о масштабах стоимости неустановленного оборудования (понятное дело, речь идет о сверхнормативных запасах): «В 1990 г. в амортизационный фонд начислено амортизации за год 147,5 млрд. руб., прочих поступлений в амортизационный фонд было 52,2 млрд. руб. Итого 199,7 млрд. руб. Израсходовано из этого фонда всего

202 млрд. руб., в том числе на полное восстановление основных фондов 98,6 млрд. руб. и на ремонт основных фондов 103,5 млрд. руб. (с. 172)... Сверхнормативного неустановленного оборудования на складах в капитальном строительстве (без сданного в монтаж и резервного) в 1990 г. было в СССР на 7,1 млрд. руб. (в 1989 г. — на 6 млрд. руб.)» (с. 178).

Далее в справочнике дается сводка о стоимости неустановленного оборудования по разным его категориям для всех министерств и крупных предприятий. Например: концерн «Норильский никель» имел неустановленного оборудования всего на 43 млн. руб., в том числе — отечественного на 21 млн., импортного на 22 млн., сверхнормативного на 33 млн. руб. (с. 181).

Таким образом, на полную замену и ремонт основных фондов в год расходовалось из амортизационного фонда порядка 200 млрд. руб. в год. На приобретение оборудования и инструментов в 1989 г. израсходовано 82,4 млрд. руб., а в 1990 г. 85,6 млрд. руб. А сверхнормативного неустановленного оборудования было на сумму 6—7 млрд. руб. в год. Неужели задержка с установкой 8% оборудования есть столь немыслимый дефект, чтобы из-за него бросать обвинение самим принципам хозяйственной системы? Мне кажется, что тут или заблуждение (незнание реальной обстановки в целом), или отказ чувства меры.

Теперь насчет того, что советское хозяйство несло большие потери из-за производства товаров, которые «никто не покупал». В 1989 г. в розничной торговле в СССР было продано непродовольственных товаров на 214,2 млрд. руб., а в 1990 г. на 259,7 млрд. руб. В цитированном справочнике читаем: «Потери от уценки товаров, не пользующихся спросом населения, устарев-

ших фасонов и моделей: 1989 — 2,6 млрд. руб.; 1990 — 2,5 млрд. руб.» (с. 184). Итак, уценка товаров составляла всего около 1% продаж! причем уцененные товары не пропадали, не сжигались — они использовались людьми, многие это прекрасно помнят. А ведь этой проблеме в массовом сознании придали почти катастрофический характер.

Сегодня, когда мы находимся в тяжелейшем положении и окидываем мысленным взором совокупность антисоветских суждений о разрушенной системе хозяйства, возникает тяжелое чувство. Эта критика выглядит поразительно бесплодной, из нее нельзя извлечь никакого полезного урока. Какую из ее концепций ни возьми — с желанием, отсеяв ругань, отобрать какие-то поучительные мысли — все расплывается, во всем какая-то гниль. Это критика, построенная на ложных основаниях, недобрых чувствах и недобросовестных приемах.

Начиная с 1991 г. во всех республиках СССР проводится крупное международное социологическое исследование «Барометр новых демократий». В августе 1996 г. был опубликован краткий доклад руководителей проекта Р. Роуза (Великобритания) и К. Харпфера (Австрия) «Новый русский барометр». В этом докладе сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе». Если точнее, то положительные оценки советской экономической системе дали в России 72%, в Белоруссии — 88 и на Украине — 90% (Rose R., Haerpfer Ch. Comparing and Contrasting Mass Response to Transformation in Eastern Europe and Russia. — Monitoring of Change: Principal Trends. 1996. Vol. 4, а 24, p. 13—20).

Советское хозяйство и бедность. Важным качеством любого жизнеустройства является представление о бедности — отношение к тому факту, что часть членов общества имеет очень низкий, по меркам этого общества, уровень дохода. Столь низкий, что по потреблению благ и типу жизни бедные и зажиточная, благополучная часть образуют два разных мира (в Англии периода раннего капитализма говорили о двух разных расах — «расе бедных» и «расе богатых»).

По этому признаку советский строй жизни сильно отличался от сословного общества царской России и резко отличался от либерального общества Запада. Здесь нас интересует именно сравнение с Западом, поскольку во всей антисоветской пропаганде именно Запад брался за образец «правильного» распределения доходов, якобы устраняющего ненавистную «уравниловку». Скажем, наконец-то, прямо, что отрицание уравниловки есть не что иное, как придание законного характера бедности.

И философские основания советского строя, и лежащая в их основе антропология, несущая на себе отпечаток крестьянского общинного коммунизма, исходили из того, что бедность — зло. Бедность в советской культуре рассматривалась как пережиток прошлого, как следствие недостаточного развития хозяйства или социальных аномалий. Каждый советский гражданин как член большой страны-общины и государства-семьи имеет право на получение такого количества материальных благ, чтобы вести благополучную жизнь — в достатке. Таков был официально декларируемый принцип, и

таков был важный стереотип общественного сознания. В этом официальная идеология и стихийное мироощущение людей полностью совпадали.

На Западе ведущие мыслители-экономисты либерального направления (А. Смит, Т. Мальтус, Д. Рикардо) считали, что бедность — неизбежное следствие превращения традиционного общества в индустриальное. Более того, Мальтус даже считал, что бедность — универсальное свойство самого человеческого существования, просто рынок обнажил его до полной ясности. Он был противником государственной помощи бедным, поскольку именно голод и эпидемии являются необходимым стихийным регулятором численности бедных — и этому регулятору нельзя мешать.

Видный идеолог социал-дарвинизма Г. Спенсер считал даже, что бедность играет положительную роль, будучи движущей силой развития личности. Эти идеи Спенсера оказали решающее значение на становление американской социологии. Таким образом, бедность рассматривали или как неустранимое зло, или как социальное благо, побудительный мотив для прогресса.

Идеолог современного либерализма Ф. фон Хайек также считал, что бедность — закономерное явление в человеческом обществе и необходима для общественного блага. Он призывал ограничить государственное участие в сокращении бедности и возложить ответственность за свою бедность на индивидуума.

Иначе трактуют бедность социологи левых взглядов. Большую известность получила книга П. Таунсенда «Бедность в Великобритании», в которой эта проблема представлена как социальная, и причина ее лежит в сфере общественных отношений (в данном случае — в капитализме). По оценкам этого социолога, 25% англи-

чан живут в реальной бедности и 50% постоянно находятся в страхе перед бедностью. Исследователь бедности и голода из Индии, лауреат Нобелевской премии по экономике А. Сен показывает, что бедность не связана с количеством товаров (шире — благ), а определяется возможностями людей получить доступ к этим благам.

Ограничение бедности является важным условием и выхода из тяжелых кризисов. Об этом много говорил Рузвельт. Л. Эрхард в программе послевоенного восстановления ФРГ исходил из таких принципиальных установок: «Бедность является важнейшим средством, чтобы заставить человека духовно зачехнуть в мелких материальных каждодневных заботах... [такие заботы] делают людей все несвободнее, они остаются пленниками своих материальных помыслов и устремлений». Л.Эрхард даже включал гарантию против внезапного обеднения в число фундаментальных прав: «Принцип стабильности цен следует включить в число основных прав человека, и каждый гражданин вправе потребовать от государства ее сохранения».

* * *

В обыденной социальной реальности даже богатейших стран Запада бедность является обязательным элементом («структурная бедность») и служит важным фактором консолидации гражданского общества. Каждый гражданин всегда имеет перед глазами печальный пример людей, выброшенных из общества. Советского человека, попавшего на Запад, поначалу удивляло, что пресса и телевидение очень обильно, с массой устрашающих деталей показывают крайнюю бедность части их общества. В этом нет никакого «саморазоблачения» — обще-

ству не стыдно за эту бедность, регулярно показывать ее в назидание всем благополучным необходимо.

Скажу об особой категории выброшенных из общества бедных людей — душевнобольных. Количество ненормальных в западных городах поражает. Там теперь новая политика — закрывать психиатрические больницы и выставлять пациентов на улицу. Свобода! А главное — экономия. Главный психиатр Нью-Йорка, сам из католиков, с горечью писал: «Беззаветные защитники так называемой свободы обрекают этих отверженных на жалкое существование, таящее большую опасность для них самих и, нередко, для общества». Эту ценность открытого общества в Россию уже внедрили: закон запрещает оказывать сумасшедшему помощь, если он сам об этом не попросит.

Кстати, в обзоре о состоянии психиатрических больниц на Западе эксперт из Швеции замечает, что «к психопатам очень хорошо относились в больницах России и избивали ногами в США». Под Россией имеется в виду СССР. При всей бедности и дефектах наших больниц — почему бы это? Потому, что советская цивилизация взяла от православия представление, что все люди — братья. А в США подспудно считают, что «Христос пошел на крест не за всех», и большинство — отверженные. У сумасшедшего его отверженность выявилась наглядно — и его можно и нужно бить ногами.

Надо сказать, что хотя страны православной и исламской культуры резко отличаются от Запада в отношении к бедности, и сам Запад в этом вопросе не един. До сих пор заметны различия в «католическом» и «протестантском» Западе. Там, например, сложились две разные системы благотворительности. Они представлены «Армией спасения» в протестантских странах и огромной

международной католической организацией «Caritas» («Милосердие»).

Кстати, западная помощь «бедным всего мира» исключительно сильно политизирована, из нее вытравлены исходные евангельские принципы. Израиль получает от США помощь на одного бедного в 100 раз большую, чем Бангладеш, хотя средний доход в Израиле превышает 12 000 долларов на душу населения.

Вернемся к «Caritas». Эта организация ведет исключительно широкие и философски глубокие исследования бедности. Мне удалось поработать в библиотеке этой организации в Испании и почитать отчеты ее исследовательских групп. Это исключительно важный для нас материал. К сожалению, никакого интереса к современному знанию по проблеме бедности, накопленному в этой организации, в России не проявили ни государственные, ни научные, ни общественные организации. Например, Российский гуманитарный научный фонд год за годом отказывал в даже небольших грантах на то, чтобы ввести эти обобщенные сведения в научный оборот в России. Эксперты РГНФ не голодают!

В целом и на католическом Западе в этой сфере идет «тихая Реформация». Так, в Бразилии в систему вошли «социальные чистки». Ныне в ее культуре фактически принята идея апартеида, основанная на идущем от протестантской концепции «предопределенности» расизме. Сознательно создается общество двух коридоров — то, что в «развитом» Западе выражается, например, в концепции школы.

«Вторжение протестантского Запада» происходит даже в католической Испании. Оно выражается во многих проявлениях расизма, которого раньше здесь не было. Это — вытеснение иезуитов «Опусом деи», а като-

лической благотворительности — «социальными службами». Старики от них бегут ночевать зимой на улице только потому, что вспоминают, с какими словами их там заставляют мыться.

Западное общество иногда называют «обществом двух третей» — поддержание трети общества за чертой бедности создает самую стабильную конструкцию. Разделение на богатых и бедных на современном Западе утратило классовый характер, в привычных нам терминах марксизма его понять трудно. Рабочий вошел в то, что называется «средний класс», и живет так, как живут две трети населения. Буржуазии и не требовалось подкупать всех бывших пролетариев — треть общества остается в бедноте, и это даже необходимо. Вид бедности сплачивает благополучных. Все это понимают, многие страдают — но что же тут поделаешь. А мир бедных на Западе вообще почти не известен. Редко приходится чуть-чуть к нему прикоснуться, и это как удар тока.

Есть ли на Западе классовая солидарность с третью отверженных? Я бы сказал, что классовой нет (или есть на уровне лозунгов). Родственная — пока да, родные не дают опуститься. Но если не удержался — попадаешь в совсем иной мир. Двойное общество! Еще четче это видно в «третьем мире». Вот Бразилия, общество «двух половин». В 1980—90 гг. здесь 47% населения относились к категории «нищего», в 1992 г. их число составило 72,4 миллиона (Из «Отчета по человеческому развитию. 1994». ООН, Оксфорд Университи Пресс. — Цит. по: «Общество и экономика», 1996, № 3—4). Такое общество уже приходится контролировать террором, и в трущобах (фавелах) регулярно устраивают акции устрашения, пускают кровь в больших количествах. Повод всегда найдется. А рабочие живут пусть по европейским мер-

кам бедно, но с известными гарантиями. Можно ли сказать о рабочем классе и на Западе, и в Бразилии, что «им нечего терять, кроме своих цепей»? Считаю, что нельзя. И в постоянной войне с фавелами они, скорее, союзники буржуазии, чем отверженных. Россия становится для мира одной огромной фавелой.

Либерализм и социал-демократия на Западе различаются не философским отношением к бедности, а разными социальными проектами. Когда к власти приходят правительства социал-демократического толка, масштабы бедности сокращаются, когда к власти возвращаются правые (как, например, Тэтчер) — возрастают.

* * *

В царской России в период развития капитализма тяжелая бедность сильнее всего ударяла по городским низам, не имевшим уже опоры в крестьянской общине. Показательно положение детских приютов. В конце XIX века произошел громадный наплыв «подкидышей», отданных матерями в приюты («воспитательные дома») младенцев. Например, в Московский приют в 1888 г. поступило 17,3 тыс. подкидышей. В большинстве своем младенцев отдавали матери-крестьянки, пришедшие на работу в город. В 60-е годы XIX века в государственных приютах умирало до 70% воспитанников, в начале XX века — до 55%. Работе столичных воспитательных домов в России посвящена большая книга Д.Л. Рансела «Матери нищеты: брошенные дети в России», изданная в Принстоне в 1988 г. (рецензия в журнале «История СССР», 1990, № 6). А в провинции, по данным наших историков, положение было хуже. Например, в Тверской губернии с 1828 по 1842 г. в приюты поступило 3335 под-

кидышей. Из них умерли 3187 (96%). Известна и причина — их кормили в основном жеваным хлебом.

На волне нарастания революции бедность в России стала рассматриваться как неприемлемое зло, с которым должно бороться все общество. В 1913 г. в Киеве прошел I Всероссийский сельскохозяйственный съезд, на котором собрались агрономы, экономисты, земские деятели, чиновники, предприниматели. Один из первых докладов назывался «Агрономия и землеустройство в их отношении к деревенской бедноте». Съезд принял решение, в котором подчеркивалось, что задачей агрономии является «обслуживание всех слоев земледельческого населения».

Это заявление носит принципиальный характер, оно показывает, насколько нынешнее состояние правящего слоя в России деградировало по сравнению с началом XX века. Сегодня все достижения цивилизации не только реально предоставляются для обслуживания лишь платежеспособного спроса, а вовсе не «всех слоев населения», но это даже декларируется как официальная идеологическая догма. Все прекрасно знают, что примерно половина населения России терпит бедствие в результате утраты доступа к самым элементарным условиям существования. По сути, половина народа внезапно оказалась в новой, ранее для нее неведомой окружающей среде. Чтобы выжить, требуется срочное получение нового знания, которым эта половина народа не обладает в виде хотя бы эмпирического опыта. Повернулась ли наука, управляемая теперь антисоветски мыслящими людьми, к потребностям этих «слоев населения»? Ни в коей мере — ни на одном научном форуме об этом никто даже не заикнулся. Исключительная ори-

ентация на «платежеспособный спрос», на потребности только имущей части населения...

Суть советского строя наконец-то становится понятной по контрасту с тем, что принесла антисоветская программа. В стране, где массовая «структурная бедность» была давно искоренена и, прямо скажем, забыта так, что ее уже никто не боялся, массовая бедность буквально «построена» политическими средствами.

Это — огромный эксперимент над обществом и человеком. Он настолько жесток и огромен, что у многих не укладывается в голове — люди не верят, что сброшены в безысходную бедность, считают это каким-то временным «сбоем» в их нормальной жизни. Вот кончится это нечто, подобное войне, и все наладится. Люди не верят, что старики, еще в старой приличной одежде, копаются в мусоре не из странного любопытства, а действительно в поисках средств к пропитанию. Наоборот, люди охотно верят глумливым и подлым сказкам телевидения о баснословных доходах нищих и романтических наклонностях бомжей.

Стоит вспомнить, что в разгар перестройки, когда опасность резкого обеднения людей в результате подрыва советской системы хозяйства уже была очевидна для специалистов, М.С. Горбачев взял на себя неблагоприятную роль успокоить доверчивых граждан. Он говорил: «Иные критики наших реформ упирают на неизбежность болезненных явлений в ходе перестройки. Пророчат нам инфляцию, безработицу, рост цен, усиление социального расслоения, то есть то самое, чем так «богат» Запад».

В подтверждение того, что, мол, не надо всех этих бедствий бояться, ибо мы все же не Запад, он приводил

множество писем как глас народа. Вот, он зачитал такое письмо: «Я веду с Вами очень честный и очень принципиальный разговор. В своем лице я выражаю мысли и чаяния целого поколения советской молодежи, получившей высшее образование. Мы чувствуем, что Вам работается трудно. Однако умоляем: ни шагу назад! Никаких передумок и даже малейших отступлений. Черт с ними, кто с Вами не согласен. Зато народ ликует и готов идти на самопожертвование ради достижения тех целей, к которым зовете Вы». Замечательно по-демократически звучит: «Черт с ними, кто с Вами не согласен». И, конечно, народ готов на самопожертвование. Ради чего?

Курс на резкое обеднение людей еще в последние советские годы получил идеологическую поддержку — экспертов для этого было достаточно. Экономист Л. Пияшева криком кричала: «Не приглашайте Василия Леонтьева в консультанты, ибо он советует, как рассчитать «правильные» цены и построить «правильные» балансы. Оставьте все эти упражнения для филантропов и начинайте жестко и твердо переходить к рынку незамедлительно, без всяких предварительных стабилизаций».

При этом антисоветским политикам и идеологам было прекрасно известно, к каким последствиям приведет внезапное обеднение населения СССР. В недавнем докладе ВЦИОМ со ссылками на многие исследования в разных частях мира сказано: «Среднее падение личного дохода на 10% влечет среди затронутого населения рост общей смертности на 1% и рост числа самоубийств на 3,7%. Ощущение падения уровня благосостояния является одним из наиболее мощных социальных стрессов, который по силе и длительности воздействия превосходит стрессы, возникающие во время стихийных бедствий».

Отношение к бедности в двух типах цивилизации — буржуазной и советской — наглядно отражается в структуре цен. Когда советские люди, например ученые, стали выезжать на Запад, одна из вещей, которые вызывали удивление, как раз состояла в том, что на Западе предметы первой необходимости относительно очень дороги, но зато товары, которые человек начинает покупать только при более высоком уровне благосостояния, — дешевы. Хлеб и молоко очень дороги относительно автомобиля или видеомagnитoфона.

В СССР было как раз наоборот, чем и пользовались командированные на Запад советские люди. Они везли туда наши дешевые консервы, хлеб и колбасу, даже шоколадные конфеты — чтобы не покупать там это по дорогой цене, а обратно привозили видеомagnитoфоны. Вот пример: в 1989 г. я купил в Испании японский видеомagnитoфон, который стоил там столько же, сколько 300 батонов хлеба. Его я продал в Москве за 3 тыс. рублей, на которые в Москве можно было купить 24 тыс. батонов хлеба. Иными словами, если брать за единицу измерения видеомagnитoфон, то в Москве хлеб стоил в 80 раз дешевле, чем в Испании.

Этот принцип ценообразования создавал на Западе жесткий барьер, который безвыходно запирали людей с низкими доходами в состоянии бедности — вынужденные покупать дорогие необходимые продукты, люди не могли накопить денег на дешевые «продукты для зажиточных». В СССР, напротив, низкие цены на самые необходимые продукты резко облегчали положение людей с низкими доходами, почти уравнивая их по фундамен-

тальным показателям образа жизни с людьми зажиточными. Таким образом, бедность ликвидировалась, человек ценами «вытягивался» из бедности, и СССР становился «обществом среднего класса».

Смена типа цивилизации, которая происходит начиная с 1991 г., прекрасно выражается в том, как изменился тип формирования цены на хлеб. Возьмем пшеничный хлеб. Цена пшеницы известна. Расходы на помол, выпечку и торговые издержки при советской системе составляли 1,1 от стоимости пшеницы. Это «технически обусловленные» расходы. Говорят, при рынке производство эффективнее, чем при советском строе (да и зарплата по сравнению с советским временем ничтожна). Ну пусть даже не эффективнее, и эти издержки не уменьшились. Все равно, реальная себестоимость буханки хлеба на московском прилавке равна примерно двукратной стоимости пшеницы, пошедшей на эту буханку.

Это близко к тому, что мы видели на практике в СССР. В 1986 г. закупочная цена пшеницы была 17,2 коп./кг. Из 1 кг зерна выходит 2 кг хлеба, следовательно, эти 2 кг хлеба из 1 кг зерна обходились в $17 + 19 = 36$ коп (19 коп. — это затраты на превращение зерна в хлеб). Продавались эти 2 кг хлеба за 44 коп. или (хлеб высшего сорта) за 56 коп. То есть хлеб продавали с небольшой прибылью. В 1989 г. цена пшеницы поднялась до 22 коп./кг (в РСФСР 22,7 коп.), но цену хлеба еще не повышали, просто отказались от прибыли.

Советские цены на белый хлеб можно назвать «техническими», технически обусловленными, потому что именно на хлебе государство отказывалось от возможной прибыли и в то же время не давало дотаций. Поэтому все расходы на превращение зерна в хлеб на прилав-

ке, которые составляли в СССР 1,1 от цены зерна, можно считать близкими к реальным затратам натурального хозяйства, предназначенного для потребления.

Как же складывается цена на хлеб в нынешней «антисоветской» России? В декабре 1993 г. батон хлеба в Москве стоил 230 руб. Он был испечен из 330 г. пшеницы урожая 1992 года. За это количество пшеницы правительство обещало селу заплатить 4 рубля. Выпечка хлеба «технически» примерно равна стоимости муки. Значит, реальная себестоимость батона на прилавке — около 8 руб. А он стоил 230 руб.! Куда пошли 222 рубля из 230? Они изъяты из кармана покупателя какими-то «социальными силами».

И это положение в принципе не меняется. Из центральных газет осенью 1995 г. можно было узнать: на четвертый квартал 1995 г. была установлена закупочная цена на пшеницу III класса твердую 600 тыс. руб. за тонну и на пшеницу мягкую ценную 550 тыс. руб. Таким образом, хлебозаводы Москвы до нового, 1996 года платили бы за килограмм ценной пшеницы 550 руб. — не будь каких-то «социально обусловленных» изъятий. Этого килограмма пшеницы хватает, чтобы испечь две буханки, значит, на одну буханку уходило пшеницы на 275 руб. А килограмм хлеба стоил бы (по советским меркам) около 600 руб. — а он в декабре 1995 г. стоил 3 тыс. руб.

В 2000 г. батон белого хлеба весом 380 г стоил в Москве 6 руб. Он был выпечен из 200 г пшеницы. Такое количество пшеницы стоило в декабре 1999 г. на российском рынке 34 коп. (1725 руб. за тонну). Себестоимость превращения пшеницы в хлеб с доставкой его к прилавку равна 110% от стоимости пшеницы, то есть для одного батона 38 коп. Итого реальная себестоимость батона равна 72 коп. А на прилавке его цена 6 руб. Таков мас-

штаб «накруток» на пути от пшеницы до хлеба в рыночной экономике — 733%!

Сейчас цена на хлеб в России «социальная», она обусловлена именно характером созданной экономической системы. Поэтому хлеб — хороший объект для сравнения сути двух систем. При советском (натуральном) хозяйстве хлеб был дешев, и бедность отступала, при нынешней экономике хлеб дорог, и цена его не дает людям вылезти из бедности.

* * *

Бедность: личный взгляд. Хочу изложить некоторые сугубо личные впечатления от моих первых столкновений советского человека с бедностью в буржуазном обществе. Именно такая бедность, как считается, должна установиться в России после стабилизации нынешнего «демократического» порядка. Это — совсем иная социальная ситуация, чем та, которую мы видим при нынешнем массовом обеднении все еще советских людей. Поэтому наше невольное представление о будущем как простом воспроизводстве, чуть хуже или чуть лучше того, что мы видим сегодня, — ошибочно.

Мы как народ переживаем нынешнее обеднение как общее бедствие — типа разрушительного землетрясения всей России или какой-то странной войны. Это бедствие пока что не делит нас на две несоизмеримые и несовместимые «расы». Скорее, нам кажется, что временно образовалась маленькая больная «раса» богатых — «новых русских». Их можно жалеть или ненавидеть, но их появление не разрушило народ, потому что он-то по своим основным признакам остался именно народом, не разделившись на расы. А «больные», когда

страна вернется в норму, или уедут, или вылетят (не без помощи лекарственных средств).

Такое ощущение сохраняется потому, что, во-первых, в России обеднело именно подавляющее большинство граждан, так что они друг друга «разумеют». У всех них еще сохранилась данная общим образованием единая культурная основа, один и тот же способ мышления и рассуждения, один и тот же язык слов и образов. Все это сильно подпорчено телевидением, но и подпорчено почти одинаково у всех. Подавляющее большинство наших бедных имеют еще жилье, а в квартире свет, водопровод, отопление, книги на полках. Все это «держит» человека на весьма высоком социальном уровне.

Совсем иное дело — бедность в классовом (или почти классовом) обществе, в трущобах большого капиталистического города. Здесь бедность приобретает новое качество, для определения которого пока что нет подходящего слова в русском языке. Вернее, смысл слова, которым точно переводится на русский язык применяемый на Западе термин, у нас совсем иной. Бедность (*pobreza* — *исп.*, *poverty* — *англ.*) в городской трущобе на Западе для большинства быстро превращается в ничтожество (*miseria* — *исп.*, *misery* — *англ.*).

Что же это такое — ничтожество? Это, прежде всего, бедность неизбывная — когда безымянные общественные силы толкают тебя вниз, не дают перелезть порог. Кажется, чуть-чуть — и ты вылез, и там, за порогом, все оказывается и дешевле, и доступнее, и тебе даже помогают встать на ноги. Мы этого пока еще не знаем и не понимаем.

В такой ситуации очень быстро иссякают твои собственные силы, и ты теряешь все личные ресурсы, которые необходимы для того, чтобы подняться. У нас мы

это видим в среде небольшого контингента опустившихся людей, прежде всего алкоголиков, но это другое дело, они в каком-то смысле счастливы и не хотят оторваться от бутылки. Ничтожество — это постоянное и тупое желание выбраться из ямы и в то же время неспособность напрячься, это деградация твоей культуры, воли и морали.

Переход людей через барьер, отделяющий бедность от ничтожества,— важное и для нас малознакомое явление. Если оно приобретет характер массового социального процесса, то вся общественная система резко изменится — а наше сознание вообще пока что не освоило переходных процессов. Надо наблюдать и изучать то, что происходит на этой грани, в этом «фазовом переходе». На Западе, считаю, важный опыт имеет католическая церковь, помогающая, с небольшими средствами, удержаться людям в фазе бедности или даже перейти в эту фазу «снизу».

В Сарагосе, богатом городе Испании, исторический центр застроен зданиями X — XIII веков. На реставрацию всех этих зданий никаких денег не хватит, и эти руины заселили бездомные. Странная трущоба в самом центре города — беднота живет во дворцах, но без воды, света и канализации. Только крыша, которая вот-вот рухнет. Церковь отремонтировала пару комнат, в одной сделала три кабинки душа, в другой поставила три стиральные машины. За сто песет (1 доллар) можно принести свое тряпье и постирать. Такая мелочь, а около сотни семей воспрянули духом. Дети-подростки впервые в жизни помылись в душе, и он их восхитил. «Какое счастье — мыться в душе!» Может, это чисто телесное ощущение для многих из них станет соломинкой, вытянувшей из ничтожества в бедность.

Конечно, мы в России должны думать о восстановлении достойной жизни для всех, хотя поначалу она и будет на грани бедности. Но пока произойдет переход рычагов хозяйства в здоровые руки, надо создавать и временные вспомогательные механизмы, для того чтобы помочь людям удержаться от разрушения крайней бедностью. Надо вовремя услышать какой-то знак, звук, не дать себе привыкнуть. Тут опасна ложная мудрость, которую нашептывает телевидение: мол, все эти наши бедные — профессионалы, а доходы у них, как у банкиров. Это соблазнительная, но лживая мысль. В 1999 г. я был в Испании и ехал утром в метро. Подошла женщина с ребенком, протянула руку. Взглянула таким взглядом, что было понятно — надо дать денег. Этим взглядом, я бы сказал, не злоупотребляют. Рядом стояли двое русских с переводчиком, видимо, предприниматели. Один говорит: «Я бы лучше голодал, но просить не стал». Я ему говорю: «Это особенно убедительно звучит после сытного завтрака, который вы только что съели». Он ничего не ответил, замолчали.

* * *

У меня был тяжелый опыт, когда я из благополучного еще СССР поехал в 1989 г. работать в Испанию. Купил старую машину и ездил — где-то на защиту диссертации оппонентом, где-то лекция. На каникулы приехала ко мне дочь, и мы как раз поехали большим маршрутом. Надо было пересечь Кастилью-Леон — равнина, до горизонта пшеничные поля, жара страшная, ни деревень, ни городов. На шоссе в одном месте был ремонт, для проезда по очереди в один ряд был поставлен временный светофор, и около него расположился парень с

ящиком. Там у него был лед и банки кока-колы. Когда машины останавливались на красный свет, он подходил и уговаривал купить. Подошел ко мне, я отказался — экономил, все деньги тратили на поездки по Испании, когда еще такой случай будет. Он уговаривает. Я говорю: «Посмотри на мою машину. Мне ли шиковать. Вон у меня на сиденье бутылка из магазина». Он опять: «Ну купи девушке, холодной!» Я говорю: «Нет» — и тут как раз зеленый свет, я тронул. Он протянул руку и крикнул: «Ну помоги же мне!» А меня уже сзади подпирали, и я уехал, а в ушах так и стояли эти его слова. Вот уже одиннадцать лет прошло, но стоит бессоннице одолеть, как вдруг слышу: «Ну помоги же мне!» Этот парень держался.

И какое же тяжелое зрелище представляет собой человек, впадающий в ничтожество, — даже если он формально не так уж беден. В 1992 г., перед конференцией «Рио-92», я был на одном из подготовительных симпозиумов, собранных там же, в Бразилии. Мы были в городе Белен, в Амазонии, и в первый день нас повезли на экскурсию. С нами был молодой переводчик из США, полиглот и лингвист. Около собора было много старух, просящих подаяние. Ко мне подошла одна из них, очень худая и в черной одежде. Долго и сурово говорила, я не все понял, но почувствовал, что надо дать ей денег. Деньги я обменял ночью в аэропорту, все бумажки были одинаковые, я еще в них не разобрался и дал ей одну. Это было много, потом оказалось, что около 50 долларов, но делать было нечего, не просить же сдачу. Старуха возликовала, подняла эту бумажку и пошла, показывая ее своим подругам. Все они стали подходить ко мне и благодарить, никто из них не просил еще, все это было очень достойно. Переводчик, стоявший рядом со мной, сильно возбудился, просто перекосило его. Говорит мне:

«Зачем вы столько ей дали? Ей хватило бы мелочи. Лучше бы вы дали мне. Я, филолог и лингвист, делаю вторую диссертацию. Я веду важное исследование — и вот, вынужден отвлекаться и ездить на эти конференции переводчиком, чтобы заработать денег. А вы, вместо того чтобы поддержать меня, дали этой неграмотной старухе, которая и денег-то таких никогда не держала». Что угодно я мог ожидать от молодого американского доктора двух наук, но не этого. Мы и сами-то в 1992 г. получали какую-то символическую зарплату, раз в сто меньше этого переводчика. Человек свихнулся от страха перед бедностью и свалился в ничтожество.

В 1971 г., работая на Кубе, я видел по телевидению известный фильм, шедевр американского кино, «Держатель ломбарда». В бедном квартале Нью-Йорка старик-еврей, пострадавший от нацистов и уехавший в США, держит маленькую лавочку-ломбард, дает под заклад небольшие деньги (как старуха-процентщица у Достоевского). В фильме есть сложная психологическая драма, аналогия между нацизмом и человеческими отношениями в этом квартале, где заправляет мафия, но меня поразило не это, а именно тип бедности обитателей квартала. Они приносят последнее, что у них есть, и торгуются со стариком, умоляют его накинуть доллар-другой. Супруги приносят в заклад туфельки их умершего ребенка, молодой человек — золотую медаль из колледжа и т.д. Вынужденная жестокость доброго ростовщика, рыдания, семейные истории.

Обсуждая назавтра с кубинцами в лаборатории этот фильм, я сказал, что он сделан очень художественно, найдены сильные символические аллегории. Мне с жаром возразили люди, которые жили буквально в этих кварталах. Эта сторона фильма, сказали они, сделана не

то чтобы реалистично, а прямо-таки натуралистично — все так и есть, тип быта и детали переданы абсолютно точно. Именно в таком положении живут люди. Разговаривая об этом в Бразилии, я узнал важную вещь: вырваться из этого состояния ничтожества можно только совершив скачок «вниз» — в антиобщество трущобы, в иной порядок и иной закон. Понимаем ли мы это?

Даже в благополучной и более уравнительной, чем США, Европе бедные отделены от общества, а если еще и стоят в нем одной ногой, то это их состояние нестабильно. Привез меня друг в Испании погостить в свою деревню. Вышли мы погулять в поле, идет навстречу с речки старик с ведром. Друг говорит: «Это у нас в деревне красный». Поравнялись, друг говорит старику: «Эвен-сио, ты у нас коммунист, а вот человек из Москвы». Старик испугался: «Что ты, какой я коммунист, это ты слишком. Левый, это да...» И пошел дальше.

Был он в республиканской армии, после поражения бродил, выполнял за бесценок самую тяжелую работу. Смог вернуться в деревню в конце 70-х годов, починил дом, работает на своем клочке земли, голосует за коммунистов. Вернулись мы в деревню уже в темноте, старик поджидает у своей двери: «Неужели сеньор из Москвы? И Красную площадь видели?» Потом я спросил у друга: что же старик в темноте к нам подошел, ведь все дома в деревне прекрасно освещены? Оказывается, не имеет этот старик ни света, ни водопровода — дорого. Задержался один бедняк в деревне, некуда больше идти. А где же остальные? По городам, по трущобам, там есть шанс хоть что-то заработать. Треть домов по деревням заколочена, а много поселков совсем пусты. Едешь ночью по малым шоссе — много деревень-призраков. А в городах целые районы превращены в трущобы.

Когда я впервые выехал за границу вне социального лагеря (в 1983 г. в Индию), меня потряс вид страданий от бедности детей — их переживание голода и первые связанные с этим духовные травмы. Это чувство трудно передать. Тяжелые сцены начались прямо по пути от аэропорта. Дело было в феврале, и по ночам в Дели было довольно холодно, а на газонах ночевало множество людей, имевших всего лишь кусок мешковины в качестве набедренной повязки. Кое-кто неподвижно лежал и днем — жив он? Умер? Мы проезжали мимо строительства тридцатиэтажного дома, подъемных кранов у него не было, наверх, как муравьи, поднималась вереница девочек (может, девушек, но худеньких), несущих на голове по два кирпича.

Небольшие деньги, которые у меня были, у меня в первый же выход в город вытрясли большие мальчишки. У них выработан для этого целый набор остроумных приемов, от которых новичку спастись трудно. Я бы так и провел все дни на конференции да в гостинице, но меня пригласил на рынок делегат из ГДР, у него были деньги. Мы шли по улице, и он ловко и резко отмахивался от мальчишек. Я на момент отстал, ко мне подбежал мальчик лет четырех. Он стал мне протягивать старую газету, как бы продавая ее, и, поскольку я невольно остановился и наклонился к нему, он решил, что я ему дам монету. Но у меня ничего не было, и его нервы не выдержали этого перехода от надежды к отчаянию. Он зарыдал и затопал ногами, прыгая на месте. Видно было, что он голоден, живот вздут, слезы залили все лицо.

Я обошел с немцем рынок, потом поехали по гостиницам на такси-мотороллере. Он жил в городе, а я на окраине, километров за пять, через огромный лесопарк. Он видит, что у меня нет денег, и дал мне сколько-то рупий одной бумажкой — заплатить таксисту. Не помню почему, но я ее зажал в руке. Водитель остановился у бензоколонки, и ко мне подбежала девочка лет восьми, в платье из мешка. Она вцепилась в мою руку с этой бумажкой и стала ее просить, тыкая пальцем себе в живот и в рот — мол, хочет есть. Вырывая у нее руку с деньгами, я проклял и себя, и этого немца, который увлек меня на экскурсию.

Когда в 1988 г. соратники Горбачева начали выпускать мальтузианские манифесты и утверждать, что бедность — естественное и законное явление, я вспомнил эту девочку и этого мальчика с газетой — и как отрезало. Для меня эта перестройка стала делом врагов рода человеческого. Одно дело, когда в Индии большая масса интеллигенции и государственных чиновников бьется над тем, чтобы сокращать бедность и поддерживать тех, кто впадает в крайнюю нищету, — и другое дело создавать массовую бедность в благополучной, развитой индустриальной стране.

В 1984 г. я поехал в Мексику. Здесь детская бедность не такая страшная, к тому же я немного знал их культуру и мог с детьми объясниться. Здесь меня поразило другое — люди в пограничном состоянии, в момент, когда они переступают порог, отделяющий один уровень бедности от другого. В центре Мехико здания построены так, что тротуар становится своего рода галереей, отделенной от мостовой рядом колонн. Пешеходы идут в тени. И утром, и даже поздно вечером все нормально, идет поток людей. Но как-то друг провожал меня в гос-

тиницу после полуночи, и я увидел немыслимое зрелище — в этих галереях масса людей с одеялами и сумками устраивалась на ночлег. Это были, что называется, приличные люди. Дети в ночных рубашечках, матери, стоя на коленях, расчесывают им волосы, раскладывают вещи, цепляют вешалку с разглаженными одеждами. Рано утром они скатают свои одеяла и исчезнут.

Но сильнее всего меня поразило то, что я увидел в первый день. В этой же галерее, рядом с отелем, стояла очень красивая пара — юноша и девушка, музыканты. Он в черном концертном костюме, она в длинном платье. Очень тонкие лица и хорошее образование. Скрипка и виолончель, играли Бетховена. Видно было, что они — выходцы из состоятельных семей, но какая-то причина сталкивает их вниз, и они пошли на крайнюю меру. Возможно, вышли на улицу в первый раз.

Такое отчаяние и такой ужас был в их глазах, что, казалось, у них уже петля на шее, вот-вот она их потянет от земли. Ничего похожего на уличных музыкантов, которых полно в Мехико и теперь полно в Москве. От этой красивой пары, переступающей порог, исходила такая волна горя, что люди шарахались из этой галереи и обходили это место по проезжей части. Я долго стоял неподалеку — ни один человек им не подал, не кинул монету в футляр. Человек я довольно бесчувственный, но в ту ночь чувствовал себя очень скверно.

* * *

Во время перестройки многим из нас, особенно из молодежи, устроили поездки на Запад. Организовали умело. Социологи знают, что при выезде за границу возникает эффект «медового месяца» — все кажется пре-

красным, глаз не замечает ничего дурного. Длится это недолго, пелена спадает, и за изобилием сосисок, витрин и автомобилей начинаешь видеть реальную жизнь, и тебя охватывает неведомая в России тоска. Ощущение изнурительной суеты, которая бессмысленна и в то же время необходима. Это — конкуренция, «война всех против всех».

В 1989—1990 гг., когда я был в Испании, тема России была в моде, и у меня как-то взяли большое интервью для журнала. Под конец спросили, не хотел бы я остаться жить в Испании. Я люблю Испанию, но признался, что нет, не хотел бы. Как так, почему же? Я подумал и ответил попроще, чтобы было понятно: «Качество жизни здесь низкое». Еще больше удивились и даже заинтересовались. Как объяснить, не обижая хозяев? Говорю: «Я привык, чтобы ребенок на улице называл меня дядя, а не господин». Не поверили: какая, мол, разница. Пришлось сказать вещь более наглядную: «Выхожу из дома, а в закутке около подъезда на улице старик ночует, зимой. И качество моей жизни от этого низкое». Мне говорят: «Ладно, оставим это. Мы не сможем это объяснить читателю».

Сейчас я и сам вижу, что ничего им не объяснил, — ведь и у моего дома теперь стоит нищий старик. Тогда я такого не предполагал. Сейчас видно, что нас затягивают в ту же яму, но не затянули еще. Я чувствую, что при виде нищего старика в московском метро у людей сжимается сердце. Одни подадут ему милостыню, другие отведут глаза, третьи придумают какое-то злое оправдание — но все войдут с этим стариком в душевный контакт, все чувствуют, что качество их жизни низкое. Стариков, ночующих на улице Рима или Чикаго, просто никто не замечает, как привычную часть пейзажа. Участь

отверженных, если они не бунтуют, никак не касается жизни благополучных.

Мы сегодня, видя нищих, в том числе музыкантов, думаем, что и мы дошли до этого уровня,— и дальше, укрепись эта демократия, будет примерно так же. Это глубокая ошибка. Наши нищие-музыканты не очень-то сильно отличаются от нас, и особого отчуждения между нами нет. А та пара музыкантов в Мехико, было видно, оказалась в пустоте. Они уже отторгнуты их прежней «расой», но они чужие и не хотят, не могут стать своими и для «расы отверженных». Если антисоветский режим надолго продлится в России, многим из нас придется переходить такой порог, какого пока что у нас нет и какой мы и представить себе не можем. Ведь пока что, случись какая-то катастрофа, можно выйти к людям и с протянутой рукой. Тяжело будет им в глаза смотреть, но терпимо. А будет другое — другие будут люди и другие глаза.

Уже появилась у нас обширная прослойка людей, у которой глаза уже меняются. Был я в 1988 г. с одним приятелем, который стал потом видным «демократом» (даже в ранге министра при Гайдаре), в командировке в Риме. Дело было зимой. Около гостиницы, где мы жили, спал на улице старик. Вид у него был особенно драматический из-за двух деталей. Во первых, из-под кучи тряпья, которой он был укрыт, валил пар — необычно много. Во-вторых, на себя он положил свою гладкошерстную собаку, и она тряслась крупной дрожью. Зрелище — не забудешь. Как-то позже, в Москве, я по какому-то поводу спросил приятеля: «Помнишь того старика в Риме?» Он удивился: «Какого старика?» — «Как какого? С собакой, около гостиницы!» — «Не видел никакого старика». Говорил он совершенно искренне — он на этого старика в упор глядел и не видел. Так они сегодня и «своих» русских стариков не видят. А мы думаем, что они злые.

Советский тип трудовых отношений: принцип полной занятости. Одним из главных смыслов, входящих в культурное ядро любого общества, является труд. С ним связаны многие частные стороны экономического и социального порядка, представления о взаимной ответственности государства и гражданина, важные символы и даже религиозные установки. И завоевание гегемонии определенным социально-политическим движением, и подрыв гегемонии определенного государства неизбежно связаны с образом труда и его тенью — образом безработицы.

В перестройке, которую можно считать идеологической артподготовкой к слоому советского порядка и присвоению государственной собственности номенклатурой, одной из ключевых тем было право на труд и безработицу. В рамках этой темы была проведена блестящая программа манипуляции сознанием, и она заслуживает рассмотрения. Высокое качество этой программы подтверждается тем, что отключение здравого смысла удалось не в связи с каким-то отвлеченным вопросом, а вопреки очевидным и осязаемым материальным интересам буквально каждого человека.

Полная занятость в СССР была бесспорным и фундаментальным социальным благом, которое было достигнуто в ходе советского проекта (в 1994 г. не были производительно заняты примерно 30% рабочей силы планеты). В обеспечении права на труд было, конечно, много дефектов, идеал «от каждого — по способностям» был далеко еще не достигнут, реальный уровень промышленного развития не позволял привести качество рабо-

чих мест в соответствии с притязаниями образованной молодежи. Но это по важности несравнимо с главным.

Отсутствие безработицы было колоссальным прорывом к благополучию и свободе простого трудящегося человека. Это было достижение исторического масштаба, поднимающее достоинство человека. Мы еще даже не можем вполне оценить утрату этого блага — у нас еще нет людей, по-настоящему осознавших себя безработными и, главное, воспроизводящих безработицу в своих детях, в следующих поколениях. Мы еще живем «наполовину советским» порядком.

Привычность полной занятости превратила в сознании наших людей это чисто социальное (созданное людьми) благо в разновидность природного, естественного условия жизни. Это, разумеется, сделало право на труд как политическую норму очень уязвимым. Люди его не ценили, и никаких активных шагов по его защите ожидать было нельзя. Однако пассивная установка на отрицание безработицы была вполне определенной. Это показывали регулярные опросы социологов. Кстати, сами эти опросы должны были бы встревожить людей, но не встревожили — Горбачев периодически успокаивал: чего-чего, но безработицы мы никогда не допустим.

На деле партийно-государственная номенклатура СССР, начав свой постепенный отход от советского проекта, уже с 60-х годов стала тяготиться конституционным правом на труд, исподволь начав кампанию по внедрению в общественное сознание мифа о благом воздействии безработицы на все стороны общественной жизни. Эта тема постоянно муссировалась на околопартийных интеллигентских кухнях, в среде хозяйственных руководителей стало хорошим тоном посокрушаться, что, мол, отсутствие в их руках кнута безработицы

не дает поднять эффективность производства. Но, поскольку право на труд было краеугольным камнем нашей идеократической системы, подмывание этого устоя велось неофициально, хотя и с явного одобрения верхушки КПСС.

Принцип полной занятости как один из главных устоев советской антропологии и реализация уравнительного идеала («от каждого — по способности») давно уже вызывали глухую ненависть у тех, кто сдвигался к антисоветскому сознанию. С 60-х годов о благодати безработицы говорили на кухнях и за вечерним чаем в лабораториях, во время перестройки начали говорить открыто.

Н.Шмелев писал в 1987 г.: «Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракодельством мы во многом обязаны чрезмерно полной (!) занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстрашно и по-деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы... Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» (Авансы и долги. — «Новый мир», 1987, № 6).

До этого вопрос о необходимости безработицы туманно ставил С. Шаталин («Коммунист», 1986, № 14), на которого и ссылается Н. Шмелев. Он говорил о переходе от «просто полной занятости к социально и экономически эффективной, рациональной полной занятости». Здесь важно подчеркнуть, что первыми о необходимости безработицы заговорили люди и высших партийных и научных кругов, заговорили в журнале «Коммунист»!

С 1988 г. такие рассуждения заполнили прессу. Эта кампания велась средствами партийной печати с присущей ей тоталитарностью (я попытался ответить на один такой манифест Н. Амосова, опубликованный в 1988 г. в «Литературной газете», совершенно спокойной информативной статьей. К моему глубокому удивлению, ни одно из «коммунистических» изданий ответа опубликовать не пожелало, «так как у редакции на этот счет иное мнение, чем у меня»).

Сильный эффект расщепления сознания был достигнут тем, что пропагандой безработицы занялись профсоюзы — именно та организация рабочих, которая по своей изначальной сути должна быть непримиримым врагом безработицы. В марте 1991 г., еще в советское время, Профиздат выпустил массовым тиражом книгу «Рыночная экономика: выбор пути». Среди авторов — виднейшие экономисты. Читаем: «Можно сказать, что рынок воспроизводит безработицу. Но возникает вопрос, а является ли безработица атрибутом только рыночной системы хозяйства? Разве в условиях административно-командной системы управления производством не было безработицы? Она имела место, только носила структурный, региональный и в основном скрытый характер. Различие между рыночным механизмом и административно-командной системой управления состоит не в том, что в одном случае есть безработица, а в другом нет, а в том, что в условиях рынка безработица официально признается и безработный получает пособие».

Хороши наши советские профсоюзы, не правда ли? Скрытая безработица! Хитро придумано. Это вроде как скрытая болезнь. Пусть человек здоров, наслаждается жизнью, живет до ста лет — назовем его «скрытым больным», попробуй докажи, что нет. Людей, которые реаль-

но имели работу, два раза в месяц получали зарплату, квартиру от завода, путевку в санаторий и т.д., убеждают, что это — «скрытая безработица» и что она ничуть не лучше явной. Что явная безработица, когда нет ни зарплаты (ни пособия!), ни перспектив, ничуть не страшнее, чем «скрытая». Конечно, так может говорить только подлая продажная тварь. Но как могли рабочие в это верить — вот ведь загадка века.

* * *

Наблюдательный человек должен был бы подметить странную вещь в рассуждениях о безработице, которые начались с 1987 г. Речь шла о новом, неизвестном для нас явлении. Казалось бы, логично пригласить в печать, на радио и телевидение знатоков вопроса — зарубежных специалистов, профсоюзных деятелей, самих безработных. Мол, поделитесь опытом, расскажите, как и что. Вспомните: за все годы — ни одного такого случая не было. Не пришло нашему умному руководству в голову? Нет, это была сознательная установка.

Фальсификация знаний о реальности в случае фундаментальных проблем бытия особо безнравственна. В случае проблемы безработицы это проявляется очень наглядно. Дело в том, что безработица как социальное явление является источником массовых страданий людей. Тот, кто выдвигает или поддерживает предложение перейти от реально достигнутой полной занятости к узаконенной безработице, прекрасно знает, что результатом его предложения будут страдания, причиненные большему или меньшему числу сограждан. Такого рода предложения, какими бы экономическими или технологическими соображениями они ни обосновывались,

прежде всего создают проблему нравственную. Эта проблема должна быть явно изложена, а выбор того или иного решения поддержан также нравственными (а не экономическими или технологическими доводами).

И речь в данном случае идет не об абстракции, не о «слезинке ребенка». В середине 1990 г. в журнале Академии наук СССР «Социологические исследования» (это даже еще не ельцинская РФ) печатались статьи с заголовками такого рода: «Оптимальный уровень безработицы в СССР» (А.А. Давыдов — СОЦИС, 1990, № 12). Оптимальный! Наилучший! Что же считает «оптимальным» для нашего народа социолог из Академии наук? Вот его идеал, полученный с использованием тензорной методологии, золотого сечения, ряда Фибоначчи и прочей ахинеи: «Оптимальными следует признать 13%... При 13% можно наименее болезненно войти в следующий период, который в свою очередь должен открыть дорогу к подъему и процветанию» (процветание, по мнению автора, должно было наступить в 1993 г.).

Поскольку статья написана в середине 1990 г. и речь идет об СССР с его 150 млн. трудоспособных людей, то, переходя от относительных 13% к абсолютному числу личностей, мы получаем, что «наименее болезненным» наш гуманитарий считает выкинуть со шлюпки 20 миллионов человек. Само по себе появление подобных рассуждений на страницах академического журнала — свидетельство моральной деградации нашей гуманитарной интеллигенции. В общественных науках социолог — аналог врача в науке медицинской. Очевидно, что безработица — социальная болезнь, ибо приносит страдания людям. Можно ли представить себе врача, который в стране, где полностью ликвидирован, скажем, туберкулез, предлагал бы рассеять палочки Коха и довести

заболеваемость туберкулезом до оптимального уровня в 20 миллионов человек?

Ведь автор той статьи нигде не сделал даже такой оговорки: на нас, дескать, в связи с рыночными реформами накатывает неминуемая беда; я, как узкий специалист, не берусь обсуждать реформу, я лишь говорю о том, что при всех наших усилиях мы не сможем сократить число потерпевших несчастье сограждан ниже 20 миллионов; чтобы оно не было выше, надо сделать то-то и то-то. Нет, социолог благожелательно ссылается на Милтона Фридмана (подчеркивая, что он — нобелевский лауреат), который выдвинул теорию «естественного» уровня безработицы: «При снижении уровня безработицы ниже естественного инфляция начинает расти, что пагубно отражается на состоянии экономики. Отсюда делается вывод о необходимости поддержания безработицы на естественном уровне, который определяется в 6%». Шесть процентов — это для США, а нам поклонник Милтона Фридмана с помощью золотого сечения вычислил 13%, которые, хоть кровь из носу, «необходимо поддерживать».

Мы говорили о масштабах страданий, которые нам предполагали организовать политики с целой ратью своих экономистов и гуманитариев. А какого рода эти страдания, какова их интенсивность? Социолог их прекрасно знает, они регулярно изучаются Всемирной организацией труда, сводка печатается ежегодно. Он сам бесстрастно приводит их в своей статье. В США, например, рост безработицы на один процент ведет к увеличению числа убийств на 5,7%, самоубийств на 4,1%, заключенных на 4%, пациентов психиатрических больниц на 3,5%.

Кстати, «теория» Фридмана — это чистая идеология. Расчеты крупнейшего экономиста нашего века Кейнса показывают, что безработица, «омертвление рабочих рук», — разрушительное для экономики в целом явление, оно лишь маскируется непригодными с точки зрения общества показателями (прибыль отдельных предприятий). Массовую безработицу надо ликвидировать самыми радикальными средствами, идя ради этого на крупный дефицит госбюджета. Оживление трудовых ресурсов при этом многократно окупает затраты. Да и сегодня в США рост безработицы на один процент увеличивает дефицит госбюджета на 25 млрд. долл.

В связи с безработицей уже не только антисоветские идеологи, но и широкие круги нашей образованной интеллигенции впали в некогерентность, граничащую с шизофренией. Редко сейчас встретишь гуманитарный журнал, где бы не поминался моральный императив Канта: «поступай с другими так, как ты хочешь чтобы поступали с тобой». Ссылаясь на эту максиму, я уже давно (с начала 60-х годов) спрашивал, когда мог, интеллигента, ратующего за безработицу: «Ты сам хочешь стать безработным?». Ни разу я положительного ответа не услышал. Самые совестливые (а это были мои приятели по лаборатории) отвечали уклончиво, примерно так: «Я бы и не против ради общего блага, но ты же знаешь, у нас сейчас научно-техническая революция, а я научный работник; так что никак у меня стать безработным не получится, ты уж извини. Безработица — это для рабочих, ну, избыточных колхозников». Тут, как нам теперь известно, маленько промахнулись наши либеральные интеллигенты — сами стали жертвой очень примитивной манипуляции сознанием. Сантехники нужны даже в колонии,

а вот научные работники — только в державном государстве, которое они разрушали.

Кстати, вовсе не только о нравственности и логичности идет речь. Наши антисоветские демократы отрицали то, что в мире давно воспринимается именно как фундаментальное право человека. Даже в Уставе ООН, принятом в 1945 г., была поставлена задача достижения полной занятости. Во Всеобщей декларации прав человека сказано, что «каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы».

Конституция РФ 1993 г. устранила право на труд, заменив его «правом на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены». Иными словами, право на труд заменено правом на определенные условия труда. Вместо права на труд введено право гораздо более низкого уровня — на защиту от безработицы. К тому же это право ничем не обеспечено и остается пустой декларацией. Но само его включение в Конституцию означает признание отказа от принципа полной занятости.

* * *

Советский строй и трудовая мотивация. Одним из важных обвинений советскому строю, которое зародилось в среде интеллигенции, было снижение трудовой мотивации и даже «утрата трудовой этики». Имелось в виду, что наличие слишком широких социальных гарантий лишило работников отрицательных стимулов к хорошему труду (страха), а слишком уравнилительное распределение доходов свело на нет и положительные стимулы. В результате якобы возник особый, нигде в мире

не виданный тип работника — нерадивого, ленивого и нахального.

Эта теоретическая конструкция обросла множеством пикантных деталей, колоритных образов, анекдотов. Ее воспринимали легко и охотно сами же работники самых разных сфер, тем более что в этой концепции фигура интеллигента-паразита была одной из самых колоритных: сказки о ленивых и никчемных сотрудниках НИИ заполняли 16-ю страницу «Литературной газеты». Многие люди, как водится, считали лентяем соседа, а не себя лично, а другие получали прекрасное оправдание для своей личной нерадивости («система такая — при другой системе я бы трудился ого-го!»).

Вся эта мифология «ленивого совка» подводила, в конечном счете, к идее благотворности частного предпринимательства («хозяин не позволил бы»). Для контраста создавался светлый миф о Западе, где хозяева сумели так организовать труд, что работники показывают чудеса ответственности, интенсивности и ловкости — при хорошем настроении в ожидании точно отмеренной зарплаты «по труду».

Разделим всю эту многослойную проблему на части и рассмотрим по отдельности вопросы разного плана. Прежде всего, вопрос фундаментальный, не зависящий от мотивации, — трудовой потенциал людей, сама их способность выполнять ту или иную работу. Здесь антисоветская концепция содержит принципиальную ошибку. Советская индустриализация превратила крестьян во вполне годных для фабрики рабочих несравненно быстрее, бережнее и эффективнее, чем западная (это мнение западных социологов).

Тут можно даже говорить о «русском чуде». Одна из ошибок гитлеровских стратегов как раз и состояла

в том, что они посчитали невозможным, чтобы СССР за столь короткий срок подготовил десятки миллионов работников, перепрыгнувших «из царства приблизительности в мир точности». Западу для этого понадобилось триста лет. Конечно, трудовое поведение советских людей отличалось от западных. У нас еще не сложился в полной мере «человек фабричный», десятки поколений работавший в искусственном пространстве и времени фабрики. Советский рабочий еще нес в себе физиологическую память о временных ритмах крестьянского труда. Для него была характерна цикличность работы, смена периодов вялости или даже безделья и периодов крайне интенсивного вдохновенного труда типа страды («штурмовщина»). Слава богу, что психофизиологи труда в СССР вовремя поняли это и порекомендовали не ломать людей ради «синхронности». Сейчас, наверное, новые менеджеры ломают.

Задача, которую решил советский строй, была вовсе не тривиальной. Для ее решения была создана большая и сложная социокультурная система, включающая единую общеобразовательную школу, непрерывное внешкольное образование, уклад предприятия, систему ценностей и тип распределения жизненных благ.

Вопреки тому, во что поверили наши социал-дарвинисты, именно «уверенность в завтрашнем дне», вместо западного «страха за завтрашний день», позволила в СССР очень быстро сформировать спокойного работника, способного выполнять сложную работу. И этот принцип взят сегодня на вооружение во всех незападных быстро развивающихся странах — там, где культура не ориентирует человека на крайний индивидуализм в «войне всех против всех». Помимо хрестоматийного примера Японии можно назвать Южную Корею,

где самым важным стимулирующим фактором считается стабильность рабочего места — гарантии против увольнения.

Ставя нам в пример США с их культом конкуренции, наши антисоветчики исходили из самого тупого эпитонства. Роль советского уклада мы лучше поймем, если взглянем на нынешнюю систему, которую строили буквально как отрицание советской. Сегодня, несмотря на кнут безработицы и угрозу голодной смерти, в целом идет «деиндустриализация человека», огромный откат в архаику. Конечно, при разрушении производственных массивных структур отдельный предприниматель может набрать рабочих для своей фирмы, но это, в общем, мародерство. В масштабах всего народа утрата квалификации и культуры труда колоссальна. Можно утверждать как гипотезу, но вполне надежную, что если бы в 30—70-е годы советские заводы были бы отданы в управление западным менеджерам с установлением их социальных отношений, они управились бы хуже, чем советские управленцы. Был бы примерно тот же откат, что сегодня (а то и больше).

* * *

Теперь о том, как реализовался потенциал работников в СССР и на Западе в зависимости от системы оплаты (и шире — стимулирования). Мы знаем, что в 70—80-е годы в СССР действительно наблюдался кризис прежней системы, так что существовала проблема ее совершенствования. Причины, в общем, были известны: произошла урбанизация и одновременно смена поколения и его культурных стереотипов. Старая система трудовой мотивации и стимулирования труда резко потеряла дей-

ственность. Это было недомогание общества, которое надо было лечить, и оно было бы вылечено. В тех отраслях, где для этого были ресурсы, оно нормально лечилось. Но антисоветские идеологи трактовали это недомогание (пусть даже болезнь), через которое периодически проходят все промышленные страны, как признак смерти системы советской. И стали уповать, как мы теперь видим, на примитивное, даже архаическое решение (частный хозяин и кнут угрозы голода).

Укажу на очевидную вещь: те, кто считали этот кризис неким сущностным качеством именно советского строя, или утратили историческую память, или совершали сознательный подлог. Честный критик должен был бы сначала зафиксировать тот факт, что именно в СССР те же люди прекрасно работали — война была этому экзаменом не идеологическим, а абсолютным. Иными словами, абсолютизация частной инициативы как организатора хорошего труда — грубая ошибка.

Антисоветское сознание равнодушно и, скорее всего, искренне нечувствительно к важному явлению Нового времени, которое именно в СССР и произошло. Оно называется «стахановское движение», и к нему были одинаково нечувствительны и официальный истмат, и анти-истмат. Истмат писал о «коммунистическом энтузиазме», его двойник-антипод на Западе — о «фанатизме». А речь шла о переносе в индустриальную среду аграрного «литургического» отношения к труду, с преодолением субъект-объектного отношения работника к материалу.

Отсюда — т.н. «гениальный глаз», который был обычным явлением у средневековых ремесленников, но исчез на капиталистической фабрике. Отсюда — эффективность движений работника, которая далеко превышала

обычную. Психофизиологи труда ввели даже метафору, согласно которой советские работники «вбирали энергию из окружающей среды».

В детстве я прочел, а потом уже не мог найти, записки одного из шахтеров, которых обучал Стаханов. Он просто и образно описал суть, она мне и тогда показалась важной. Стаханов научился видеть центры напряженности в пласте угля — в них и бил отбойным молотком. Он говорил, что «пласт должен сам выбрасывать уголь», почти как взрывом. И учил этому шахтеров. И это было, у всех по-своему, массовым явлением, что и показала война. Из всего, что приходилось слышать от антисоветчиков, было видно, что это им глубоко чуждо, что ему противен рабочий «дядя Вася», который был именно на это способен, начал пить при Брежневе, а теперь мрачно тянет лямку у «новых русских». Новая система не придушит, как Брежнев, а искоренит этот потенциал. Похоже, что она его ничем и не восполнит — не имеет сходной силы.

Сегодня у новых «менеджеров» стоит тот же вопрос — как заставить работать нерадивого «дядю Васю». И приходится слышать, что адекватным для него стимулом является создание для него смертельных угроз — голода и выселения из квартиры. Но опыт показывает, что этот метод негоден вообще, а для «дяди Васи» — в особенности.

Что он негоден вообще, независимо от общественного строя, говорит большая американская литература. В промышленной социологии Запада есть понятие рестрикционизм — сознательное ограничение рабочими своей выработки. Еще в конце XIX века Ф. Тейлор писал, что крайне трудно найти рабочего, который не затратил бы значительное время на изобретение спосо-

бов замедлить работу — сохранив при этом вид, будто трудишься в полную меру. Более того, эти способы осваиваются группами рабочих. Один из американских социологов писал в 1981 г.: «Расщепление атома — детская игра в сравнении с проблемой раскола и манипулирования крепко спаянной группой рабочих».

Кстати, такую «работу с прохладцей» только недавно стали называть уклончиво — рестрикционизм. А Тейлор называл это попросту — саботаж. Так что и рачительный хозяин-капиталист бывает бессилён. Вот что сказано в обзоре по этой проблеме: «Феномен рестрикционизма распространён во всех индустриальных странах и существует без малого 200—250 лет. Никаких надежных средств борьбы с «социальной коррозией производства» не придумано... Суть «работы с прохладцей» в том, что рабочие физически могут, но психологически не хотят выполнять производственное задание, тем не менее делая вид, что трудятся изо всех сил. В этой работе, по видимости, и заключается суть дела. Тейлор, наблюдая поведение своих товарищей-рабочих, писал о том, что в мастерской все были в сговоре относительно нормы выработки: «Я думаю, что мы ограничивали эту норму одной третью того, что мы свободно могли бы производить». Причём открыто никто не приостанавливал работу. Напротив, в присутствии администрации все делали вид, что усиленно трудятся. Но стоило надзирателю покинуть помещение, как рабочие тут же прекращали свою деятельность» (А.И. Кравченко. «Мир наизнанку»: методология превращенной формы. — СОЦИС, 1990, № 12).

Тейлор считал, что рестрикционизм — один из методов борьбы рабочих за свои интересы. М.Вебер также видел в этом явлении сознательную установку, про-

дукт коллективной самоорганизации, используемый для давления на администрацию («негативное участие в управлении»). Иллюзии эффективности стимулирования рабочих угрозой — продукт раннего, «манчестерского капитализма», они давно в современном производстве изжиты.

В начале XX века Тейлор разработал приемы «научного менеджмента» — разделения производственного задания на простейшие операции, которые легко нормируются. Какое-то время это давало отдачу — ему, как пишут, удавалось заставить повышать выработку даже старых и ленивых рабочих. Потом эта система с прогрессивно-премиальным типом оплаты стала буксовать, ее использовали для интенсификации труда рабочих-иммигрантов, боящихся протестовать.

Начались разработки других систем стимулирования, и с тех пор сменилось уже несколько поколений их. В 90-е в США случилась новая волна ухудшения трудовой мотивации, и проблема эта вовсе не так проста, как ее представил антисоветский миф. Кстати, один из наших крупных организаторов промышленности (В. Кабаидзе) мне рассказывал, что в конце 80-х годов он был в США в родственной фирме и спрашивал директора, как они заставляют хорошо работать своего «дядю Джима». И «их» директор изложил ему приемы абсолютно те же самые, что применял и советский директор. «Прорабатывать, прорабатывать и прорабатывать!» Увольнять бесполезно.

Видный американский социолог в области труда и управления Ф. Херцберг (на мой взгляд, исключительно умный и глубокий человек) писал в 1989 г. о системах стимулирования: «Все побудительные факторы такого рода, будучи применены, быстро теряют свою эффек-

тивность. Появляется необходимость поиска все новых и новых средств идеологической стимуляции. Последняя служила мощным орудием побуждения к труду в Советской России после Октябрьской революции и сохраняла свою действенность до конца 40-х годов. Однако с тех пор идеологические стимуляторы в значительной мере обесценились, поскольку наступило неизбежное «насыщение» и привыкание к ним. Сегодня уже необходимо искать новые формы вознаграждения за труд, такие, как, например, система бонусов. Правда, и они со временем потеряют свою эффективность, как это произошло в США в 70—80-е годы, когда Японии и другим странам Тихоокеанской дуги удалось превзойти Америку по показателю выработки на одного работника» (Ф. Херцберг, М.У. Майнер. Побуждения к труду и производственная мотивация. — СОЦИС, 1990, № 1).

* * *

В антисоветском мышлении уже с 60-х годов стало созреть отношение к трудящимся как «иждивенцам и паразитам» — чудовищный выверт тупого элитарного сознания. И уже тогда возникла идея так переменить общественный строй, чтобы «наказать» этих люмпенов и паразитов. Чем же их можно было наказать? Безработицей, а значит, голодом и страхом. В открытую об этом стали говорить во время перестройки. Вот рассуждения близкого тогда к Горбачеву экономиста Н. Шмелева: «Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракодельством мы во многом обязаны чрезмерно полной (!) занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстраш-

но и по-деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы... Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» (Н. Шмелев. Авансы и долги. — «Новый мир», 1987, № 6).

Итак, вот идеал трудовых отношений в уме «демократа»: для рабочего — «опасность потерять работу или быть обязанным трудиться там, куда пошлют».

Под давлением пропаганды множество людей поверили, что советская система органически не может организовать людей на хорошую работу. Это неправда, советские рабочие были именно высоко мотивированными и ориентированными на повышение содержательности работы и на технический прогресс. Это лучше всего показывают сравнительные международные исследования.

С 1971 по 1979 г. велось большое международное исследование «Автоматизация и промышленные рабочие», в котором участвовали 15 стран — 6 социалистических, включая СССР, и 9 — капиталистических, включая США, Англию, ФРГ, Францию, Италию. Координатором был Европейский центр координации исследований и документации в области социальных наук (Вена). Исследование велось по единой для всех методике, результаты обрабатывались в одном центре и рассылались всем участникам. Материал получен огромный, но для нашей темы наибольший интерес представляют те сведения, которые характеризуют советского рабочего и уклад советского предприятия в процессе технического перевооружения (автоматизации), — в сравнении с аналога-

ми в условиях Запада. Они приведены в книге В.В. Кревневича «Социальные последствия автоматизации» (М.: Наука, 1985).

Прежде всего, советские рабочие активно поддерживали технический прогресс, он у них не вызывал никаких опасений. 99% опрошенных советских рабочих ответили, что «внедрение нового оборудования на их предприятии принесло улучшения и в целом было положительным». В капиталистических странах положительно оценивали этот процесс 54,8% опрошенных, а довольно многие заявили, что внедрение нового оборудования ухудшило положение рабочих на их предприятии (30% в Англии, 20% в США). В целом в социалистических странах 69% рабочих ответили, что будут «активно поддерживать» автоматизацию, а в капиталистических — 37%.

Резко различались бытующие на предприятии представления об оптимальном образовательном уровне рабочих автоматизированных участков (они в книге обозначены как А-участки, в отличие от неавтоматизированных НА-участков). В отчете сказано: «США считают, что техническое образование не нужно не только рабочим НА-производств, но и рабочим А-производств. По данным экспертов СССР, только 18% рабочих А-участков могут обойтись без технического образования, 70% рабочих необходимо профессионально-техническое образование в объеме ПТУ и 12% рабочих требуется специальное среднее техническое образование».

В разных социальных системах различается как реальный общеобразовательный уровень рабочих, так и мнение экспертов о необходимом уровне. Советские рабочие в этом отношении выделяются даже среди социа-

листических стран — большинство их имели в 70-е годы среднее образование (неполным средним считается образование уровня 5—9 классов).

При этом в СССР считалось, что образовательный уровень рабочих А-производств должен быть повышен, а в США считали, что он у них избыточен.

Исследователи отмечают расхождение между объективными измерениями факторов труда и субъективными оценками рабочих: «рабочие социалистических стран, как правило, несколько завышают уровень физических усилий, затрачиваемых в процессе работы, тогда как рабочие несоциалистических стран, напротив, склонны этот уровень занижать. В отношении умственных нагрузок позиции полярно меняются: рабочие социалистических стран считают, что эти нагрузки недостаточны; их коллеги из несоциалистических стран считают этот уровень чрезмерным». Иными словами, рабочие с высоким образовательным уровнем желают работы более содержательной и требующей умственных усилий. Такие рабочие могут быть более требовательными и неудовлетворенными, нежели менее образованные, но это вовсе не значит, что низка их мотивация. Напротив, их неудовлетворенность представляет из себя огромный потенциал для развития.

Третья группа выводов связана с тем, как влияет автоматизация на трудовые нагрузки. Здесь выявились резкие различия между двумя социальными системами. Общий вывод такой: «В соцстранах общая физическая напряженность труда на А-участках уменьшилась существенно (на 7,3%). В несоциалистических странах физическая напряженность труда в целом на А-участках даже несколько повысилась (на 5,6%)».

Самый большой вес в нагрузках имеют те, которые связаны с неудобной рабочей позой. Результат таков: «Если в социалистических странах эти нагрузки практически не изменились, а в СССР заметно уменьшились, то в странах несоциалистических нагрузки, связанные с рабочими позами, существенно возросли, особенно в ФРГ (на 46,1%), США (на 41,9%) и т.д... Самыми большими эти нагрузки оказались у рабочих Англии (46,6 балла), самыми низкими в СССР (28,7 балла)».

С учетом нервных нагрузок исследователи определяли «общую напряженность труда». Вывод таков: «Различия, имеющиеся между двумя группами стран, вновь подтверждают вывод о более благоприятных последствиях автоматизации для рабочих социалистических стран. Общая напряженность труда рабочих А-производств в социалистических странах уменьшилась в среднем почти на 21%. В наибольшей степени она снизилась в СССР (на 61%) и в ГДР (на 38,9%). В группе несоциалистических стран напряженность труда на А-участках в среднем даже возросла (на 6,3%), а в ФРГ — даже на 201,6%».

Примечательно расхождение объективных оценок комфортности условий труда с субъективными оценками самих рабочих: «Так, в ГДР комфортность труда, по оценкам экспертов, ниже средней по 14 странам на 14,0%, а по оценкам рабочих — она выше средней на 18,7%. Следовательно, рабочие ГДР «переоценивают» комфортность своих условий труда на 32,7 процентных пункта. В СССР комфортность производственной среды выше средней для А-участков на 27,6%, а рабочие оценили ее выше на 40,4%. Следовательно, и рабочие в СССР в среднем более высоко оценивают свои условия труда, нежели рабочие других стран».

Из этого следует, что рабочие стали склоняться к антисоветскому повороту вовсе не вследствие тенденции к объективному ухудшению их положения на производстве, а в результате культурного кризиса советского общества и под влиянием интенсивной идеологической обработки.

Социальная сфера промышленных предприятий

В 1950 — 1960-е годы сложился тип советского промышленного предприятия, который и просуществовал до той реформы, что была начата в годы перестройки. Характер предприятия очень много говорит о сущности как советского проекта (представления о желаемом образе жизни), так и реально сложившегося общественно-го строя.

Представление предприятия как исключительно производственной и экономической системы — абстракция, для нашей темы неадекватная. Любая компания, фирма, предприятие — это микрокосмос, действующий в соответствии с ценностями и нормами, господствующими в обществе. Даже промышленный анклав (например, филиал немецкой фирмы в перуанском городке) не может быть «закрыт» от окружающей культурной среды. В целом традиционное общество строится в соответствии с метафорой семьи, а современное — с метафорой рынка. Из этого общего представления вытекают права и обязанности человека, общества, государства и того элемента системы, который нас интересует в данной теме, — предприятия.

Подавляющее большинство промышленных предприятий нынешней России создано в советский пери-

од. Те, что были унаследованы от России дореволюционной, были трансформированы в соответствии с той же матрицей. Эта матрица — представления о функциях и обязательствах промышленного предприятия в советском обществе — сложилась в процессе индустриализации, перестройки промышленности в годы Второй мировой войны и послевоенного восстановления (30—50-е годы). Это — эпоха т.н. «мобилизационного социализма» (иначе его называют «сталинизмом»). За это время СССР сделал большой рывок в развитии промышленности, науки, образования.

Чтобы понять, какой тип предприятия сложился в ходе реализации советского проекта, надо выявить его социально-философские основания. На языке идеологии этот проект назван «русским коммунизмом». Взяв в качестве знамени постулаты марксизма, он представлял собой совершенно иную цивилизационную траекторию, нежели социал-демократический проект Запада. Причина известна: Россия была крестьянской страной с традиционным обществом, в культуре которой сохранились многие структуры аграрной цивилизации. Западная социал-демократия — продукт гражданского общества, в котором крестьяне как класс и как культура сохранились лишь в реликтовом состоянии (в сельском хозяйстве они заменены фермером).

Уже на первом этапе «шоковой терапии» после 1991 г. обнаружилась эта «аномалия» промышленных предприятий России, которая до сих пор не дает возможности создать рынок рабочей силы. Заместитель министра труда и занятости РФ В. Кастмарский писал в марте 1992 г.: «Пикантность нынешней экономической ситуации заключается в том, что после освобождения цен и начала работы спросовых ограничений в нормаль-

ной (подчеркнем: в нормальной) экономике все предприятия стремятся расширить производство, чтобы не только выжить, но и увеличить свою прибыль. У нас же происходят удивительные вещи: производство сокращается, но нет и безработицы, то есть предприятия продолжают платить деньги, даже работая меньше и хуже. Изыскиваются самые разные способы остаться на плаву — сдаются этажи производственных помещений в аренду ином фирмам. Продаются запасы сырья и оборудования» («Российская газета», 24.03.92).

Итак, сделаем первый вывод. Те предприятия, которые имеются сегодня в России, возникли в результате приватизации (и часто разделения) советских государственных предприятий. Они создавались и действовали в культурной среде, проникнутой общинным мышлением, отрицающим индивидуализм. Та антропологическая модель, на которой строился социальный уклад предприятия, представляла человека не свободным атомом, а солидарной личностью, для которой получение от общины минимума жизненных благ есть естественное право. Действия предприятия, нарушающие это право, до сих пор воспринимаются как неправильные, несправедливые.

Когда речь идет о промышленных предприятиях, этот фактор, как ни парадоксально, усиливается (хотя он должен был бы нейтрализоваться в процессе перехода промышленных рабочих к городской жизни). Это связано с историческими условиями индустриализации в советской России, которая в очень высоком темпе проходила с конца 20-х годов.

Как и в Японии, индустриализация в СССР проводилась не через возникновение свободного рынка рабочей силы, а в рамках государственной программы.

В Англии крестьяне в ходе «огораживаний» были превращены в пролетариев, которые вышли на рынок рабочей силы как свободные индивидуумы. В СССР после революции 1917 г. в селе была возрождена община (мир), лишь частично подорванная в 1906—1914 гг. реформами Столыпина. Необходимые для индустриализации (и избыточные для села) трудовые ресурсы были получены посредством программы «коллективизации» — насильственного создания сельских кооперативов (колхоз) и государственных ферм (совхоз), которые государство снабжало машинами и другими средствами интенсивного сельскохозяйственного производства.

Вытесненные при этом из села крестьяне не «атомизировались» и не стали пролетариями. Они организовано были направлены на учебу и на стройки промышленности, после чего стали рабочими, техниками и инженерами. Жили они в общежитиях, бараках и коммунальных квартирах, а потом — в рабочих кварталах, построенных предприятиями. Это был процесс переноса общины из села на промышленное предприятие. Получилось так, что основные черты общинного уклада на предприятии проявились даже больше, чем в оставшемся в селе колхозе.

Поэтому промышленное предприятие СССР не только не стало фирмой, организованной на принципах хрематистики, — оно даже не стало чисто производственным образованием. Оно было, как и община в деревне, центром жизнеустройства. Поэтому создание на самом предприятии и вокруг него обширной системы социальных служб стало вполне естественным процессом, не противоречащим культурному генотипу предприятия, а вытекающим из него.

Поговорим об отдельных частях социальной сферы предприятий — о том, как они строились в советское время.

Общественное питание. Право на пищу — одно из ключевых естественных прав в традиционных обществах. Заводская столовая как особый социальный тип была важной частью советского предприятия. Замечу, что западные эксперты обычно вообще не учитывают столовые как элемент социальной инфраструктуры предприятия.

В 1990 г. услугами общественного питания пользовались в России ежедневно 84 млн. человек (более половины населения). На предприятиях промышленности, строительства, транспорта и в совхозах, а также в рабочих общежитиях было сосредоточено около 40% мест всей системы общественного питания. В 1990 г. в сфере производства обеспеченность услугами столовых достигла 91% от норматива (от числа работников, которым по условиям работы требовались такие услуги).

По мнению работников, ценность общественного питания, организованного непосредственно на производстве, была весьма высока. В 1990 г. в ходе опроса, проведенного в республиках СССР Бюро социологических обследований Госкомстата СССР, 52,5% опрошенных в РСФСР отметили, что обеспеченность этими услугами недостаточна (то есть, по их мнению, эти услуги следовало не свертывать, а расширять). 41,3% опрошенных считали, что эти услуги следует развивать самим предприятиям и ведомствам, а 37,4% считали, что это могут лучше сделать местные органы власти.

Практически все предприятия давали дотации столовым, работающим на их территории. Оценить размер дотаций сложно, поскольку часть их шла через профсоюз, часть скрывалась в самых разных статьях расходов, часть представляла собой прямые поставки продуктов из «подсобных хозяйств» или из кооперативов, минуя торговлю. Согласно опросам 1996 г., даже до того момента четверть предприятий сохранила у себя подсобные хозяйства, причем 86% из них продавали продукцию своим работникам (по льготным ценам), а 3% распределяли ее среди работников предприятия бесплатно.

Подсобные хозяйства — особый элемент социальной сферы предприятия, которого нет на Западе, и о них следует сказать особо. В них отразился пережиток связи промышленного предприятия России с землей. Другая сторона той же проблемы — наделение большинства работников предприятия земельными участками и всяческая помощь в обустройстве этих участков. Обеспечение работников участками — одна из важных сторон социальной деятельности предприятий, совершенно не понятных западным экспертам и не отраженных в западной литературе. Кстати, в самые тяжелые годы кризиса урожай, собираемый рабочими со своих огородов, составлял важную часть потребляемых продуктов питания.

Диапазон форм связи предприятия с его «подсобным хозяйством» очень широк — от слабо формализованного «шефства» предприятия над колхозом или совхозом до превращения совхоза в структурное подразделение предприятия. Понятно, что отношения предприятия и его подсобного хозяйства совершенно не объясняются рыночными механизмами. Вот что рассказывает в своей

книге Н.Н. Румянцев о взаимоотношениях крупного текстильного комбината с селом уже в 1992 году, в разгар «шоковой» реформы:

«Совхоз «Приволжский» когда-то был подсобным хозяйством комбината, ему мы помогали больше всех. Построили 73 коттеджа, дали горячую воду, подключили к нашей канализации. Считаю, что мы помогли совхозу иметь в достатке рабочих, и теперь они обходятся своими силами. Совхоз считается одним из лучших в области. Все мы сделали для них бесплатно, хотя 73 домика были бы для нас нелишними.

В 1992 году, а прошло всего десять месяцев, мы затратили более десяти миллионов рублей на строительство жилых домов, ферм, зерносушилки, дорог. Продукции за это время получили на 8,5 миллиона рублей. Думаю, что в ближайшие годы мы будем получать не менее пяти-шести тысяч литров молока от коровы в год. Будут у нас куры. Хотя бы детские сады, но мы должны обеспечить яйцами. Разведем гусей, благо в хозяйстве есть большое озеро.

Мы организовали торговлю на фабриках, и все убедились, что у нас можно купить втрое-вчетверо дешевле, чем в госторговле. Молоко у нас три рубля литр, в госторговле — десять. Это же касается одежды, обуви, продуктов. Мясо с нашего подсобного хозяйства продаем по тридцать рублей, впятеро дешевле. Все это в конечном счете зарплата, только обеспеченная вдобавок хорошим товаром».

Широкое использование общественного питания, а также наличие «невидимых» каналов распределения продуктов питания объясняет «загадку», которую как будто не замечают западные эксперты: почему при «дефиците» некоторых продуктов питания в розничной тор-

говле реальный уровень потребления этих самых продуктов в СССР был по западным меркам очень высок.

Оценить в денежном выражении все способы поддержки предприятиями их столовых трудно. Известно, однако, что в среднем качество питания в заводских столовых было намного выше, чем в столовых открытого доступа, — при значительно более низких ценах. В «своих» столовых предприятия использовали также многие формы оказания работникам материальной помощи на уравнительной основе (бесплатный хлеб или овощи, особые блюда с символической ценой для легкомысленных людей, «не дотянувших до получки» и др.). В 1990 г. 9,1% рабочих промышленности (и 8,5% работников совхозов и колхозов) получали бесплатное питание или питание с частичной доплатой. На многих предприятиях бесплатным было питание работников ночных смен.

* * *

Жилищно-коммунальные услуги предприятия. В СССР обеспечение жильем было конституционным правом, которое гарантировалось государством. Бездомности как социального явления в СССР не существовало. Государство в лице как местных властей (советов), так и предприятий предоставляло жилье бесплатно в вечное пользование. Законом было запрещено выселение без предоставления равноценного жилья. Этот закон в такой степени воспринимался как естественное право, что даже через семь лет после ликвидации советского законодательства власти не решаются на выселение жильцов за неуплату коммунальных платежей (в некоторых регионах неуплаты являются почти тотальными, в масштабах целого города).

Сначала скажем о состоянии жилищного фонда в СССР и места в нем предприятий. На начало 1991 г. в СССР имелось 87,2 млн. квартир и домов, из них 48 млн. квартир государственного и общественного фонда (остальные — собственность граждан). Из этих 48 млн. квартир 46,4 млн. (96,7%) — отдельные, 1,6 млн. (3,3%) — коммунальные, т.е. в них проживало более одной семьи. Основную массу расходов по содержанию жилья в СССР несло государство. В 1989 г. на 1 рубль взимаемой с жильцов платы было 6 рублей государственных дотаций. В семейном бюджете рабочих и служащих расходы по оплате квартиры составляли около 1%, а со всеми коммунальными услугами — 3%.

Весь жилой фонд СССР в начале 1991 г. составлял 4,6 млрд. квадратных метров площади. Из них государству принадлежало 2,5 млрд. В государственном фонде ведомственная площадь составляла 1,44 млрд. кв. м. Это и был жилой фонд предприятий и ведомств (т.е. центральных органов управления хозяйством). Из этого фонда 0,23 млрд. кв. м принадлежало предприятиям сельского хозяйства (совхозам), а 0,1 млрд. кв. м (7%) составляли рабочие общежития. Таким образом, промышленным предприятиям в СССР принадлежало около 20% жилой площади.

Примерно в 40% квартир, принадлежащих в советское время предприятиям, проживали люди, не работавшие на них. После предоставления работнику квартиры предприятие не имело юридического права ни задержать его, ни изъять квартиру, если он пожелал сменить место работы. Но это считалось неэтичным, и обычно работник продолжал работать на предприятии в течение негласно установленного приличиями срока (1—2 года).

В целом население высоко оценивало деятельность предприятий по обеспечению жильем. В опросе 1990 г. в РСФСР 50,4% опрошенных считали, что услуги по предоставлению жилья следует развивать предприятиям, а 28,3% — что их следует развивать местным органам власти.

Рассмотрим теперь роль предприятий в предоставлении всего набора социальных услуг, связанных с жильем, — строительстве и содержании жилья и коммунальных служб (водоснабжение, отопление, канализация и пр.). Почитаем выдержки из воспоминаний Н.Н.Румянцева. На всех трех текстильных комбинатах, где ему пришлось быть директором, одним из первых вопросов было жилье и коммунальные службы. Все три предприятия были «градообразующими» — главными предприятиями, вокруг которых формировался и жил небольшой город. Вначале Н.Н.Румянцев был директором комбината в г. Пучеж. В связи с образованием водохранилища на Волге предприятие переносилось на другую территорию. Ликвидировались и коммунальные объекты, которые обслуживали весь город. Когда прибыли подрывники, Н.Н.Румянцев заперся в бане, которая находилась на фабрике, и не дал ее взорвать, сохранив ее на целый год до постройки новой бани. За это его исключили из партии (что для него, прошедшего ГУЛАГ, могло повлечь и более тяжелые последствия). Когда комбинат в Пучеже был реконструирован, Н.Н.Румянцева перевели на новое место, в г. Писцово. Вот что вспоминает он о работе на этом комбинате, который насчитывал 4300 работников:

«Выделить что-либо особенное за все шесть лет работы в Писцове трудно. Разве что жилье. Как и везде, положение с жильем было очень трудным. Специаль-

но созданная бригада ежегодно строила по семьдесят с лишним домов, и за шесть лет нужду в жилье мы свели к нулю.

Я давно сделал для себя правилом: если хочешь чего-то добиться на производстве, то начинай заниматься в первую очередь не производством, а условиями жизни людей. Морально спрашивать только с человека, которому ты помог устроить нормальную жизнь и работу, а не действовать по принципу: вы потерпите, вот наладим производство, появятся деньги и тогда возьмемся за жилье, детские сады, клубы, бани. Люди и в этом случае будут работать, но не так хорошо».

А вот как начал Н.Н.Румянцев свою работу директором самого крупного в СССР льнокомбината — Яковлевского в г. Поволжске: «Как и везде, самым большим вопросом для нас было жилье. Правда, под реконструкцию было выделено восемь миллионов рублей на соцкультбыт, в том числе и на жилье. Сумма по тем временам огромная. Ведь на миллион рублей можно было построить триста пятьдесят квартир. Деньги, как видим, были, а жилье почти не строилось. Причина известна: не хватало строителей, материалов, техники, и жилье постепенно отодвигалось на потом.

Особо осложняло работу то, что на комбинате висел весь город, все его коммунальные службы, и, думая о развитии комбината, мы должны были фронтально двигать и всю инфраструктуру. Город получал от нас тепло, горячую и холодную воду, все стоки шли через наши очистные сооружения.

Жилья на мой приход было 34 тысячи квадратных метров, из них четверть ветхого и аварийного. Для сравнения скажу, что сейчас мы имеем двести тысяч квадратных метров жилья.

В самом начале в обеспечении жильем мы топтались на месте, так как срочно пришлось сбросить восемь двухэтажных фибролитовых домов, разрушили все бараки и ликвидировали подвалы. Всем жильцам предоставили благоустроенные квартиры. Одновременно благоустроили часть жилья — дали воду, газ, тепло, подключили к канализации. Люди очень быстро убедились, что все обещания по жилью выполняются, причем в первую очередь. Народ повеселел, и это, в свою очередь, хорошо повлияло на производство. Начали строить детские дошкольные учреждения, стали наводить порядок на территориях фабрик, асфальтировали даже городские улицы».

* * *

Предприятия и охрана здоровья. В СССР система здравоохранения была бесплатной и воспринималась в общественном сознании как естественное право. Здравоохранение было даже не правом, а, скорее, обязанностью. Причина в том, что в СССР человек не был собственником тела (индивидом), его тело во многом было «общенародным достоянием», и государство обязано было его хранить.

Участие предприятий в здравоохранении выражалось в советское время в следующих формах:

- содержание на предприятии и за счет его средств (или совместно с органами здравоохранения) поликлиник или врачебных пунктов;
- дотации из средств предприятия лечебным учреждениям в районах проживания работников предприятия;

- содержание лечебно-профилактических оздоровительных учреждений (домов отдыха, санаториев, профилакториев);
- организация на предприятии профилактических медицинских осмотров работников.

Приведем выдержки из книги Н.Н.Румянцева об услугах в области здравоохранения на Яковлевском льнокомбинате.

«Семь лет назад, по примеру других предприятий, мы создали на фабриках восстановительные центры, комнаты отдыха и центры психологической разгрузки. На центры внутрисменного восстановления мы возлагали большие надежды. Ведь в них за считанные минуты с помощью специальных тренажеров, массажа можно снять усталость от монотонных движений. И действительно, на первых порах от посетителей не было отбоя. Пришлось даже составлять графики, так как центр мог принять только пятьдесят человек в смену. Но через два-три месяца популярность центров стала падать. Спрашиваю ткачиху:

— Спина болит?

— Болит, Николай Николаевич.

— Иди, сделай массаж.

— Да не поможет. Я уж так перемогусь.

Вот это великое российское терпение, привычка перемогаться даже в самых трудных случаях, и объясняет во многом отношение к своему здоровью. Выходит, что о здоровье работника мы заботимся больше, чем он сам. А он при этом еще и кочевряжится.

Ведь теперь мы начали платить работнику не только за труд, но и за хорошее здоровье. Не болел в течение года — получай премию. Эти премии быстро окрестили «За здорово живешь».

Совсем недавно мы построили три физкультурно-оздоровительных комплекса с бассейнами. Никто не ходит, и ничем заманить не можем. Ну что ж, начнем с детей, с детских садов и школ. Это самый верный и надежный способ приучить человека к физкультуре.

Двадцать лет назад открыли мы санаторий-профилакторий «Бодрость». В 1984 году построили для него новое трехэтажное здание, купили самое современное оборудование, построили грязелечебницу. За год в нем бывает по две тысячи работников комбината, сто пятьдесят путевок выделяем ветеранам труда, шестьдесят — горожанам. Она [врач санатория] убедила меня, что все дошкольники и особенно молодые матери должны пройти обязательный курс лечения. Меня-то она уговорила, а теперь ходит и уговаривает будущих матерей взять путевку. Цена-то символическая.

Мы сами придали санаторию-профилакторию статус реабилитирующего центра, в связи с чем пришлось поломать некоторые неразумные инструкции, которые, к примеру, запрещали лечить тех, у кого имеется больничный лист... Мы и детскую больницу недавно построили».

Таково было отношение советского предприятия к охране здоровья его работников.

* * *

Предприятия и оздоровительные детские лагеря. Содержание детских оздоровительных учреждений (или оплата путевок для детей работников в «чужие» учреждения, если не имеется или недостаточно собственных) — важная часть социальных услуг предприятия, примыкающая к медицинским услугам.

Система детских оздоровительных учреждений в СССР (для детей в возрасте 7—15 лет) была основана на сети т.н. пионерских лагерей. Ее аналога в странах Запада не существует. Всесоюзная пионерская организация была создана в 1922 г. вначале как политизированная. Однако сразу же одной из ее задач стала оздоровительная работа среди детей, организация их досуга и творческой деятельности. В СССР издавалось 28 газет и 40 журналов для детей. На всех уровнях территорий были созданы Дворцы пионеров или Дома пионеров — общественные детские культурные и спортивные учреждения.

В 30-е годы в целом сложился особый социальный институт — пионерский лагерь. Это — учреждение для отдыха детей во время каникул (в большинстве случаев оборудованное для летнего отдыха, но часть — и для зимнего). Расположены лагеря в живописных местах, как в глубине страны, так и на морских побережьях. На время отдыха с детьми выезжали врачи, и в лагерях проводились медицинские обследования. Велась также интенсивная культурная работа, в лагерь выезжали педагоги и художники.

В трудные годы, особенно после Великой Отечественной войны, главной задачей лагерей была интенсивная оздоровительная работа, усиленное полноценное питание городских детей (критерием успеха было увеличение веса детей — это называлось «поправиться»). Обычно лагерь работал летом в три смены: две по 24 дня и одна особая, «санаторная», для ослабленных детей, — 40 дней. Размеры нормальных лагерей — от 100 до 400 детей. Было открыто и несколько больших, «всесоюзных» лагерей.

Большинство предприятий содержали свои лагеря. Имелись также «общие» лагеря у отраслевых профсоюзов. За организацию работы и распределение путевок отвечали профсоюзы, но предприятие выделяло материальные ресурсы и работников (вожатых, воспитателей, обслуживающий персонал — часто из числа пенсионеров, бывших работников, которые поддерживали связи с предприятием). В лагерях, особенно небольших, шел важный процесс социализации детей, их включения в орбиту предприятия, на котором работают родители, в отношения поколений этой «общины». Обычно предприятие старалось в каждую смену пригласить в гости к детям какого-либо известного человека из мира науки, искусства, героя войны и т.п.

Когда мест в своем лагере у предприятия не хватало, через профсоюз всегда находились места в пионерлагерях других организаций и профсоюзов. Это давало детям новые контакты, вводило в круг других профессий, дети работников провинциальных предприятий вовлекались в универсальную культуру. Значение пионерлагерей в формировании советского человека и даже советского народа трудно переоценить.

Предприятия и дошкольные детские учреждения. Важнейшим условием вовлечения женщины в активную трудовую деятельность стало создание обширной сети детских учреждений — яслей и детских садов. При реальном уровне экономического развития СССР это было необходимым условием для выхода на современный тип потребления семьи, не говоря уж о самореализации женщин. Эти учреждения постепенно, с 30-х годов, преодолевали свои организационные, хозяйственные и кадровые недостатки и к 70-м годам стали незаменимым и почти «естественным» социальным институтом в советской системе.

Разумеется, отношение к этим учреждениям было различным в разных социальных группах и разных регионах. Чем сильнее была ориентация на «общинные» ценности, тем благосклоннее оценка детских садов, чем сильнее ориентация на индивидуализм — тем негативнее. В 1990 г. среди женщин, имеющих детей в возрасте до 7 лет, высказалось в пользу воспитания детей в детских садах 60,8% в Туркмении и 10,3% в Литве. В РСФСР за воспитание детей в детских садах было 41,7% матерей.

В 1990 г. в РСФСР имелось 87,9 тыс. детских дошкольных учреждений (47,3 тыс. в городах и 40,6 тыс. в сельской местности). В них находились 9 млн. детей. В 1990 г. 66% детей в возрасте 1—6 лет посещали детские сады.

* * *

Из всего этого видно, что советский строй породил необычный тип промышленного предприятия, в котором производство было неразрывно (и незаметно!) переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще «земляков». Это переплетение, идущее от тысячелетней традиции общинной жизни, настолько прочно вошло в коллективную память и массовое сознание, что казалось естественным. На самом деле это — особенность России. Она несовместима с тем новым человеческим общежитием, какое задумали создать в России реформаторы по типу западного капитализма. Эту особенность и стали сразу же искоренять под присмотром западных экспертов. Но искоренить ее непросто.

Наблюдение за попытками разорвать это переплетение, отделить производство от создания условий жизни позволило увидеть исключительно важную вещь, о

которой мы не думали при советском строе (и о которой не думают люди Запада при их капитализме). Соединение, кооперация производства с «жизнью» является источником очень большой и не вполне объяснимой экономии. Стоит только передать коммунальные службы из состава предприятия специализированной организации, работающей на рыночных основаниях, как себестоимость жизненных благ возрастает почти в четыре раза.

Почему же мы этого не видели? Потому, что из политекономии, возникшей как наука о рыночном хозяйстве (и в версии Адама Смита, и в версии Маркса), мы заучили, что специализация и разделение — источник эффективности. Это разумное умозаключение приобрело, к огромному нашему несчастью, характер идеологической догмы, и мы почти забыли о диалектике этой проблемы. А именно: соединение и кооперация — также источник эффективности. Какая комбинация наиболее выгодна, зависит от всей совокупности конкретных условий. И важнейшим фактором здесь является культура людей.

На Западе буржуазные революции сломали общинность и создали «культуру индивидуализма», так что вместо сотрудничества на первое место вышла конкуренция. В России, напротив, революция лишь усилила «культуру коллективизма». Это и позволило возникнуть в СССР, независимо от теорий (а часто и вопреки им), необычному «хозяйству семейного типа», с переплетением производства и быта. Разрушение этого хозяйства с потерей его «невидимого» и непонятого нами источника эффективности погрузило страну в тяжелейшую разруху, которую теоретики не могут объяснить.

Уравнильный принцип и советская уравниловка

Чуть ли не главным принципом, который надо было сломать в советском человеке, чтобы подорвать легитимность советского жизнеустройства и совершить «перестройку», была идея равенства людей.

Эта идея, лежащая в самой основе христианства, стала в СССР объектом «официально предписанной» фальсификации задолго до 1985 года — как только престарелого Генерального секретаря КПСС Л.И.Брежнева окружила интеллектуальная бригада «новой волны». Одна из первых песен, которые запел идеолог КПСС А.Н.Яковлев, была о «порожденной нашей системой антиценности — примитивнейшей идее уравнильства». Идея равенства была представлена в виде уравниловки, из которой создали такое пугало, что человек, услышав это слово, терял дар мышления. Избивая это изобретенное идеологами чучело, на деле разрушали важный духовный стержень.

Вот депутат Н.М.Амосов, занимавший, согласно опросам, третье место в списке духовных лидеров нашей интеллигенции, в эссе под скромным названием «Мое мировоззрение» (в академическом журнале «Вопросы философии»!) утверждал: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу — ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых». И далее этот демократ предлагал (в 1988 году!) применить сугубо фашистскую процедуру по отношению ко всему населению СССР —

провести селекцию на «сильных» и «слабых» путем широкого психофизиологического обследования.

Другой активный антисоветский идеолог, А.С.Ципко, писал: «Всегда, во все времена и у всех народов уравниловка поощряла лень, убивала мастерство, желание трудиться. Но мы отстаивали ее как завоевание социализма» (Можно ли изменить природу человека? — В кн. «Освобождение духа». М.: Политиздат, 1991). Это удивительно примитивная трактовка.

Однако ненависть к «уравниловке» стала важным компонентом антисоветского сознания. Согласно опросам 1989—1990 гг., интеллигенция на вопрос о причинах наших бед отвечала: «система виновата». «Уравниловку» в числе трех первых по важности причин наших несчастий назвали 48,4% приславших свой ответ интеллигентов (при этом они же проявили удивительную ненависть к «привилегиям начальства» — 64% против 25% в «общем» опросе).

Проблема равенства и справедливости была поставлена уже в момент становления той философии, которая лежит в фундаменте нашей культуры. Аристотель писал: «общественная жизнь держится справедливостью», а последняя «больше всего сводится к равенству». В ходе формирования современного капитализма и характерной для него формы демократии важнейшим философским конфликтом стало противопоставление свободы равенству. Этот конфликт до сих пор присущ философии капитализма. Де Токвиль писал в письме: «Мой вкус подсказывает мне: люби свободу, а инстинкт советует: люби равенство». Можно сказать, что в западном сознании побеждает то вкус, то инстинкт.

В наиболее полной и поэтической форме отказ от равенства и культ сильных, находящихся «по ту сторону

добра и зла», выразил Ницше. Но у него за отрицанием человеческой солидарности хотя бы стояло жгучее желание прогресса, совершенства, возникновения «сверхчеловека». Ради этого и развил он антихристианскую и трагическую философию «любви к дальнему». «Чужды и презренны мне люди настоящего, к которым еще так недавно влекло меня мое сердце; изгнан я из страны отцов и матерей моих».

Идеологическая подкладка под отрицанием равенства — социал-дарвинизм. Это учение, переносящее биологический принцип борьбы за существование и естественного отбора в человеческое общество. Это придает угнетению (и в социальной, и в национальной сфере) видимость «естественного» закона. Социал-дарвинизм возник под влиянием мальтузианства, очень популярного в апогее рыночной экономики учения, согласно которому «слабым» не только не надо помогать выживать — надо способствовать их исчезновению через болезни и войны. В конце 80-х годов наши журналы и газеты были полны совершенно мальтузианских заявлений видных интеллектуалов. А ведь в русскую культуру даже в XIX веке вход мальтузианству был настрого запрещен.

* * *

Суть того равенства, которое выращивали в советском строе, была покрыта многослойной ложью (в том числа лакировочной). А в перестройке этот идеал был специально опорочен как якобы порождение большевизма. Так давайте снимем эти слои лжи. Рассмотрим суть уравниательства и его духовные корни.

Эта суть — в отрицании главной идеи «рыночной экономики», где ценность человека измеряется рынком. Американец скажет: «Я стою 40 тыс. долларов в год». «Старому» русскому такое и в голову не придет. Для него ценность человека не сводится к цене. Есть в каждой личности некая величина — то ядро, в котором он и есть «образ и подобие Божие» и которое есть константа для каждого человеческого существа. А сверх этого — те «морщины», цена которых и определяется рынком, тарифной сеткой и т.д. Отсюда и различие в социальном плане. Если рынок отвергает человека как товар (какую-то имеющую рыночную стоимость «часть» человека — мышечную силу, ум и т.д.), то из общества выбрасывается весь человек — вплоть до его голодной смерти. Никакой иной ценности, кроме той цены, которую готов платить рынок, за человеком не признается.

Это ясно сказал заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

Ницше подвел под это «естественнонаучную» базу. Он писал: «Сострадание, позволяющее слабым и угнетенным выживать и иметь потомство, затрудняет действие природных законов эволюции. Оно ускоряет вырождение, разрушает вид, отрицает жизнь. Почему другие биологические виды животных остаются здоровыми? Потому что они не знают сострадания».

Если «отвергнутые рынком» люди и поддерживаются социальной помощью или благотворительностью, то

лишь потому, что это дешевле, чем усмирение голодных бунтов, которые к тому же делают жизнь «удачливых» слишком уж неприятной. И этот порядок оправдан культурой (всей философией свободы либерализма). Никто никому ничем не обязан!..

Начнем с самого главного социального механизма советского уравниательства — способа распределения работы. Бубня во время перестройки о социальной справедливости, идеологи вспоминали только «оплату по труду», заставив забыть первую, гораздо более важную часть уравнительного идеала: «от каждого — по способности». Кто об этом помнит? А ведь это — развитие одного из важнейших охранительных табу, которые дают человечеству великие религии: «Каждый пусть добывает хлеб свой в поте лица своего». Это — запрет на безработицу, и его нельзя обойти выдачей субсидий и превращением безработного в паразита.

Кладя эти принципы в основу нашей совместной жизни, наши отцы и деды, следуя главному закону крестьянской общины, заключили важнейший общественный договор: каждому человеку в России будет гарантирована работа. В идеале это будет работа по его способностям. Вот в чем были прежде всего равны наши люди. Мы обязались друг перед другом не выбрасывать за ворота в чем-то слабых людей, не дискриминировать эту кем-то выделенную часть, распределяя между собой их заработок. Мы обязались делиться друг с другом работой и никого не отправлять на паперть, или в банду, или в сумасшедший дом — три пути для безработного.

Понятно, что равное право на доступ к работе возникло при советском строе вследствие обобществления средств производства. Религиозный запрет на безработицу обрел социальную и правовую базу. Будучи

частичным собственником всей суммы средств производства, человек имел право на использование какой-то части средств производства, имел право на рабочее место. Вчитайтесь в слова Г.Х.Попова (сказанные в 1988 г., когда он еще не входил в число самых богатых людей России): «Социализм, сделав всех совладельцами общественной собственности, дал каждому право на труд и его оплату».

Наличие общей собственности на средства производства автоматически и неизбежно порождало уравнительную часть и в распределении плодов труда, материальных благ, общественного богатства. Надо подчеркнуть, что в этом плане жизнеустройства уравнительство порождалось именно неизбежно, как следствие общенародной собственности на средства производства. Поэтому всякие разговоры о «ликвидации уравниловки» означали неявное отрицание общенародной собственности и советского строя.

Эти разговоры к тому же выдавали полное отсутствие правового сознания — ведь речь шла о том, чтобы лишить собственника его дохода на собственность. На каком же основании? По той причине, что кому-то не нравится, как этот собственник ведет себя в совершенно иной сфере — как работник. Именно в требовании устранить уравниловку содержался самый дикий произвол, какая-то вывернутая наизнанку архаическая общинность.

Ведь уравнительная выдача определенного количества благ из общественных фондов была очищена от всякого налета «помощи» и «благотворительности». Не была она и «социальной защитой». Само понятие «социальная защита» есть производное от формулы Гоббса «война всех против всех», которая предполагает, что в

цивилизованном обществе приходится защищать «слабых» от гибели, предоставляя им минимум благ. В советской России человек имел на эти блага не гражданское, а естественное право (он рождался с неотчуждаемыми социальными правами).

Прежде чем затевать реформу, надо было бы всем нам прочитать роман Кнута Гамсуна «Голод». В зажиточном Осло в начале XX века молодой писатель был одной ногой в могиле от голода — уже и волосы выпали. Ему не только никто не подумал помочь — он сам не мог заставить себя украсть булку или пирожок, хотя это было нетрудно. Святость частной собственности и отсутствие права на жизнь были вбиты ему в подсознание так же, как святость его личных прав гражданина.

Таким образом, уравнительная выдача благ в СССР вовсе не была следствием доброй воли «дающего». Мол, хочу — даю, не хочу — не даю. Человек получил на эти блага социально и юридически гарантированное право. Право это возникло при наделении всех граждан СССР общенародной собственностью, с которой каждый получал равный доход независимо от своей зарплаты.

В приведенном выше высказывании Г.Х.Попова есть такое продолжение: «Надо точнее разграничить то, что работник получает в результате права на труд как трудящийся собственник, и то, что он получает по результатам своего труда. Сегодня первая часть составляет большую долю заработка». Попов признает, что большая часть заработка каждого советского человека — это его дивиденды как частичного собственника национального достояния. То, что трудящиеся добровольно и безвозмездно отдали свою собственность мафиозно-номенклатурной прослойке, войдет в историю как ве-

личайшая загадка всех времен и народов. Уравниловки испугались! Дай-ка я все дивиденды с моей доли буду брать себе сам! Ну, берите теперь.

* * *

Наше уходящее корнями в общину уравнительство было совсем иного рода, чем «равенство» гражданского западного общества (чего часто не хотят видеть патриоты). Там — равенство людей-«атомов», равенство конкурирующих индивидуумов перед законом. Великий философ Запада Гоббс дал формулу: «Равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Наше же равенство шло от артели, где все едят из одной миски, стараясь не зачерпнуть лишнего, но роль и положение каждого различны.

В обществе конкуренции «зачерпнуть лишнего» и даже оттолкнуть соседа от миски позволяет не только философия, но и лежащая в ее основе религиозная этика (отказ от идеи коллективного спасения). Люди, выросшие на почве православия и ислама, просто не понимают такой этики. Ее отвергала и вся русская культура. Человек, просто потому, что он родился на нашей земле и есть один из нас, имеет право на жизнь, а значит, на некоторый базовый минимум обеспечения. И это — не подачка, каждый из нас ценен. Мы не знаем, чем, и не собираемся это измерять. Кто-то споет песню, кто-то погладит по голове ребенка. Кто-то зимой поднимет и отнесет в подъезд прикорнувшего в сугробе пьяного. За всем этим и стоит уравниловка.

Помню вечерние дебаты на эти темы в лаборатории сорок лет назад, когда задумывалась вся эта перестройка. Сейчас удивляешься, как все совпадало: тот, кто про-

клинал уравниловку и мечтал о безработице (разумеется, для рабочих — очень уж они обленились), в то же время ненавидел «спившуюся часть народа». Он, мол, принципиально не оттащил бы пьяного согреться — пусть подышает, нация будет здоровее. И доходили до фанатизма. Кто же, говорю, у нас не напивался — ведь эдак треть перемерзнет. Пусть перемерзнет! Так ведь и твой сын может попасть в такое положение — вспомни себя студентом. Пусть и мой сын замерзнет! Это и есть новое мышление. Здесь и происходит главное столкновение «реформы» с сознанием людей.

Сколько же благ распределялось у нас через «уравниловку»? Неужели и вправду наши «социальные иждивенцы» объедали справных работников и получали большую часть дохода не по труду, как писал Попов? Это — ложь, специально внедренная в общественное сознание. На уравнительной основе давались минимальные условия для достойного существования и развития человека — а дальше все зависело от него самого. Он получал на уравнительной и в большинстве случаев бесплатной основе жилье, образование, медицинское обслуживание. С большой долей уравнительности человек получал также скромную пищу, транспорт, связь, книги и прочие блага культуры. Здесь уравнительный механизм действовал через низкие цены на эти жизненные блага.

Всем известно, что, если человек был готов напрячься, он мог заработать на жизнь «повышенной комфортности» — купить дачу, автомобиль, пить коньяк вместо водки. Но уровень потребления людей с низкими доходами был действительно минимальным — на грани допустимого. Никакой избыточной уравниловки в потреблении не было, все держалось на нужном пределе.

Кстати сказать, образ советской уравниловки был преувеличен в сознании «обделенной» интеллигенции еще и из-за важной методологической ошибки. Вот типичная «антисоветская» жалоба инженера: «Бедный я, бедный. Получаю всего вдвое больше, чем неграмотная уборщица баба Маня. Когда кончится эта проклятая уравниловка!» Спросишь: а насколько же тебе надо больше? «Ну хоть втрое, как в Штатах». И в этом он ошибался — оплата инженера в США была, в общем, более уравнительной.

Да, у нас инженер получал 100 руб., а баба Маня — 50 (округленно, условно). А «за бугром» их баба Мэри — 100 пиастров, а сэр инженер 300. Где же больше уравниловка? Инженер уверен, что у нас. На деле из этих цифр без выявления «неделимостей» вообще ничего сказать нельзя. Вот одна «неделимость» — та «витальная корзина», тот физиологический минимум, который объективно необходим человеку в данном обществе, чтобы выжить и сохранить свой облик человека. Это — тот ноль, выше которого только и начинается благосостояние, а на уровне нуля есть лишь состояние, без «блага». И сравнивать доходы инженера и бабы Мани нужно после вычитания этой «неделимости».

Что же получается при таком расчете? Эта «неделимость» составляла в СССР около 40 руб. И благосостояние бабы Мани было не 50, а 10 руб. в месяц, а у инженера $100 - 40 = 60$ руб., т.е. в шесть раз больше, чем у уборщицы. «За бугром» благосостояние уборщицы при физиологическом минимуме в 40 пиастров поднималось до 60 пиастров, а у инженера — до 260. Это в 4,3 раза больше. То есть, несмотря на большой разрыв в валовом доходе, распределение благосостояния было «за бугром» более уравнительным. Если бы баба Маня у нас

получала всего 41 руб., а инженер 100, то его благосостояние было бы уже в 60 раз выше, чем у нее. Вот тебе и уравниловка.

Помимо того, что советский человек имел равное фундаментальное право на доступ к рабочему месту (право на труд), благодаря которому он гарантированно и вовремя получал зарплату, в СССР были постепенно созданы и другие каналы уравнительного распределения многих благ — общественные фонды потребления. Через эти каналы человеку давалось определенное количество благ как члену огромной общины (СССР). В 1989 г. (последний год советского уклада жизни) доходы всего населения СССР составили 558 млрд. рублей, а расходы государства и предприятий на социально-культурные нужды составили 176 млрд. руб. (т.е. 31,5% от денежных доходов населения).

Важный момент заключается и в том, что принципы распределения в СССР позволяли избежать и резких разрывов в доходах работников разных профессий. А значит, между ними не возникало социальной вражды, так что в целом в массовом сознании была укоренена идея общества солидарного, основанного на сотрудничестве, а не на конкуренции.

* * *

Посмотрим, как были реализованы в СССР уравнительные принципы в обеспечении доступа к некоторым главным материальным благам.

Жилье. Главная опора уравнительного уклада — жилье. Пока человек имеет жилье — он личность. Бездомность — совершенно иное качество, аномальное состояние выброшенного из общества изгоя. Бездомные

очень быстро умирают. Поэтому право на жилье есть одно из главных выражений права на жизнь.

В СССР на определенной стадии развития пришли к тому, что право на жилье было введено в Конституцию, стало одним из главных прав. Это было уравни-тельное право, жилплощадь предоставлялась «по голо-вам» (были небольшие льготы кандидатам и докторам наук, скрипачам, художникам, но это мелочи). При этом человек имел право не просто на крышу над головой, а на достойное жилье. Иными словами, была установлена норма, и если она не обеспечивалась, люди имели пра-во на «улучшение жилищных условий».

Право на улучшение! Слова эти, бывшие в советское время привычными, еще затерты в памяти. А ведь надо в них вдуматься. И это было не декларативное право, не идеологический миф, а обыденное социальное явление. На 1 января 1990 г. в СССР на учете для улучшения жи-лищных условий состояло 14,256 млн. семей и одино-чек — 23% от общего числа семей и одиночек в стране. И из года в год 13% из стоявших на учете получали квар-тиру (или несколько квартир, если большая семья раз-делялась). А, например, в Эстонской ССР в 1986 г. полу-чили квартиры 33% от очереди, в 1989 г. 29%.

Уравнительная жилищная политика была осознан-ной и планомерной — государство оплачивало 85% содержания жилья. Вот справка Госкомстата СССР: «В 1989 г. в бюджете семей рабочих и служащих расходы по оплате квартир не превышали одного процента, а с учетом коммунальных услуг — 3% общих расходов. Оп-лата одного квадратного метра жилой площади состав-ляет в среднем за год 1 руб. 58 коп., или 13 коп. в месяц. Затраты на содержание государственного и обществен-ного жилищного фонда в прошлом году составили бо-

лее 13 млрд. руб., из них свыше 2 млрд. — за счет квартирной платы, около 12 млрд. — дотации государства» («Социальное развитие СССР. 1989». М., 1991).

Надо сказать, что почти бесплатное жилье стало настолько привычным, что многие перестали платить даже эти 13 коп. в месяц. В среднем по СССР задолженность из года в год составляла 13,7% начисленной квартплаты, а в Армении, например, в 1989 г. была 30,3%.

Уравнительное право на жилье обеспечивалось ресурсами, государство строило много жилья. Смысл отказа от советского строя прекрасно виден из динамики жилищного строительства. Резкий перелом этой динамики наблюдается во всех странах, имевших, по примеру СССР, уравнительную жилищную политику и отказавшихся от нее ввиду принятия программы МВФ. Переход от уравнительного распределения к рыночному сразу делает жилье недоступным для большинства населения. И жилищные условия этой части населения начинают ухудшаться, хотя в силу своей инерции этот процесс не сразу заметен.

Напротив, в СССР жилищные условия населения неуклонно улучшались. Многим было противно, что это улучшение идет медленно, это они называли «равенство в бедности». В мышлении уже были сильны стереотипы социал-дарвинизма. Эта часть общества подсознательно уже желала разделения людей — роскошное жилье для одних и ночлежка для других. Сами они лично, как правило, были уверены, что попадут в «сильную» часть.

Усилиями поэтов и публицистов в массовом сознании было создано ощущение, что чуть ли не полстраны живет в коммуналках. Реальность была такова: в 1989 г. в городских поселениях СССР 83,5% граждан жили в от-

дельных квартирах, 5,8% в общих квартирах, 9,6% в общежитиях, 1,1% — в бараках и других помещениях. Чтобы проклинать за «коммуналки» советский строй, надо было просто не считать за людей ту треть населения даже богатого Запада, которая проживает именно «в иных помещениях» и считала бы за счастье иметь собственную комнату в общей квартире. О трущобах Рио-де-Жанейро, в которых без воды и канализации живут 3 млн. человек, и говорить нечего.

* * *

Общение. Банкиры и Сорос, получившие в собственность телефонную сеть России, вместе с государственным агентством устранили важный аспект уравнилельства и сделали очередной шаг в рассыпании народа. Теперь, начав говорить по телефону, мы слышим тиканье счетчика.

Тут дело не в жадности банкиров, денег они получают не намного больше. Эффект хорошо изучен психологами: этот счетчик настолько отравляет сознание, настолько убивает теплоту разговора, что отлетает сама его душа. Рвется человеческая связь, остается лишь обмен информацией. Значит, даже не перестав звонить другу или брату, мы станем чуть-чуть больше индивидуумами, а вместе станем менее народом, более — человеческой пылью.

Когда мы были крестьянами, ничего бы с нами не могли поделать — мы общались и в поле, и у колодца. Другое дело, когда мы стали в массе своей горожанами. Для города телефон, почта и телеграф — та связь, что обеспечивает общение вне узкого круга семьи и сослуживцев. По этим связям и нанесена серия страшных уда-

ров. Я всю жизнь проработал в Академии наук. И много лет веду мысленный, изредка и явный, разговор с моими коллегами, что поддержали весь этот переворот в России. Об идеалах спорить бесполезно, поэтому я обращаюсь к логике.

С самого начала перестройки как важное обвинение советскому строю была поднята тема «открытого общества». Вот, мол, Запад — общество «информационное», открытое, а СССР — закрытое. В том смысле, что блокирован обмен сообщениями. Помню одного уважаемого философа, он горячо кричал в коридоре нашего института: «Советская система рубит человеческие связи, как топором!» Он стал убежденным и активным «демократом». К нему и к таким, как он, я и обращаюсь с вопросом: «Вы знали, что сотворит в сфере общения ваш политический режим?». Если знали, то все они — провокаторы и рано или поздно получают свое. Если не знали, то обязаны порвать с этим режимом и во весь голос признать свою ошибку.

Уточним реальность. Каковы главные каналы общения людей, разделенных на огромном пространстве России? Есть каналы нецентрализованные, «молекулярные»: поездки самих людей, почта, телеграф, телефон. Интернет и электронная почта — мелочь, даже на Западе. Есть каналы «через центр» — книги, журналы, газеты. Радио и телевидение сюда не входят, т.к. они лишь «накачивают» информацию, так что не возникает общения, диалога — как у читателя с печатным словом книги или даже газеты. Что было и что стало со всеми этими каналами?

Поездки людей «ради общения» сократились самым страшным образом. Скажем, авиаперевозки внутри страны упали в четыре раза. Если вычесть деловые перелеты, то этот канал общения для простых обывате-

лей сузился минимум в десять раз. Он действует практически лишь в отделенной от «тела народа» разбогатевшей части, которая живет особой жизнью.

В советское время не вставал вопрос о том, чтобы не поехать на свадьбу или на похороны из-за недоступной цены билета на поезд. Иностранцы, что гостили у меня в конце 1990 г., чуть не сошли с ума, когда оказалось, что они за 20 «деревянных» рублей (1 доллар) могут съездить в Ленинград и обратно, а там пообедать и сходить в Эрмитаж. Правда, и тогда интеллигенция была недовольна — подстаканники в поездах были аляповатые («ты можешь представить, чтобы тебе во Франции подали чай в таком подстаканнике?»).

Почта и телеграф в СССР настолько вошли в быт самой глухой деревни, что стали уже как бы частью природы. Телеграмма — 3 копейки за слово! Нашарив гривенник в кармане, мы слали откуда-нибудь из Крыма: «Телеграфь двадцать пять» (а совсем уж отчаянные наскребали на одно слово: «Двадцатипятирублюйте»). Телеграф давал нам ощущение, что мы связаны моментальной связью со всеми близкими людьми на шестой части суши. Сколько писем и телеграмм отправляют сегодня русские люди? В 6 (!) раз меньше, чем в 80-е годы. В шесть раз! Если опять же из этого числа вычесть деловые отправления, то окажется, что почты и телеграфа народ практически лишен. Вы, поборники открытого общества, знаете об этом?

* * *

Поход против уравниловки: утрата исторической памяти. В кухонных дебатах 70-х годов было создано ложное представление, будто уравнилительный прин-

цип распределения жизненных благ — уникальное явление, порожденное тупым волюнтаризмом советской системы. Во время перестройки это мнение было усилено с помощью большой кампании по промыванию мозгов. На самом деле советская система в этом смысле не слишком сильно отличается от других, различия существуют, скорее, в антропологическом обосновании «уравниловки», в выведении ее из естественных или приобретенных прав.

Дж. Кейнс, работавший тогда в СССР, в статье «Беглый взгляд на Россию» (1925) писал: «Я не считаю, что Русский Коммунизм изменяет или стремится изменить природу человека, что он делает евреев менее жадными, а русских менее экстравагантными, чем они были... Но в будущей России, видимо, карьера «делающего деньги» человека просто невозможна как доступная в силу своей открытости для респектабельного человека сферы деятельности, как и карьера вора-взломщика либо стремление научиться подлогам и хищениям. Каждый должен работать на общество — гласит новое кредо — и, если он действительно выполняет свой долг, общество его всегда поддержит. Подобная система не ставит целью понижать доходы, уравнивая их, — по крайней мере на нынешней стадии. Толковый и удачливый человек в Советской России имеет более высокие доходы и живет благополучнее, нежели все другие люди».

Кейнс писал это в 1925 г., а ведь тот, первый этап советского проекта был, конечно, гораздо более уравнительным, нежели 70-е годы. Тогда, например, действовал т.н. партмаксимум — обязанность партии сдавать государству доходы, превышающие определенный максимум.

Уравнительное распределение благ — древнейший принцип человеческого общежития. В обществах, основанных по принципу семьи, каждый имеет равное право на пищу. В самом чистом виде это отражено в первобытных обществах. В 1966 г. в США вышел большой труд антрополога Сервайса (E.R. Service) «Охотники» — об изучении оставшихся на Земле «примитивных», живущих общинами племен и народов, об обществах охотников и собирателей из самых разных частей света. Особое место в нем занимает тема распределения пищи. Как-то ученый получил от эскимоса кусок мяса и поблагодарил его. Охотник огорчился, а старик-эскимос объяснил: «Нельзя благодарить за мясо. Каждый имеет право получить кусок».

Сервайс пишет, что в общинах нельзя и даже неприлично благодарить за пищу — этим ты как бы допускаешь саму возможность не поделиться куском, что нелепо и противно. Этнографы подчеркивают, что в общине право на пищу — это абсолютное (естественное) право. Поэтому голод в ней возможен лишь как следствие природной или социальной катастрофы — засуха, война.

Именно в богатом капиталистическом обществе возник голод части населения как норма, а не бедствие. Здесь голодают отвергнутые рынком, а остальные не только не обязаны, но даже не должны им помогать, чтобы другим неповадно было расслабляться. И Мальтус, и Дарвин резко выступали против благотворительности и бесплатной медицины, которые нарушают действие естественного отбора, ликвидирующего «человеческий брак». Дарвин даже сожалел о том, что медицина (например, прививки) сохраняет жизнь плохо приспособленным людям — а таковыми считались как раз те, кто голодает. Это и есть экономический либерализм.

Э.Фромм приводит выдержки из труда И.Сервайса о другой стороне «уравниловки» — в распределении средств труда: «Ни в какой из примитивных групп никому не запрещается использовать природные ресурсы, и ни один индивидуум не является их владельцем... Природные ресурсы, которыми живут группы, являются коллективной или общинной собственностью... Внутри группы все семьи имеют равные права на получение этих ресурсов. Кроме того, родственникам из соседних групп разрешается свободно охотиться или заниматься собирательством, по крайней мере если они об этом просят.

Наиболее частый случай видимого ограничения права на ресурсы касается деревьев, дающих фрукты, орехи и т.д. Иногда определенные деревья или группы деревьев приписываются каждой семье из группы. Но это скорее разделение труда, чем собственность, так как это делается с целью предотвратить бесполезную потерю времени и сил при работе нескольких семей в одном месте. В любом случае, собрала ли данная семья много фруктов или мало, действуют нормы распределения, и никто не испытывает голода».

* * *

Но не только в «примитивных» общинах, а и вообще во всех традиционных обществах, не пошедших по пути «рынка», голод был исключен как социальное явление благодаря уравнительному распределению. Смешно думать, что «уравниловка» — порождение последних 75 лет или даже Российской империи. Напротив, эта империя потому и собралась в Евразии, что здесь сформировались народы со сходным мироощущением. Вспомним

итальянского купца Марко Поло, который почти всю жизнь прожил и пропутешествовал в созданной при Чингисхане империи (в том числе и в России). Что же поразило его, «европейца-рыночника»? Почитаем сегодня эти свидетельства середины XIII века.

«Делал государь вот что: случалось ему ехать по дороге и заметить домишко между двух высоких и красивых домов; тотчас же спрашивал он, почему домишко такой невзрачный; отвечали ему, что маленький домик бедного человека и не может он построить иного дома; приказывал тут же государь, чтобы перестроили домишко таким же красивым и высоким, как и те два, что рядом с ним».

Это о жилье. А вот о питании:

«Когда великий государь знает, что хлеба много и он дешев, то приказывает закупить его многое множество и ссыпать в большую житницу; чтобы хлеб не испортился года три-четыре, приказывает его хорошенько беречь. Собирает он всякий хлеб: и пшеницу, и ячмень, и просо, и рис, и черное просо, и всякий другой хлеб; все это собирает во множестве. Случится недостача хлеба, и поднимется он в цене, тогда великий государь выпускает свой хлеб вот так: если мера пшеницы продается за бизант, за ту же цену он дает четыре. Хлеба выпускает столько, что всем хватает, всякому он дается и у всякого его вдоволь. Так-то великий государь заботится, чтобы народ его дорого за хлеб не платил; и делается это всюду, где он царствует».

Когда мы читали Марко Поло в детстве, на такие главы не обращали внимание — этот образ действий государства казался нам естественным. Ну подумайте сами, что если бы Сталин в годы войны вместо карточной системы устроил бы, как сегодня, либерализацию цен? Но

то, что казалось естественным нам, поражает и злит «рыночника». И английский биограф Марко Поло в 80-е годы XX века делает ему выговор: «Книга для коммерсантов должна была бы описывать урожаи и сезонные колебания цен так, чтобы дать негоциантам сведения, позволяющие получить максимальный доход от спекуляций и поместить деньги с минимумом риска. Марко же глядит по-иному, с точки зрения общественного интереса и, значит, государства; поэтому неурожай для него не средство получить большую прибыль, а огромное бедствие, опасное для мира между народами, которые его терпят. Бедствие, с которым надо бороться».

Каков же был механизм уравнительного распределения благ в империи монголов? Дотации государства. Великий хан Хубилай обязывал «глав администрации» в регионах делать запасы зерна за счет госбюджета и в голодные годы выдавать его фактически «по карточкам» — не отменяя при этом «коммерческую» торговлю. Она, кстати, была у нас и во время войны; приехал кто с фронта — всегда можно было собрать денег и купить что надо. А уж о рынке и говорить нечего. Не знаю, как Гайдар, а я торговал в четыре года.

* * *

Советская уравниловка корнями уходила в общинный крестьянский коммунизм, о котором писалось в первых главах. Поэтому атаку на этот принцип в СССР начали в тот момент, когда произошла смена поколений, так что люди молодого и среднего возраста просто не представляли себе, что такое голод и недоедание. Мао Цзэдун как-то сказал в беседе с Андре Мальро: «Когда существует голод, то стремление к равенству приобре-

тает силу религиозного чувства». Тот, кто хотя бы военное детство провел, как обычный советский ребенок, не клюнул бы на призыв отказаться от равенства.

Часть нашей интеллигенции, а за ней, не подумав, и остальные проклинали даже это самое простое выражение советской уравниловки — кусок хлеба каждому. Стало противно «равенство в бедности», когда по негласному закону в каждой столовой было особое блюдо — манная каша на молоке со сливочным маслом по цене 10 коп. (при реальной стоимости около 35 коп.). Это было блюдо для тех, кто не дотянул до получки. Он его получал не как благотворительность и не должен был никого благодарить. И это — старый наш порядок. Гиляровский подробно описывает, как на московских рынках раз в день варили обрезки мяса и требуху и продавали по полкопейки миску — бери сколько съешь. Не нужна нам была занудливая Армия спасения с ее бесплатным супом для отверженных.

Уравнилительный компонент очень силен в быстро развивающихся странах Юго-Восточной Азии. Например, в одном обзоре писалось, что японского работника предприятия — как управленца, так и рабочего — «устраивает уравниловка в оплате труда, представляющаяся ему весьма важной для морального климата на предприятии. Разрыв в заработной плате рабочего и администратора высшего уровня незначителен (чистый доход директоров японских компаний в 1985 г. в среднем был в 5,7 раза выше, чем у рабочих, а высший администратор в США зарабатывал в 33,5 раза больше рабочего). В Японии... если компания сокращает расходы на оплату труда, то в первую очередь уменьшается жалование администрации... Таким образом, у японских трудящихся нет причин думать, что они должны много работать только для

того, чтобы обогатить администрацию предприятия, его владельцев и акционеров» (ПОЛИС, 1991, № 5, с. 188).

Понятно, что важную роль играют программы уравнительного распределения в развивающихся странах с массовой острой бедностью. Так, в Индии государство заготавливает зерно (в 90-е годы на уровне около 10% потребления, 44,5 г на человека в день) и продает его бедным по ценам ниже рыночных в «магазинах справедливости» (в 1991 г. таких магазинов было 360 тыс.). В начале 90-х годов в среднем по продовольствию распределительные цены были вдвое ниже рыночных. Доля субсидий на поддержание этих цен составляла в 1991/92 гг. 0,55% ВВП.

До 1993 г. производителям сахара в Индии разрешалось продавать на свободном рынке не более 40% сахара, остальное закупало государство для распределения по низким ценам. В целом продовольствия, реализуемого через государственную сеть, было бы достаточно для удовлетворения потребностей всех тех, кто находится за чертой бедности,— если бы распределение вполне подчинялось принципам социальной справедливости. Однако вследствие коррупции беднякам попадает лишь 65% этих ресурсов (по более скептическим оценкам — около 40%). Но и это — важная поддержка.

Экономист из Вашингтонского института экономического развития при МББР П. Стритен, который исследовал этот опыт, считает, что за счет государственной поддержки высоких закупочных и низких распределительных цен можно эффективно поддерживать приемлемый уровень потребления до 30% населения. Однако более реалистичной системой он считает комбинацию субсидирования цен с рационированием основных продуктов питания (В.Р. Миньяр-Белоручев. Государствен-

ное регулирование внутреннего рынка сельскохозяйственных товаров в Индии. — Восток, 1996, № 2).

Даже в странах классического протестантского капитализма, где в общественном сознании огромное влияние имеет социал-дарвинизм, уравнилельный идеал является важным противовесом. Американский либеральный политолог Дж. Сартори пишет: «Мы стремимся к равенству, поскольку считаем его справедливой целью, однако не потому, что люди в действительности одинаковы, но вследствие того, что мы чувствуем — с ними должно обращаться, как если бы они были такими (пусть даже фактически это не так)».

Попытка неолиберальных философов исключить понятие социальной справедливости из словаря современного западного среднего класса в целом не удалась. Американский философ Дж. Роулс дает довольно категоричную формулировку: «Справедливость есть первое достоинство социальных институтов, как истинность — достоинство систем мышления. Как бы ни была стройна и экономна теория, она должна быть отвергнута, если она не истинна; точно так же должны быть уничтожены или изменены самые эффективные социальные институты, если они не справедливы».

Данные большого исследования представлений о справедливости (1991 г.) показали, что идею уравнилельного распределения как справедливого поддерживают 21% опрошенных в Англии, 19% в США и 29% в Западной Германии. Это очень существенная часть населения.

В 1985 г. 40% расходов населения на медицинское обслуживание в США покрывало государство. Продовольственная помощь введена в США с 1981 г. Она заключается в выдаче талонов (бесплатных или со скидкой) для покупки продуктов. Правом на получение та-

лонов обладают семьи, чей доход не превышает 125% дохода на «черте бедности». На самом деле получить такие талоны удастся примерно половине американцев, живущих на этом уровне доходов. Средняя стоимость талонов, по американским ценам, очень невелика. Так, в 1987 г. она составляла 65 долларов в месяц на человека. Но уже это позволяет избежать голода. В США за 1991—1993 гг. число городских жителей, получающих вследствие их бедственного положения бесплатные талоны на питание, выросло на 7 млн. и составило 24,5 млн. человек — десятую долю населения этой богатейшей страны. Жилищные субсидии, очень небольшие по величине (в середине 80-х годов они составляли в среднем 2 тыс. долл. в год на семью) получают около 3,5 млн. семей — четверть тех, кто формально имеет право на такую помощь (Современные США. Энциклопедический справочник. М., 1988).

* * *

Восприятие уравнительного распределения благ массовым сознанием. Это восприятие в 70—80-е годы характеризовалось расщеплением сознания и внутренним конфликтом ценностей. С одной стороны, городское население охотно принимало нападки на «уравниловку», обнаруживая явный сдвиг к либеральным ценностям в их «советском» понимании, с другой — подавляющее большинство твердо стояло на уравнительном принципе.

Это понимали все вышедшие на арену в годы перестройки политические силы, что приводило к странным комбинациям тезисов и лозунгов. Так, в концепции закона о приватизации промышленных предприятий в

РСФСР (1991) главным препятствием было названо «мировоззрение поденщика и социального иждивенца у большинства наших соотечественников». Очевидна нелепость этого тезиса (трудящиеся, то есть производители общественного богатства,— иждивенцы государства!). Но важнее само признание того факта, что люди в массе своей считали государство обязанным обеспечить всем членам общества на уравнительной основе некоторый разумный минимум жизненных благ.

В октябре 1989 года социологи ВЦИОМ (директор Т.И. Заславская) изучали отношение к реформе. На вопрос «считаете ли вы справедливым нынешнее распределение доходов в нашем обществе?» 52,8% ответили «несправедливо», а 44,7% — «не совсем справедливо». Что же считали несправедливым 98% жителей СССР? Невыносимую уравниловку? Совсем наоборот — люди считали распределение доходов недостаточно уравнительным. Это видно из следующих ответов. На вопрос: «Как вы думаете, увеличился или уменьшился за последние 2—3 года разрыв между семьями с высокими и низкими доходами?» 63% ответили «увеличился» и 18,4% — «остался прежним».

Таким образом, уменьшение уравнительства представлялось несправедливым. 84,5% считали, что «государство должно предоставлять больше льгот людям с низкими доходами», и 84,2% считали, что «государство должно гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума». Опрос Госкомстата СССР в июне-июле 1990 г. показал, что за карточки на товары первой необходимости высказались 53% граждан. Но это и есть четкая уравнительная программа.

В 1991 г. был начат большой исследовательский проект международного коллектива ученых из 12 стран,

посвященный изучению представлений о социальной справедливости в разных культурах. Сравнительное исследование в России и Эстонии, двух частях СССР с весьма разными культурными установками, показало поразительную схожесть в отношении к уравнительному принципу. В этом смысле русские и эстонцы стали именно частями советского народа. Вот что пишут авторы исследования: «Известно, что характерной чертой социализма являлась патерналистская политика государства в обеспечении материальными благами, в сглаживании социальной дифференциации. Общественное мнение в обеих странах поддерживает государственный патернализм, но в России эта ориентация выражена несколько сильнее, чем в Эстонии: 93% опрошенных в России и 77% в Эстонии считают, что государство должно обеспечивать всех желающих работой, 91% — в России и 86% — в Эстонии — что оно должно гарантировать доход на уровне прожиточного минимума» (Л.А.Хахулина, А.Саар, С.А.Стивенсон. Представление о социальной справедливости в России и Эстонии: сравнительный анализ.— «Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1996, № 6).

Кстати, уравнительные представления как в России, так и в Эстонии весьма радикальны. 46% в России и 49% в Эстонии считают: «Все люди должны иметь то, в чем нуждаются, даже если для этого придется урезать доходы тех, кто зарабатывает больше необходимого». Иными словами, половина граждан принимают идею насильственного перераспределения доходов. Различия между Россией и Эстонией существенны лишь в отношении к крайнему, утопическому уравнительству. 29% в России и лишь 9% в Эстонии поддержали такое мнение: «Самый справедливый способ распределения

собственности и доходов — это дать каждому равную долю». 29% — огромная часть общества, если учесть радикализм этой формулы.

Это — архетип, подспудное мироощущение, как бы ни приветствовали рынок те же самые люди в момент голосования или в поверхностных слоях сознания, на уровне идеологии. Сдвиг к антиуравнительным ценностям не доходит до глубинных слоев сознания даже у энтузиастов «рынка». Помню, при Гайдаре Президиум РАН принял людоедское решение: ради перехода к рынку уволить в институтах половину сотрудников и удвоить зарплату оставшимся. Это решение надо было утвердить в Отделениях РАН. Случайно я попал на заседание бюро Отделения философии и права. Среди синклита — бывшие члены Политбюро ЦК КПСС, два бывших главных редактора «Правды», а уж бывших членов ЦК КПСС не счесть.

Смотрю, единогласно (!) утверждают постановление, которое шокировало бы ученых даже в период дикого капитализма. Что же это, думаю, творится, хороши же у нас были вожди-коммунисты. Удалось взять слово, говорю великим философам и правовикам: «Вы приняли историческое решение. За тысячу лет в России не позволялось спасаться, выкидывая из лодки половину товарищей, всегда искали способ пережить беду сообща». Председатель, академик Б.Н.Топорнин, и говорит: «Что же вы нам, Сергей Георгиевич, раньше не сказали — смотрите, какую мы гадость утвердили». И так расстроился, что, если бы не субординация, я бы его расцеловал — редко увидишь такую искренность. Он, на той волне неолиберализма, даже и не заглянул глубоко.

А как же реагировали сотрудники РАН — оплота антиуравниловки? Категорически отвергли этот проект, он

так и сгинул, как будто его и не было. Когда дело касается шкуры самих интеллигентов, сразу проявляется их истинная природа типичных «совков». Доходит до смешных сцен. Обычно в лаборатории хранители советских принципов (в том числе уравниловки) — старые ученые, они же и носители титулов, доктора да профессора. А м.н.с. — рыцари «рынка». Но вот старый завлаб добавляет толику добавочных денег, собирает сотрудников и спрашивает: как будем делить? В молодых тут же просыпаются русские архетипы, и они гордо кричат: всем поровну! Старики и не против, но трогательна эта непоследовательность.

* * *

Намечающийся отход большой части граждан от уравнительного идеала (и явный отказ от него молодежи) может стать трагической и непоправимой ошибкой русского народа. Исправить ее будет трудно — как склеить распавшуюся семью. Ощущение, что тебя не эксплуатируют и в тебе не видят эксплуататора, — огромная ценность. Мы в полной мере осознаем, как она важна для жизни, когда ее совсем лишимся.

Как тоскует по ней человек Запада — никакой комфорт ее не заменяет. Мы эту ценность имели и, сами того не понимая, наслаждались общением с людьми — на улице, в метро, в очереди. За социальным братством стояла глубинная идея религиозного братства — идея «коллективного спасения». От этой идеи отказался Запад во время Реформации, которая породила совершенно нового человека — индивидуалиста, одинокого и в глубине души тоскливого. Но Запад за эту тоску хотя бы получил компенсацию: новая этика позволила ему

выжать все соки из колоний и сегодня выжимать соки из «третьего мира». Ради чего отказываемся от братства людей мы? Ведь выжимать соки теперь будут из нас.

Отказ от уравнительного идеала и стоящей за ним идеи братства означает для России пресечение всякой надежды на развитие и сохранение себя как независимой страны. Самым прямым и очевидным следствием становится разрыв исторического союза народов и народностей — распад России. Эксплуатация «слабого» неизбежно и раньше всего облекается в этническую форму. Освоение идей социал-дарвинизма сразу дает оправдание угнетению «менее развитых» народов — и борьбе этих народов всеми доступными им способами. Тут никаких сомнений нет — все это прекрасно изучено и описано. Менее очевидно, что это гасит порыв к развитию и в отдельно взятом народе — прежде всего русском.

За последние четыреста лет сложилось два разных типа ускоренного развития. И оба они основаны на том, что люди работают в режиме трудового подвига, соглашаясь на отсрочку материального вознаграждения. Один пример такого порыва дал западный капитализм, основанный на индивидуализме. Там общество — и рабочие, и буржуи — было проникнуто пуританской этикой. Рабочие трудились не за страх, а за совесть при очень низкой зарплате. Хозяева же вкладывали прибыль в производство, ведя буквально аскетический образ жизни (оргии их сынков — это отклонение от «генеральной линии» и стало массовым уже после выхода на спокойный режим).

Второй проект — договор трудящихся и элиты на основе солидарности, ради «общего дела». Самые яркие примеры — индустриализация Японии и СССР. Оба

эти подходы были в большой мере уравнительными (в СССР — больше, чем в Японии), но главное, в обоих случаях все социальные партнеры были проникнуты державным мышлением.

Что же мы имеем сегодня в России? Отказ от уравнительного идеала (и значит, от идеи «общего дела») — и отсутствие всяких следов пуританской этики у предпринимателей. О капиталовложениях в производство и речи нет — украденное проматывается в угаре потребления, растрачивается на жратву и предметы роскоши, вывозится за рубеж. А значит, никакого негласного общественного договора нет. И лишения людей абсолютно ничем не оправданы — Россия в результате «реформ» лишь нищает и деградирует. Ведь при помощи искусственно организованного кризиса разрушаются в первую очередь самые передовые производства. Этот процесс начался моментально с ликвидацией советской системы хозяйства в 1992 г., продолжается он и сейчас.

Выводы о советской хозяйственной системе

Советское жизнеустройство сложилось под воздействием конкретных природных и исторических обстоятельств. Исходя из этих обстоятельств поколения, создавшие советский строй, определили главный критерий выбора — сокращение страданий. На этом пути советский строй добился признанных всем миром успехов, в СССР были устранены главные источники массовых страданий и страхов — бедность, безработица, бездомность, голод, преступное, политическое и межнациональное насилие, а также массовая гибель в войне с более сильным противником. Ради этого были понесены

большие жертвы, но уже с 60-х годов возникло стабильное и нарастающее благополучие.

Я думаю, что надо честно сказать людям: так зажиточно жить, как в послесталинское советское время, большинство наших граждан не будут очень долго, и возможно никогда. Советский строй в целом был уникальной, чудесным образом достигнутой точкой во всем пространстве социально-экономических вариантов жизнеустройства. Сейчас даже трудно объяснить, как нас занесло в эту точку,— настолько маловероятно в нее было пробиться.

Сегодня, видя, насколько слаб, податлив и греховен человек, как легко его соблазнить бусами и побрякушками, мы должны преклониться перед русским народом первой половины XX века. Он самоотверженно, на своих костях построил доброе, спокойное, экономное и щедрое общество. Хозяйство в нем было, в меру своего развития, необычайно, необъяснимо эффективным. Множество сил объединилось, чтобы нас с этой точки столкнуть, и это удалось. Сойдя, мы сразу оказались в глубокой трясине, и нас засасывает все глубже и глубже — по всем показателям, и материальным и духовным. И даже нет гарантии, что мы вообще выберемся на какую-либо твердую кочку. Ничего же иного, подобного по эффективности советскому укладу, нам не светит. Возможно, для нас другой такой точки и нет.

Сегодня с массы людей срывают цивилизационную надстройку, выросшую за советский период, — идет быстрая архаизация сознания и общественных укладов. Люди спиваются, эксплуатируют женщин и детей. Это признаки превращения России в большую трущобу, северную фавелу. У людей фавелы другой язык, другая мораль и другая рациональность. Вернуть их в общество —

особая большая проблема, которой мы не знаем. Конечно, не Чубайс этот процесс начал, но советская школа и советский завод держали его под контролем. Болезнь можно было лечить, а можно резко усилить и воспользоваться состоянием больного.

Сейчас, думаю, ясно, что даже при улучшении дел в «обществе» фавела в него автоматически не вернется. Будет нужна большая и творческая работа по реабилитации. И наверняка с элементами жестокости, в которой потом будущие горбачевы обвинят будущих сталиных.

Часть 2

О СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ, О РАЗРУШИТЕЛЯХ СССР И РОЛИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Присущ ли дефицит плановой экономике по природе?

Я давно хотел пересмотреть передачу Леонида Парфенова, «Намедни». И вот наконец приобрел нужный DVD и начал методичный просмотр. Каждая серия «Намедни» посвящена определенному году, начиная с 1961-го. Я смотрел все, по порядку. В передаче освещали наиболее важные события в политике, культуре, спорте и экономике.

Комментаторы программы критически относились к плановому характеру советской экономики. Особенно ругали пресловутый дефицит. Красочно описывались очереди за товарами, пустые полки магазинов, распределение некоторых продуктов по блату.

Но чем дальше я углублялся в просмотр передачи, чем больше фактов приводилось, тем яснее для меня проступала одна простая мысль. А ведь плановая система тут ни при чем! Дефицит, по природе, присущ пла-

новой системе не больше, чем рыночной. Причина дефицита совсем в другом! Все оказалось настолько просто, что даже удивительно, почему об этом не говорят защитники плановой экономики. Причина дефицитов не в характере экономики, а в системе межчеловеческих отношений, сложившихся в нашей стране, в традиционной патриархальности этой системы.

Вот простой пример — в 1970-е с прилавков начали исчезать дорогие конфеты. Авторы программы «Намедни» сообщали, что советская промышленность не только не снизила, но даже увеличила производство конфет. А дефицит наступил потому, что жить люди стали лучше, денег на руках у них стало больше и, соответственно, возросло потребление. Знали ли об этом плановики? Да — знали. Какой путь для решения этой проблемы нашли бы представители западной цивилизации будь у них плановая система? Они просто, тем же плановым путем подняли цены. Подняли соответственно увеличению доходов населения, ровно к тому уровню, чтобы дефицит исчез и полки магазинов ломились бы от дорогих товаров. Такой уровень повышения цен совершенно несложно просчитать исходя из объемов денежной массы на руках у людей. А объем денежной массы регулируется государством, как в плановой, так и в рыночной системе. На этом, кстати, базируются идеи монетаризма.

То есть дефицит без труда ликвидируется в рамках той же плановой экономики. И причины его в СССР не имеют никакого отношения к планированию. Причины носят вообще внеэкономический характер. Дело в том, что руководство СССР знало, как устранить дефицит через повышение цен, но *сознательно не шло этим путем*, допуская его лишь как крайнюю меру. Такой путь считался негуманным. Цены повышали только на пред-

меты роскоши, одновременно понижая их на предметы первой необходимости. Потому что Советское государство было обращено к простым, трудовым людям, которые составляют абсолютное большинство населения. Советское государство возникло как реакция трудового народа на то, что за его счет, на его бедах жиреет кучка богачей. И нам сейчас, когда мы видим такую же картину, нетрудно понять причины, побудившие людей выгнать своих эксплуататоров.

А при Сталине правительство вообще *ежегодно снижало цены*, то есть *отдавало* населению часть государственных денег. И делалось это не под угрозой народного недовольства — популярность Сталина была все рекорды. Это делалось исключительно для того, чтобы улучшить жизнь трудового человека.

Производство продуктов питания в СССР

Теперь рассмотрим, как Советское государство боролось с дефицитом.

Главное — *наращивание производства*. Руководство страны знало, что завалить полки продуктами можно, повысив цены. Но за редкими исключениями (типа хрущевского повышения) на это не шли. Дефицит ликвидировали, наращивая производство. И на основные продукты питания он, в конце концов, исчез. Самый красноречивый пример — хлеб. Цены — 14 копеек за буханку черного, 16 — за серый, 24 — за белый — держались десятилетиями. Дошло до того, что даже птицу, а иногда и скот крестьяне подкармливали хлебом. Может, это неправильно, но когда я приезжал в село к бабушке, то ходил по ее поручению в магазин за хлебом с меш-

ком. Хотя моя бабушка относилась к хлебу как к святыне и никогда не выбрасывала даже зачерствевшую корочку, но иногда, подкармливала хлебом молодняк телят и поросят. И так делали многие крестьяне. Правительство об этом знало. Знало, что хлеб не всегда используют по назначению. И будь такое на Западе — их правительства просто повысило бы цены на внутреннем рынке, а излишек зерна продало бы за границу. А наше вело с населением разъяснительную работу. Помните лозунги — «Хлеба к обеду в меру бери, хлеб — драгоценность — им не сори!»

С другой стороны, было понятно, что государство таким образом дает дотации колхозникам. Дотации эти носили не рыночный, а патриархальный характер. Ведь горожанин не станет покупать хлеб мешками — ему просто не нужно такое количество. А колхозники, имея меньшие, чем горожане, зарплаты и пенсии, получали вне-рыночные дотации в свое подворье. Государство таким образом как бы расплачивалось за коллективизацию. За то, что крестьянскую землю передали из частной в коллективную собственность. Но со временем коллективная земля начала подпитывать личные подворья.

Во время перестройки ее идеологи заметили, что эффективность личных хозяйств выше, чем колхозов и совхозов. Перестройщики решили, что здесь имеет место демонстрация преимуществ частнособственнического характера труда перед коллективным. А на деле — личные подворья были лишь верхушками айсберга колхозно-совхозной собственности. Из колхозов и совхозов люди получали навоз для удобрений, зерно для корма птицы, солому для скота, иногда молодняк. Это прямые дотации. Печеный хлеб по невысоким ценам — косвенные дотации, хлеб, сданный государст-

ву колхозниками, потом возвращался на их подворья в виде того холщового мешка, с которым посылала меня бабушка в магазин.

А когда исчезли эти скрытые дотации, стало понятно, что нельзя структуру сельского хозяйства СССР рассматривать раздельно, отделяя колхозы и совхозы от личных подворий. Это был *единый хозяйственный комплекс*. И чтобы понять реальную эффективность колхоза, надо рассматривать его экономику путем сложения прибыли колхоза и личных подворий. Поэтому сельское хозяйство после ликвидации колхозов и совхозов много утратило. Ликвидировано подножье, на котором базировались и личные хозяйства. Беру первый попавшийся пример — бывший руководитель колхоза имени XXI съезда КПСС в селе Виноградово, Херсонской области, А.Т.Малевский рассказывает, что в его колхозе было 25 тысяч голов овец, а у населения — 4,5 тысячи. Вместе сдавали государству — 92 тонны шерсти. После ликвидации колхоза у населения осталось не более 100 голов овец. В 45 раз меньше, чем при Союзе! И таких примеров — масса!

Нельзя забывать, что территория СССР, исходя из климатических условий, гораздо менее благоприятна для сельского хозяйства, чем территория США и Западной Европы. А значит, структура сельского хозяйства нашей страны не могла, без ущерба для себя, копировать структуру аграрного комплекса западных стран. Кстати, структура сельского хозяйства дореволюционной России тоже сильно отличалась от таковой на Западе. И еще экономисты XIX века, например А.Н. Энгельгардт, доказали абсурдность использования в России принципов фермерского землепользования.

Кроме того, экономика западных стран датировалась путем ограбления колониальных окраин. СССР, наоборот, дотировал свои окраины. Огромные деньги шли на создание инфраструктуры Прибалтики, Кавказа, Казахстана и Средней Азии — в основном за счет славянских республик. Самый красноречивый пример — Байконур, лучший космодром мира, который сейчас принадлежит Казахстану.

Но и не это главное. Для того чтобы непредвзято оценить экономику СССР, надо сравнить стартовые позиции. Так вот — царская Россия, отставала от развитых западных стран гораздо больше, чем СССР, отставала как по производству валового продукта, так и по уровню жизни людей. И Советский Союз с каждым годом сокращал этот разрыв.

И еще один момент. Маленькие страны, типа Исландии или Бельгии, могут себе позволить чисто символическую армию. И это понятно, сколько бы ни тратила Исландия с населением 300 тысяч человек на оборону — ее территория все равно будет беззащитной перед любым мало-мальски серьезным вторжением. Вопросы безопасности такие страны могут решать лишь посредством внешней политики, поручив обеспечение своей обороны какой-то из великих держав. А вот великие державы (как и страны, находящиеся в зоне локальных конфликтов) вынуждены тратиться на оборону, иначе вместо своей им придется кормить чужую армию.

И если мы рассмотрим структуру Варшавского блока в сравнении с НАТО, то увидим, что в Варшавском блоке из великих держав был только СССР, остальные страны мало что добавляли к его мощи. А вот в НАТО принимали участие не только США, но и такие гиганты, как ФРГ с Великобританией, плюс много других экономиче-

ски сильных государств. То есть те страны, которые почти на равных могли состязаться с царской Россией. И то, что СССР, по сути, в одиночку противостоял объединенной мощи ведущих держав мира и постоянно сокращал экономическое отставание, доставшееся в наследство от царской России, — показывает эффективность советской экономики.

Этот важный внешнеполитический момент надо обязательно учитывать, анализируя экономику Советского Союза, в том числе такой ее феномен, как пресловутый дефицит на некоторые товары.

И, как показали события последних лет, у Советского государства не было возможности выйти из противостояния с Западом при помощи дипломатии. Антисоветизм оказался лишь прикрытием, под которым западный мир вел вековую борьбу со славянством и православием. То есть лозунгом борьбы с социализмом прикрывали борьбу со славянскими и другими народами традиционной, не либеральной культуры. И когда республики разрушенного СССР отказались от социализма, ничего не изменилось. Теперь пытаются уничтожить Россию...

Итак, мы видим, что:

а) внешнеполитическое противостояние было существенным фактором, мешающим правительству направлять больше ресурсов на повышение благосостояния населения;

б) руководство СССР не могло выйти из этого противостояния, ибо Запад боролся не со строем, а с народом нашей страны.

Нельзя забывать и последствия разрухи в результате двух мировых войн, гражданской войны, а по сути интервенции Запада. Справляться с такой разрухой нам

приходилось самим. Никакой план Маршалла нам не помогал.

И еще, нельзя забывать, что наш уровень жизни мы всегда сравнивали с десятком самых богатых стран, но не с полутора сотнями остальных. Мы сравнивали себя с так называемым «золотым миллиардом», разбогатевшим на грабеже всего мира. Этим странам мы кое в чем уступали. Но относительно большинства населения планеты уровень жизни в СССР был очень высок. Мы, по сути, сравнивались с Испанией, Португалией, Грецией. То есть уже успешно соревновались с благополучными европейскими странами.

* * *

Теперь с учетом объективных трудностей, которые сказывались на благосостоянии советских людей, вернемся к собственно экономическим вопросам.

Вот небольшая зарисовка из моего советского детства — 1970-е годы.

Внезапно приезжают гости, надо срочно купить продукты, мама дает мне сумку, деньги и говорит примерно следующее:

— Сынок, надо срочно приготовить обед. Купи говядины, свинины, сала, курицу и сметану. Но не ходи в магазин, нет времени, там может быть очередь. Купи все на рынке.

— А почему мы постоянно на рынке не покупаем, раз там без очереди? — спрашиваю я.

— Там цены выше, — отвечает мама.

Надо добавить, что жили мы в небольшом городке, на Луганщине (тогда Ворошиловградская область), —

Петровское называется, тысяч двадцать населения, и даже не райцентр.

В этой непритязательной сценке отражен один очень важный момент советской экономики, наглядно показывающий то, что государство, удерживая низкие цены, заботилось не о наполнении казны, а о благосостоянии народа.

Ведь в том, что касалось базовых продуктов, у советского человека, как правило, *был выбор*: либо потратить время, но сэкономить деньги, либо сэкономить время, но потратить деньги. Подобный феномен изредка можно наблюдать и на современных базарах. Когда тем или иным торговцам надо быстро продать товар, они немного сбрасывают цены и тут же появляется очередь. Обычно такое скопление можно наблюдать возле машины из какого-нибудь бывшего колхоза. С машины продают на 10 процентов дешевле — возле нее толпа. Не хочешь стоять — можешь в соседней торговой точке купить такой же товар — без очереди, но дороже. И само наличие очереди показывает, что немало людей готовы пожертвовать временем, для того чтобы сэкономить деньги. Но сейчас такие сценки не часто встречаются. Обычно у тех, кто хочет продать товар и «отбить» деньги побыстрее, покупают перекупщики. И продают населению по более высокой цене. А вот советские люди выбор имели — не хочешь, не стой в очереди, но плати больше.

Вот пример человека, который сам выращивал телят, — Е.И.Анненкова, впоследствии ставшего моим коллегой по украинскому парламенту. Магазиновая говядина стоила 1,90 рубля за кило, а мясо теленка, откормленного на личном подворье, на молоке и яйцах, стоило 2,50 рубля за кило. Кто хотел сэкономить 60 копеек —

стоял в очереди. Добавлю, что на большинство продуктов — на хлеб, крупы, картошку, морковку, капусту, маргарин, растительное масло — очередей не было и в государственной торговле.

А теперь давайте вспомним, что говорилось о единой экономической системе, состоящей из базовых колхозно-совхозных хозяйств и личных подворий. На том городском рынке, куда послала меня мама, торговали именно те люди, которые вели хозяйство на своих подворьях. Связь этих подворий с колхозами и совхозами мы рассмотрели выше. Значит именно комплексное хозяйство — на базе коллективно-государственной и личной собственности — позволяло людям в СССР не только качественно питаться, но и выбирать между продукцией личных хозяйств и государственной торговлей. Нелишним будет напомнить и о шести сотках земли предоставляемых горожанам, о подсобных сельхозпредприятиях при заводах, воинских частях и учреждениях. Все это говорит о том, что Советский Союз, в конце концов, создал единую систему продовольственного снабжения, объединявшую преимущества личной инициативы и планового коллективного хозяйства.

Причем та продукция, при производстве которой требовалось применение тяжелой техники, — зерно, комбикорма — выращивалась исключительно коллективными и государственными предприятиями, то есть колхозами и совхозами. А ту продукцию, которую лучше собирать руками, — овощи, фрукты — выращивали и на личных подворьях.

Даже неоднократно осмеянное привлечение горожан к уборке урожая было логичным и грамотным. Дело в том, что трудовые нагрузки в сельском хозяйстве в условиях климата СССР нельзя распределить равномерно.

Сама природа ввела неравномерное распределение. Есть страда — период сбора урожая, есть посевная — в такие дни крестьяне должны трудиться с утра до ночи. Остальное время поспокойнее. В дореволюционной России крестьяне, закончив сбор урожая, готовили инвентарь, занимались домашним хозяйством, в том числе пошивом одежды и обуви. Уходили на отхожий промысел, то есть подрабатывали. Кстати, в других странах сезонных рабочих нанимают только для того, чтобы собрать урожай.

Научно-технический прогресс изменил соотношение между сельским и городским населением в пользу второго. Поэтому во время страды стало логичным перебросить часть рабочей силы из городов в деревню. С точки зрения использования трудовых ресурсов это тот же отхожий промысел, только наоборот. Страда длится недолго, и горожанам кратковременная смена деятельности была только на пользу. Мне лично такая работа запомнилась тем, что трудиться было весело. Смена впечатлений, свежий воздух, здоровый коллектив. А помогать селу мне приходилось будучи и школьником, и студентом вуза, и солдатом Советской армии. Замечу также, что горожане привозили домой сельхозпродукцию, и за ними сохраняли зарплату по основному месту работы.

Конечно, не все решалось сразу, на повестке дня стоял вопрос обеспечения более надежной сохранности урожая, ведь немалая часть собранного, порой до 40 процентов, пропадала. Эту задачу мы бы выполнили, как и предыдущие. Не успели. А резерв был огромен — смогли бы устранить потери при сборе урожая, можно было бы говорить об изобилии основных продуктов питания.

Таким образом в системе снабжения продуктами питания СССР выходил на самую эффективную, с учетом его природных условий, модель. И только разрушение страны помешало тому, чтобы эта система заработала в полную силу.

Непродовольственные товары

Теперь о других товарах. Здесь ситуация была не такой, как с продуктами питания. Хотя кое-что из непродовольственных товаров тоже можно было приобрести на рынке — вязанные свитера, береты и шарфы; шапки, шубы из меха нутрий и кроликов; простейшую мебель и посуду. Но в основном вещи приобретались через государственную торговлю. На некоторые товары, действительно, был дефицит. Государство могло ликвидировать и этот дефицит путем повышения цен, подняв их к тому уровню, который установился на «черном рынке». *Такое вполне посильно для плановой экономики.* Но Советское государство шло другим путем. Опять-таки наращивали производство. Вначале наладили обеспечение населения предметами первой необходимости. А вот на качественные товары, особенно на хорошую обувь, дефицит ликвидировать не успели. Хотя плановая экономика здесь ни при чем, например, советские люди ценили импортную, итальянскую и чешскую, обувь. То есть продукцию стран как с рыночной, так и с плановой системой.

Справляться с дефицитом «помогали» частные лица — они покупали у государства товары по низким, а продавали по более высоким ценам. Они ничего не производили, в отличие от людей, торговавших собственной сельхозпродукцией. Дефицитные вещи перераспреде-

лялись теми, кто имел к ним доступ. В основном работниками торговли. По-простому — спекулянтами. Перестройщики называли спекулянтов бизнесменами, возводили их на пьедестал, а на самом деле эти люди были, на мой взгляд, обыкновенными паразитами. Свою антинародную сущность они показали во время перестройки, когда скупили у государства весь мало-мальски ценный товар и начали продавать его по бешеным ценам в кооперативах.

Со спекуляцией советская власть боролась путем наказаний. Рыночный механизм не задействовали. Но когда нравы в обществе смягчились, наказания не всегда помогали. Поэтому власти начали искать другие пути борьбы со спекуляцией. Один из таких ходов предпринял Юрий Владимирович Андропов. Метод не успели внедрить в жизнь, так как к власти пришел разрушитель Горбачев и нормальное развитие советской экономики прервалось. Я бы даже забыл об этом — так недолго продержалось андроповское начинание. Спасибо передаче «Намедни». Благодаря ей я вспомнил один очень интересный момент. Часть самых дефицитных товаров власти стали продавать *непосредственно населению*, минуя магазины. Андропов начал внедрять такую торговлю на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, в воинских частях, в государственных учреждениях, в вузах, школах, я думаю: еще чуть-чуть — и это дошло бы и до пенсионеров через систему заказов необходимых им вещей.

Я не говорю, что продажа дефицитных товаров без участия торговцев панацея от всех бед. Но этот метод мог бы стать действенным в ряду других. Нельзя забывать, что Советское государство постоянно развива-

лось. В первый период советской власти большинство народа ходило в заплатках. Потом у каждого появились два-три костюма, и вопрос с простой одеждой решили, она стала доступной всем. Дефицит был лишь на модную одежду.

И если бы не гибель страны, этот дефицит также был бы ликвидирован в рамках самой советской модели.

Об анахронизмах современного мышления

Еще один важный момент — критики советской системы нередко грешат нарушением целостной картины того или иного времени. Говорят, мол, не было у граждан СССР компьютеров или мобильных телефонов. Но ведь во времена существования СССР их не было и у жителей всех других стран. Если говорить о дефиците в СССР, без учета научно-технического прогресса, мы получим искаженную картину. Когда в СССР были труднодоступны радиоприемники, на Западе это также был довольно дорогой товар, радио было не у каждого. То же с телевизорами, автомобилями, холодильниками, магнитофонами. Нельзя забывать, что Советский Союз разрушили еще до массового удешевления многих бытовых приборов и автомобилей, до глобальной компьютеризации населения.

А ведь в самолетостроении, освоении космоса, во многих отраслях приборостроения, в военной промышленности СССР вышел на ведущие позиции. И по прошествии 20 лет многое, что произведено в этих отраслях, остается лучшим в мире. Поэтому просуществой СССР дольше — компьютеры и «мобильники» были бы у каждого.

Необходимо указать на еще одну особенность советской модели. Товар делался не столько для того, чтобы его продать любой ценой, сколько для того, чтобы максимально удовлетворить потребности людей. Иногда такой подход приводил к отрицательным последствиям, скажем, упаковки на советских продуктах не были столь завлекательными, как на Западе. Но чаще это давало позитивные результаты. Например, советская докторская колбаса изготавливалась исходя из максимально полезного для людей рецепта. Его специально разработали врачи на серьезной научной основе, оттого и название — «докторская». А власти сделали эту колбасу доступной для народа и продавали с огромным убытками. А что на Западе? Нашли химию, которая привлекательно пахнет, скажем глютомат натрия, и продают эту гадость под видом бульона. Или мясо повсеместно соей заменяют. Или овощи с нитратами выращивают, а цыплят накачивают химикатами. Сейчас эти проблемы стоят очень остро. Западные потребители уже начали понимать что к чему и ведут борьбу за то, чтобы выйти на то качество продуктов питания, которое *уже имели советские люди.*

Теперь и у нас рыночная экономика. И та же докторская колбаса иллюстрирует преимущества советского строя. Сейчас под видом этой колбасы, эксплуатируя ее заработанное при Союзе доброе имя (по-рыночному бренд), продают мерзкие химикалии. Потому что для нынешней системы важен не человек, а прибыль. И сделать хоть шаг в направлении потребителя, например писать на упаковке содержание химикатов, рыночник может лишь под угрозой репрессий или потери этой самой прибыли, а не добровольно.

Работать, чтобы жить, или жить, чтобы работать?

В свое время перестроечные СМИ нам все уши прожужжали о неэффективности труда в СССР и об эффективности западной системы. Западная система труда и вправду кажется очень эффективной. Основные ее принципы можно свести к следующим положениям.

Первое — ни одного лишнего рабочего. Там, где в СССР работали 100 человек, в Америке могли работать 50.

Далее — полная отдача от каждого работника — так называемая потогонная система. Скажем, в СССР люди могли поработать, пообщаться, сыграть в домино, выпить, отметить праздники, снова поработать. Иное дело на Западе — там работают «на полную катушку».

Далее — оплата за работу зависит не от того, сколько тот или иной человек вложил труда, а от прибыли. Если в СССР рабочие даже нерентабельного завода, шахты, совхоза получали деньги только за то, что они работали, то в западной системе как бы люди ни работали, без принесения прибыли они денег не получают и будут уволены, уволены, несмотря на добросовестный труд и желание работать.

Но западная модель труда кажется эффективной только на первый взгляд. Во-первых, эффективна она лишь для конкретного предприятия, но не для общества, а тем более — не для конкретного человека (естественно, не имеются в виду сами владельцы предприятий).

Во-вторых, кроме материальных у человека есть иные потребности: потребности нормальной (не потогонной) жизни со всеми ее естественными благами — радостью общения, дружбой и весельем. Советская сис-

тема труда всегда учитывала эти потребности, западная же у большинства людей вычеркивает из жизни огромную часть.

В-третьих, с развитием средств производства (появлением нового оборудования) труд некоторой части членов общества делается объективно ненужным. Но эта «освободившаяся» часть вполне может существовать за счет того, что сделали другие.

Проведем мысленный эксперимент. Рассмотрим, как одинаковый (по количеству, качеству и произведенному продукту) труд будет распределен в разных системах. В какой-нибудь рабовладельческой системе «лишних» бы уничтожили, на долю остальных досталась бы изнуряющая работа. В западной же — «лишним» позволяют не работать, жить на пособие, остальные же обеспечивают им этот «минимум», работая, как правило, в потогонном режиме. В советской — нужный для общества труд распределяют на всех. То есть для общества в целом все системы функциональны в плане производства материальных благ, но не одинаковы в плане отношения к конкретному человеку.

А теперь давайте взглянем на эти системы не с точки зрения материальной выгоды общества, а с точки зрения человека — члена этого общества. Рабовладельческую систему отмечаем как бесчеловечную. В западной системе один человек работает в изнурительном ритме, а во время непродолжительного досуга может вкушать какие-то материальные блага, второй — получает безделье и какой-то материальный минимум. Однако не стоит думать, что безделье — большое удовольствие (оно приятно в основном людям во время отдыха от работы). Безработица развивает у человека комплекс ненужности, нереализованности, он ощущает себя невос-

требуемым обществом — и это пагубно влияет на его психику, даже если у него есть деньги на еду и одежду.

Советская же система давала гарантированную (и обязательную) работу, и возможность досуга (даже — на работе) всем. Досуг на работе — не недостаток советской системы, а адекватный ответ на «вызов» времени. Просто, когда средства производства сделали некоторых людей лишними, советская система, действуя для людей, не сделала ненужных в производстве изгоями общества и моральными калеками, а распределила труд на всех, с тем чтобы каждый человек чувствовал себя полноценным членом общества. И когда наши отечественные адепты западной модели труда пишут о том, что там, где в нашем колхозе работали 100 человек, а в Америке (при той же производительности) — фермер и 10 подручных, они почему-то часто забывают рассказать о судьбе остальных 90 человек. Ведь в нынешних условиях им просто некуда деваться, кроме как отправиться на погост.

И неудачи либеральных реформ во многих республиках бывшего СССР наглядно демонстрируют, что славяне не приемлют бездушной западной модели, а тянутся к более доброй и человеческой. И это не «рецидив социалистического прошлого». Славяне привыкли помогать соседу в труде, зная, что и сосед тебе поможет, когда это понадобится, ведь распределение тяжелого труда на всех заложено в традициях нашего народа.

Таким образом, советская система труда ставит развитие средств производства (худо-бедно) на службу всему обществу, а западная — на службу производству, а не людям.

Еще одно отличие советской системы от западной проиллюстрировал в своих книгах известный предпри-

ниматель Владимир Довгань — создатель одноименной торговой марки. В них он рассказывает о том, что работал ради «общего дела», с энтузиазмом и с раннего утра до поздней ночи. Говорит, что и сотрудников своих «приучал» к такой работе: к «мозговым штурмам», полной самоотдаче на «благо родной корпорации».

При этом он удивляется, что сотрудники зачастую не разделяли его энтузиазма: стараются уйти пораньше домой, увильнуть от работы, а то и «утащить» что-нибудь из материальных ценностей «родной корпорации».

Несмотря на то, что Довгань — предприниматель в западном стиле и во многом адепт западной системы труда, как человек он — производное именно советской системы, ведь начинал-то на советских предприятиях. И он не может понять, что энтузиазм, самопожертвование во имя общего дела возможны только тогда, когда это именно общее дело, когда человек работает на благо всех, всего общества, в том числе на себя, на своих детей и родителей. Поэтому советской системе, в отличие от западной, присуще самопожертвование работников (вспомните Турксиб и Днепрогэс). А какое самопожертвование может быть в работе на «дядю»-предпринимателя? Вряд ли найдется такой «энтузиаст» (если он, конечно, не претендует на кресло «дяди»), который скажет: «Буду работать с утра до ночи, чтобы Абрамович кушал красную икру и ездил на «мерседесе». Да, западный работник может работать с утра до ночи, но не в рамках самопожертвования, а желая больше заработать. Однако это, увы, две разные вещи. И если японцы демонстрируют порой обратное (преданность корпорации), то только потому, что не во всем перешли на западный стиль работы, оставили много от традиционного стиля

(корпорация тоже будет заботиться о своем работнике, даже когда он не сможет трудиться на нее).

Кстати, во время войны (катастрофы, всеобщего бедствия) страны Запада переходят на традиционную (мы ее называем «советской») систему труда.

* * *

Теперь о пресловутых «несунах». Во время перестройки говорили, что, когда у предприятия (завода, фабрики, совхоза, колхоза) будет конкретный хозяин, воровство на предприятиях тут же прекратится. Мол, пока предприятие общенародное, оно «ничье» и нет стимула заботиться о нем. На практике оказалось, что воровство не только не прекратилось, но и возросло. Потому что если даже предприятие стало акционерным (как бы общим для всех работников, хотя таких на практике почти нет), то действует тот же принцип, что и раньше: общее — значит ничье. А если первичные акционеры уволились и пришли новые работники, то предприятие не просто «ничье», оно — чужое.

Еще хуже в плане воровства ситуация стала с приходом на предприятие конкретного хозяина. Дело в том, что хозяин в состоянии проконтролировать только небольшое предприятие (отдельную торговую точку, мастерскую, ферму, парикмахерскую). А если у него десятки заводов и тысячи работающих? Контроль в такой ситуации будет еще менее эффективным, чем за предприятиями общенародной собственности. Могут возразить: хозяин в случае чего строго взыщет с нерадивого директора. Но не строже, чем государство в советской системе. Оно обладало, в отличие от хозяина, и внеэкономическими методами взыскания.

И, наконец, советская система труда роскошнее(!). Представьте себе, что вы руководитель небольшой структуры, вам нужны девять работников (по западному стандарту), а у вас их пятнадцать. Однако в любой работе есть авралы и прочие напряженные ситуации. Вместо того чтобы срочно искать необходимое пополнение (нанимать, например, временных рабочих), вы довольствуетесь своим «резервом» — избыточным (по западным меркам) числом рабочих. Авралы вам в таком случае не страшны, несмотря даже на то, что работники могут жениться, уйти во внеплановые отпуска, заболеть и т.д. Вы всегда можете своих сотрудников подстраховать, прислушаться к их просьбам, устраивать им праздники, перерывы (пускай даже для лузганья семечек), давать жить им полноценной жизнью и вместе с тем трудиться на благо общества.

Западная система, конечно, эффективна как спринтер. Превращая рабочих в раскаленные винтики механизмов, она способна вырваться вперед, но лишь на определенном участке и ненадолго, ибо она — вне людей, и последствия этой безжалостной системы та же Америка до сих пор не может расхлебать.

Антиалкогольная кампания и прочность советской экономики

Эффективность советской системы доказывает и то, что она обладала громадным запасом прочности. Это было прекрасно продемонстрировано во время войны, когда даже на оккупированных территориях использовалась советская валюта. Это мы наблюдаем и сейчас, когда вся экономика держится на инфраструктуре, соз-

данной еще в советское время, а большинство людей обитает в тех квартирах, которые им бесплатно предоставила советская власть.

Прочность советской экономики продемонстрировали и горбачевские эксперименты. Немного найдется в мировой истории примеров, когда руководство страны добровольно отказывалось от громадных бюджетных поступлений. Я имею в виду антиалкогольную кампанию Горбачева, из-за которой бюджет в первые годы потерял около 12 процентов. Сухой закон иногда вводили и в других странах, но обычно в тех, где государство не обладало монополией на винную торговлю и, соответственно, не несло существенных финансовых потерь. В тех странах, где государство не имело таких обязательств перед населением, которые взяла на себя Советская держава. Ведь оплата жилья и коммунальных услуг, транспорта, высококачественной медицины и образования осуществлялись государством. Часть денег просто не выдавалась на руки населению, а сразу шла на оплату вышеперечисленных услуг. И то, что Горбачев сознательно лишил бюджет громадных поступлений, а после фактически ликвидировал государственную монополию на торговлю спиртным, и система при этом не рухнула, демонстрирует колоссальный запас прочности советской экономической модели.

Шесть лет руководство фактически уничтожало экономику своего государства, но не смогло ее уничтожить. Для того чтобы уничтожить державу, уже преданную ее властями, пришлось спровоцировать межнациональные конфликты, раздачу ресурсов, усилить внешнеполитическое давление, путем надругательства над историей и культурой морально дезориентировать населе-

ние, превратить государственные СМИ в антинародные, создать искусственный путч... Продолжать не буду, чтобы не выходить за рамки собственно экономических вопросов, — вернемся к дефициту.

Благодаря подрывной работе СМИ многие люди, особенно те, кто не застал нормальный советский строй, ассоциируют СССР с пустыми прилавками. Картинки пустых полок советских магазинов постоянно вертятся в информационном пространстве. На самом деле, *тотальный дефицит* появился лишь в результате горбачевской перестройки. А до того дела обстояли гораздо лучше. Буквально перед перестройкой, при Андропове, в СССР произошло очередное понижение цен. Это отражено в той же программе «Намедни». Почти в два раза снизили цены на ряд рыбных продуктов, появилась более дешевая водка, примерно в это же время понизили цены на часы, велосипеды и многие другие товары. Я сам, кстати, велосипед тогда купил.

Да и про очереди в советских магазинах сейчас много обманывают — были, конечно, и очереди, но и сейчас они бывают. Вообще про очереди в СССР современные СМИ рассказывают с большими преувеличениями. До горбачевских «реформ» не были очереди в магазинах Советского Союза таким уж масштабным явлением.

Но нынешние историки не любят вспоминать такие факты. И результаты разрушительной перестройки они выдают за социализм.

Конечно, советская система не успела раскрыть свой потенциал, она нуждалась в постоянном усовершенствовании. И задачи, поставленные перед ней, поэтапно решались. Смогли накормить, обуть и одеть население, создать тяжелую индустрию, лучшую в мире оборонную промышленность, успешно решали вопросы с жильем,

лечением, образованием. Рассматривая динамику развития экономики СССР, надо сказать, что лозунг «догнать и перегнать Америку» не выглядит каким-то фантастичным. Нам просто не хватило времени. Систему надо было не разваливать, а модернизировать...

И еще хочу подчеркнуть, что идеи плановой экономики не чужды и западному миру. Их сейчас повсеместно внедряют в той или иной степени. А в чрезвычайных ситуациях такая модель — единственно возможная. Природа плановой системы позволяет справиться с дефицитом не хуже рыночной. Какая разница, кто примет решение о повышении цен на продукцию, которая стала дефицитной, — руководитель Госплана или менеджер корпорации? Но советское общество имело традиционную патриархальную ментальность, поэтому советское руководство искало иные, не связанные с повышением цен, пути ликвидации дефицита. По многим позициям это удалось, по некоторым просто не успели.

Интеллигенция как разрушительный фактор

Большую роль в разрушении советской системы сыграла интеллигенция. Сначала необходимо разобраться в самом термине, чтобы сразу стало понятно о какой именно «интеллигенции» (от *лат.* *intelligens* — мыслящий, разумный) мы будем говорить. Слово это можно понимать как минимум в трех значениях. В бытовом употреблении выражение «интеллигентный человек» обычно подразумевает того, кто не бросает окурки мимо урны, не плюет на улице, не хамит окружающим. То есть в данном случае слово «интеллигенция» неразрывно связывается со словом «человек, люди» и означа-

ет культурное, порядочное поведение человека в обществе. Ничего плохого в таком поведении нет, в общем-то, именно так нас и учили в школе: интеллигентным/культурным быть хорошо, некультурным — плохо. Такое определение слова «интеллигенция» можно считать общенародным, потому что в советское время в школах учились все.

Второе определение этого слова тоже можно считать общенародным, его также распространяли через советские школы на уроках общественных наук. Советская власть приняла на вооружение определение, что советская интеллигенция (в отличие от буржуазной) — это социальная трудовая прослойка, существующая наряду с классами рабочих и крестьян. То есть статуса класса ее не удостоили, но к трудящимся причислили. В этом понимании интеллигенция — чисто профессиональный слой, и если убрать привязки к идеологии, она во многом сродни западному понятию «интеллектуал», подразумевающему прежде всего лиц, получивших высшее образование и работающих в сферах, где данное образование необходимо. Другими словами, это люди преимущественно умственного труда: врачи, учителя, инженеры, писатели и т. п. Естественно, интеллигенция в таком понимании — это тоже хорошо.

Нас интересует третье значение слова «интеллигенция», то значение, которое и является на самом деле изначальным, мало того — сформировавшимся именно в российской культуре.

До недавних пор оно приписывалось второразрядному, но весьма плодовитому писателю П.Д. Боборыкину (1836—1921). Авторство Боборыкина зафиксировано во многих солидных справочниках. Однако на самом деле все оказалось сложнее. Сначала термин появился

в повседневной речи, а в литературу его (независимо друг от друга) ввели в 1868 г. Н.В.Шелгунов, П.Н.Ткачев. Н.К.Михайловский. А Боборыкин в 90-х годах XIX в. этот термин популяризировал и ввел в широкое обращение.

В этом третьем значении интеллигенция определяется не по социально-профессиональным, а по нравственно-этическим критериям. То есть к интеллигенции принадлежат лица высокой умственной и этической культуры, и не обязательно все они работники умственного труда. Интеллигенция претендует на то, что она выражает высшие нравственные идеалы, стоит в духовном плане над толпой, несет в общество либеральные ценности, обладает внутренней свободой, а сами интеллигенты — образованные люди с мессианскими чертами (сеющие «разумное, доброе, вечное»), способные нравственно сопереживать униженным и оскорбленным, носители общественной совести. И самое главное — они должны быть оппозиционны к доминирующим в обществе институтам.

* * *

Я извиняюсь за «навороченную» терминологию — определения брал у самих интеллигентов, из разных источников. Добавлю к этому два самоопределения интеллигенции из первоисточников. Первое — из Н.Бердяева (1874—1948). Дал он это определение, когда сам перестал позиционировать себя интеллигентом, поэтому в нем заметны критические нотки. Бердяев в «Истоках и смысле русского коммунизма» пишет, что к интеллигенции «...могли принадлежать люди, не занимающиеся интеллектуальным трудом и вообще особенно не интеллектуальные. И многие русские ученые и писате-

ли совсем не могли быть причислены к интеллигенции в точном смысле слова. Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями и даже со своеобразным физическим обликом, по которому всегда можно было узнать интеллигента и отличить его от других социальных групп. Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группой...».

И действительно в русской традиции священники к интеллигенции не относились, поскольку их образование имело византийские корни. Победоносцев не только не считал себя интеллигентом, но само слово «интеллигенция» считал манерным и ненужным неологизмом, он упрекал министра внутренних дел Плеве, что тот пользовался этим словом. Плеве отвечал, что оно практически необходимо, ибо, я цитирую по воспоминаниям сына Суворина со слов отца, «интеллигенция — тот слой нашего образованного общества, которое с восхищением подхватывает всякую новость или слух, склоняющиеся к умалению правительственной или духовно православной власти». Цитата взята из статьи Г. Померанца «Интеллигенция: идейность задач и беспочвенность идей». То есть Г. Померанц — один из идеологов современной интеллигенции — уточняет, что византийские корни не приветствовались. И это правда — либерально-западная ориентация нашей интеллигенции несомненна, хотя, как мы увидим ниже, и «византийские почвенники» превратились со временем в заправских интеллигентов и орудовали с «западниками» в паре — особенно в советское время...

Теперь перейдем ко второму определению, которое дал Р.В. Иванов-Разумник (1878—1946): «Интеллигенция есть этически — антимещанская, социологически — внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности». Надо сказать, что подобное понимание интеллигенции и стало широко употребительным в России, а уже оттуда перешло в другие страны.

* * *

Итак, что же плохого в интеллигенции? Судя по вышеприведенным определениям, интеллигенцию не то что любить — ее боготворить надо. Но на деле все выходило далеко не столь красиво и гладко. Достаточно вспомнить, что именно русская интеллигенция стала основательницей современного терроризма, дважды умудрилась стать деятельной участницей разрушения своей страны и в конце концов стала на службу к ею же осмеянным «новым русским» и олигархам. Она постоянно служит тем «траффиком», через который в широкие массы проникают различные извращения и крайности — от пропаганды гомосексуализма и матерщины до тоталитарных сект.

Однако пойдем по порядку. Если отвлечься от действительности и остановиться на собственно семантическом значении вышеприведенных самоопределений, то ничего плохого в интеллигенции нет. И у многих ее родоначальников побуждения были чистыми. Поэтому отвлеченный образ интеллигента выглядит позитивным.

Немудрено, что он был подхвачен многими писателями. Например, А.П.Чехов немало потрудился для того, чтобы в общественном мнении сложилось положительное восприятие интеллигенции.

Но в этих замечательных определениях уже есть что-то настораживающее. Во-первых, это стремление автоматически как бы стать над остальными людьми. Во-вторых, принятие идей западного либерализма как непререкаемой истины.

Уже во время зарождения термина «интеллигенция» либерализм (от *лат. liberalis* — свободный) успел показать свою антидуховную сущность в западном мире. Родившись также из благородных целей освобождения людей от деспотизма и крепостничества, либерализм уже в XIX в. стал идеологией расчетно-денежных отношений между людьми, то есть, по сути, свелся к обоснованию свободы богатых людей/стран становиться еще богаче за счет бедных. Либерализм разрушал патриархальные консервативные отношения и привносил в жизнь общества принцип «Человек человеку — волк». Позже, для тех, кто не может приспособиться к такому конкурентному обществу, либералы придумали лозунг: «Свободу — сильным, защиту — слабым», не понимая, как издевательски это звучит по отношению к небогатым людям. Вместо принципа братской взаимопомощи была придумана так называемая «благотворительность», которая на практике (за редким исключением) выражается в том, что богач со своего стола бросает беднякам объедки, чтобы неимущие, доведенные до крайности, не взбунтовались.

Большинство интеллигентов (как и 99% из неинтеллигентов), будучи далеко не гениями, смогли усво-

ить лишь часть самоопределения, и именно ту, где утверждалось, что они — духовная элита и совесть нации. Вторую же часть — о «внутренней свободе» — они так и не реализовали, став в итоге духовными заложниками своей же замкнутой тусовки. То есть так же, как и большинство людей, они незаметно для себя усваивали стереотипы мышления и поведения своего круга, но в отличие от большинства считали, что они «НАД». Как правильно подметил Бердяев, интеллигенты оказались склонны к кастовости и вскоре образовали замкнутый орден. Эти характерные негативные черты интеллигенции проступают уже в их самоопределениях. На практике все оказалось гораздо печальнее.

* * *

Начнем с самых невинных отрицательных черт, присущих большинству интеллигентов. Это прежде всего склонность к созерцательности и болтовне, отсутствие деятельного начала. Дело в том, что в дореволюционной России получение образования автоматически переводило человека в разряд высшего общества и давало материальное благополучие. Поэтому большинство интеллигентов были людьми обеспеченными, а те, кто не смог таковым стать, всегда был вхож в дома богатых, где ему был обеспечен кров, стол, материальная помощь. «Бедные» интеллигенты были бедны, скажем, тем, что имели меньше... прислуги, чем богатые.

Итак, будучи лично обеспеченными, многие интеллигенты коротали вечера в постоянных и бесплодных думах о том, как помочь «народу». Хорошо такую позицию интеллигента по отношению к народу выразил поэт Д.Минаев:

Тяжел твой крест — всей жизни ноша,
Не предложу тебе я гроша,
Но плакать, плакать буду рад...

Такая позиция части интеллигенции вызывала презрение даже у революционеров-практиков, многие из которых сами вышли из интеллигентской среды, а некоторые (о них будет сказано ниже) продолжали быть интеллигентами.

Все это хорошо отображено в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»:

«—...Я считаю долгом объявить вам, что я этого мнения не разделяю. Смею сказать, меня все знают за человека либерального и любящего прогресс; но именно потому я уважаю аристократов — настоящих.

...

— Позвольте, Павел Петрович, — промолвил Базаров, — вы вот уважаете себя и сидите сложа руки; какая ж от этого польза для *bien public*? Вы бы не уважали себя и то же бы делали.

— Однако позвольте, — заговорил Николай Петрович. — Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить.

— Это уже не наше дело.... Сперва нужно место расчистить.

— Ну да, да, вы обличители, — так, кажется, это называется. Со многими из ваших обличений и я соглашаюсь, но...

— А потом мы догадались, что болтать, все только болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведет только к пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздором, тол-

куем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, о парламентаризме, об адвокатуре и черт знает о чем, когда дело идет о насущном хлебе, когда грубейшее суеверие нас душит, когда все наши акционерные общества лопаются единственно от того, что сказывается недостаток в честных людях, когда самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли пойдет нам впрок, потому что мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке».

Превосходный портрет либерального болтуна в лице Степана Трофимовича Верховенского дал и Ф.М. Достоевский в романе «Бесы»:

«...Степан Трофимович постоянно играл между нами некоторую особую и, так сказать, гражданскую роль и любил эту роль до страсти, — так даже, что, мне кажется, без нее и прожить не мог. ...Тут все могло быть делом привычки, или, лучше сказать, непрерывной и благородной склонности с детских лет к приятной мечте о красивой гражданской своей постановке. Он, например, чрезвычайно любил свое положение «гонимого» и, так сказать, «ссылного». В этих обоих словечках есть своего рода классический блеск, соблазнивший его раз навсегда, и, возвышая его потом постепенно в собственном мнении, в продолжение столь многих лет, довел его наконец до некоторого весьма высокого и приятного для самолюбия пьедестала.

...Я только теперь, на днях, узнал, к величайшему моему удивлению, но зато уже в совершенной достоверности, что Степан Трофимович проживал между нами, в нашей губернии, не только не в ссылке, как принято было у нас думать, но даже и под присмотром никогда не находился. Какова же после этого сила собственного воображения! Он искренно сам верил всю свою жизнь,

что в некоторых сферах его постоянно опасаются, что шаги его непрерывно известны и сочтены, и что каждый из трех сменившихся у нас в последние двадцать лет губернаторов, въезжая править губернией, уже привозил с собою некоторую особую и хлопотливую о нем мысль, внушенную ему свыше и прежде всего при сдаче губернии. Уверь кто-нибудь тогда честнейшего Степана Трофимовича неопровержимыми доказательствами, что ему вовсе нечего опасаться, и он бы непременно обиделся. А между тем это был ведь человек умнейший и даровитейший, человек, так сказать, даже науки, хотя впрочем в науке... ну, одним словом, в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего. Но ведь с людьми науки у нас на Руси это сплошь да рядом случается».

* * *

История дважды (в феврале 1917-го и в начале 1990-х гг.) дала интеллигентам шанс показать, на что они способны в реальном управлении, и оба раза интеллигенция с позором провалилась.

Естественно, отточившая в болтовне свой язык интеллигенция легко объясняет свои провалы действиями сил зла, тем, что им не дали «развернуться», объективными причинами. Почитайте, что писали в эмиграции в 1920—1960-х годах Керенский, Милюков и прочая компания, и что писали и пишут Гайдар, Явлинский и остальные. Особенно умиляет их возмущение «непроходимо темным народом», «косностью среды», атавизмами «монархического/советского рабства», не дающими сей самый народ благодетельствовать. То есть получается, что народ всеми силами сопротивляется тому, чтобы быть осчастливленным! В итоге радикальная интел-

лигенция (вроде Новодворской) вообще предпочитает весь этот неудобный народ как-то «переделать», вместо того чтобы взять себе задачу по силам и самим уехать к «подходящему» народу в какой-нибудь американский штат.

Итак, первый шанс появился у интеллигенции в революционном феврале 1917 года, когда она с частью генералитета, с западными кругами, с частью императорского двора, с капиталистами, при деятельном участии масонских лож, в которых состояли многие члены будущего Временного правительства, захватила власть. После чего вместо управления интеллигенты занялись бесконечным, привычным словоблудием и прожектерством. За это время развалилась армия, экономика, начались стихийные бунты... За полгода (!) интеллигенты довели страну «до ручки», поставив людей на грань физической гибели. В результате — «темному народу» при помощи оружия пришлось выбирать между двумя реальными программами восстановления государства. Первую (более консервативную, кстати) предложили большевики во главе с Лениным, вторую (более либеральную и расплывчатую) — военные во главе с Корниловым. Как известно, победили большевики.

Надо сказать, что интеллигенцию одинаково недолюбливали как красные, так и белые (особенно белые). Бывшим либеральным деятелям было опасно появляться в офицерских полках без охраны, даже если эти интеллигенты декларировали свою солидарность с Белым движением.

Во время второго разрушения страны повторился тот же сценарий. Борьба интеллигенции без реальной созидательной программы опять-таки носила лишь разрушительный характер (обычно она выражалась слова-

ми Остапа Бендера — «Запад нам поможет»). Как в первый раз, так и во второй, гибель страны была обусловлена не столько действиями тех, кто боролся с властью (их совокупные усилия важны, но не решающие), не столько действиями враждебных государств (хотя и их нельзя сбрасывать со счета), сколько нераспорядительностью лиц, облеченных высшей властью. Николай II сначала развел «распутинщину», а в решающий момент (через брата Михаила) «сдал» вверенную ему страну либералам.

Горбачев по своим задаткам был обычным чиновником, он не умел ничего, кроме как карабкаться по карьерной лестнице, и к управлению государством был просто не подготовлен. Однако в его руках оказалась колоссальная власть. Ситуацией в 1991 году, как и в 1917-м, воспользовались интеллигенты. Они с гордостью описывают, как через А.Н.Яковлева и К^о «обрабатывали» Горбачева в либеральном духе, а затем, когда стало выгодно сделать ставку на Ельцина, «выдавливали» из последнего «компартийное мышление». В результате правления «интеллигентов-реформаторов» (помните их программы «500 дней», «400 дней») в стране начался такой хаос, что управление пришлось передать так называемым красным директорам и бывшим номенклатурщикам. Новые правители тоже оказались не на высоте, но, в отличие от бывших завлабов-интеллигентов, хотя бы имели какой-то опыт руководящей работы. Кстати, несмотря на свою практическую беспомощность в крупных государственных делах, часть интеллигенции (малочисленная, стоявшая поближе к «рулю» власти) смогла неплохо обогатиться во время второго «царствования». По первому «царствованию» данных у меня нет (врать не буду), но многие тогдашние интеллигенты, такие, как

член Временного правительства сахарозаводчик Терещенко или Председатель последней Госдумы помещик Родзянко, были и без того богатейшими людьми России.

* * *

На этих рельефных примерах мы увидели, что интеллигенты, несмотря на то, что они на словах демонстрируют понимание государственного устройства, на деле руководить (на благо всей страны, а не лично себя) умеют хуже, чем простой более-менее подготовленный рабочий. Но свойственная большинству интеллигентов пустая болтовня, склонность к «обломовщине» — не самые худшие их черты. Если бы все интеллигенты днем лежали на диванах, а по вечерам на кухнях в табачном дыму обсуждали свои беспочвенные прожекты и на словах «болели за народ» — вреда от них было бы меньше. Хуже, когда в этой среде зарождается деятель — такой обычно идет в террористы. В уже упоминаемом романе «Бесы» Достоевский не зря сделал циничного и жестокого главу революционной группы — Петра Верховенского — сыном благодушного «болтуна-либерала». Конечно, не все террористы были интеллигентами. Многие простые исполнители, те, что гибли в терактах, были не интеллигентами, а рабочими. Хотя подчеркиваю, что и представители интеллигенции нередко шли на сознательную смерть.

И именно интеллигенция теоретически обосновала террор, организовала, возглавила террористические организации, финансово подпитывала их. Сейчас (во время «Аль-Каиды», палестинских, баскских, ирландских, маоистских террористических бригад) забывают, что первой и до сих пор непревзойденной по своей мощи

профессиональной террористической организацией современного типа была «Народная воля», действовавшая в 1870—1880-е годы в России (народовольцам удалось тогда ликвидировать даже главу государства). Преемниками «Народной воли» можно считать все последующие террористические организации царской России, включая Боевую организацию эсеров во главе с Е. Азефом и Б. Савинковым.

Другой отрицательной чертой интеллигентов является то, что, борясь против власти своей страны, они рано или поздно становятся вольными-невольными агентами (как в кавычках, так и без) иностранных государств. Никто не спорит, иногда бывают такие правители и правительства, что делом чести каждого порядочного человека будет борьба против них, но в этой борьбе никогда нельзя становиться помощником других стран-конкурентов. Ведь в этом случае ты становишься борцом не против антинародного правительства своего государства, а борцом против своего народа.

Меня могут упрекнуть — а как же большевики, которые брали на свою революцию деньги германского штаба? Отвечу. Во-первых, слухи о немецких деньгах не подтверждены документально, а во-вторых, даже если они и взяли деньги, то не как агенты, а как самостоятельная сила, которая распорядилась деньгами весьма грамотно. Большевики не только умудрились взять власть в России, но и инициировали революцию в самой Германии (уж не на деньги ли германского генштаба?), будучи в трех шагах от того, чтобы и там взять власть. Германская революция не удалась, но Советское государство в итоге отобрало у Германии все, что потеряли царская власть и Временное правительство, кроме европейских государств — Польши и Финляндии, которые входили

в состав России как самостоятельные страны, правителем которых был российский император. После того, как пала монархия, эти страны стали независимы автоматически.

А если говорить о предложении Ленина в Циммервальде (1915 г.), о том, чтобы повернуть оружие против собственной буржуазии, так оно было обращено ко всем союзникам по Интернационалу, в том числе германским и австро-венгерским. И предложение это выглядело примерно так: «Буржуазия наших стран ради своей наживы развязала кровавую войну, в которой гибнут простые люди. Давайте все *вместе* сбросим нашу буржуазию (воспользовавшись ситуацией), захватим власть в своих странах и прекратим войну».

Пишу об этом так подробно потому, что сейчас позицию Ленина освещают однобоко — мол, во время войны хотел ударить в спину своим властям. Если бы это было так, то это было бы предательством. Но когда открывается вторая часть его предложения, что ударить надо и по немецким властям тоже, то выясняется, что никакого предательства здесь нет.

* * *

Наша интеллигенция умудрялась постоянно подпадать под иностранное влияние. Мало того, в большинстве своем она это делала бескорыстно. Интеллигенты «первого призыва» прославились тем, что поддерживали полуавтономное Царство Польское во время его войны с Россией в 1860-х годах (Герцен и остальные). Кроме того, все интеллигенты, которые вели борьбу против царской России, находили гостеприимный приют в западных странах, а многие (к счастью, не все) из их кол-

лег, оставшихся в России, неустанно пропагандировали западные ценности. То же делала и часть советской интеллигенции (к счастью, далеко не вся советская интеллигенция).

О работе советской интеллигенции против своей страны до окончания правления Сталина говорить не буду. Во время войны, как среди предателей, так и среди героев, оказывались и интеллигенты, и неинтеллигенты, а высчитать что-то в процентном отношении невозможно. Правда, до 1930-х годов интеллигенция боролась против властей открыто и не скрывала этого, а о том, что было после, можно догадываться только опосредованно.

Однако после смерти Сталина ситуация изменилась. Выступать против властей стало значительно безопаснее, и интеллигенция взялась за старое. Правда, сразу после смерти Сталина открыто выступать еще боялись (не ясно было, куда повернет государственная машина), поэтому на ввод советских войск в Венгрию в 1956 г. какой-либо широкой ответной реакции со стороны интеллигенции не было, разве что письмо Олексы Тихого в ЦК. Иное дело — Чехословакия 1968 г., когда во время ввода туда советских войск с целью подавления антисоветского восстания семь интеллигентов вышли на Красную площадь с лозунгами «Руки прочь от ЧССР!». Наказали пятерых, наказали сравнительно мягко: троих отправили в ссылку (от 3 до 5 лет), двое получили тюремный срок (один — 3, другой — 2,5 года заключения). Действия смельчаков встретили широкий отклик в среде интеллигенции. Кстати, граждане США в это же время протестовали против политики своей страны во Вьетнаме (а с вьетнамцами американские войска обошлись куда более круто, чем советские с чехословаками).

Протесты против ввода советских войск в Афганистан показали всю близорукость советской интеллигенции. Ведь в то время страна защищала не только свои непосредственные, ближайшие границы (в противном случае «под боком» у СССР появились бы американские ракеты), но и наносила превентивный удар по поднимающему голову исламскому фундаментализму (а те же США в борьбе против СССР в Афганистане готовили и поддерживали террористов, с которыми сейчас сами и воюют). Ведь незадолго до ввода войск исламские фундаменталисты уже захватили власть в соседнем Иране. Разумеется, жаль погибших и покалеченных в Афгане солдат, но любой военачальник, стремясь сохранить жизнь своих солдат, всегда стоит перед дилеммой: «здесь я потеряю пять, а там — десять тысяч человек» и, выбирая план с минимальными потерями, знает, что потери все равно будут. И это — жестокая реальность. Конечно, подобная логика не может унять боль матери погибшего солдата, но одно дело — знать, что ее сын погиб, защищая родину и свой народ, другое — считать, что гибель его была нелепой, напрасной и никому не нужной (о чем постоянно кричала интеллигенция в годы перестройки). И то, что Горбачев, а затем Ельцин сдали Афганистан, привело к гораздо большим жертвам — не только в Чечне, но и в Москве и Нью-Йорке (я имею в виду теракты — подрывы зданий).

* * *

Но если протесты против ввода войск в Чехословакию и в Афганистан еще как-то можно понять (соглашаясь или не соглашаясь с ними), то прямой переход некоторых интеллигентов СССР на сторону США во время

противостояния этих стран, на мой взгляд, интеллигентно говоря, некорректен. Тем более что политику Штатов, начиная с Хиросимы и Нагасаки и заканчивая Вьетнамской войной, интеллигенты наблюдали воочию и видели, что никаким особым гуманизмом она не отличается. Поэтому действия Сахарова, Новодворской и К^о напоминают действия «пятой колонны» во время франкистского мятежа в Испании. Впрочем, позиция Солженицына, на мой взгляд, не намного лучше сахаровской. В последние годы жизни Солженицын делал вид, что он хороший, что он патриот, что он лишь против коммунизма и сталинизма боролся, что сам он почвенник, что он совсем не имеет отношения к постсоветскому хаосу, что он ни при чем... При чем, Александр Исаевич, при чем... Опуская все прочее, сам факт того, что Солженицын не остался жить в нейтральной Швейцарии после того, как его выгнали из СССР, а демонстративно переехал в США в период обострения «холодной войны», говорит о том, что Солженицын — типичный интеллигент (а не «соль земли»), со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Некрасивое зрелище представляли собой интеллигенты во время перестройки, когда они добрались до парламентских и партийных трибун. Тут их непонимание ситуации, идолопоклонничество перед Западом, ограниченность проявились в полной мере. Людей своей страны они прозвали «совками», кричали на всех углах: «Вот на Западе живут, а мы...», «Введем американские ценности — будем жить, как они». При этом интеллигенция не замечала того, что дешевизна шмоток и магнитофонов сочетается на Западе с дороговизной квартир, медицины и образования. Один поэт-интеллигент-шестидесятник N заявил буквально следующее: «Мой знако-

мый, попав на Запад, увидел там на прилавках 20 сортов колбасы и упал в обморок» (надо полагать, от восторга). На что поэту ответили: «Так это знакомый поэта N? Тогда понятно, почему в обморок упал». Интеллигенты изобрели и знаменитое словосочетание «Нас 70 лет...!» (то есть кто-то на протяжении 70 лет делал с интеллигентами что-то не очень хорошее), издевались над историей и ценностями своего народа, над его стихами и песнями. На полном серьезе утверждали, что рыночные отношения решают все проблемы в экономике. Интеллигенты «смело» сжигали перед телекамерами партбилеты, правда уже *после* поражения советской власти, а до они эти билеты на коленях вымаливали. То есть, вели себя как ослы, пинающие мертвого льва. Интеллигенты оплевывали прошлое страны, бегали с выпученными воспаленными глазами и агитировали всех перейти на либеральные ценности (мол, ух, заживем!).

После перестройки, когда наступило похмелье, интеллигенты увидели, что они никому, в общем-то, не нужны. Мавр сделал свое дело и должен уйти. Новые власти (в отличие от старых) не собираются платить им бешеные гонорары за бездарные труды, не собираются прислушиваться к их мнению. Остались наши «герои» у разбитого корыта... Не все, конечно. Некоторые из них, кто успел просочиться в информационное пространство во времена СССР и закрепиться там, еще пишут свои поучения «Как нам чего-то там обустроить...», но печатают их уже не миллионными, а всего лишь тысячными тиражами. Те, кто успели прорваться в политику, еще вещают с парламентских трибун. Большой удачей считается попасть на службу к олигарху, идеологически обслуживать его финансовые интересы и называть это «свободой слова». Правда, олигархи ныне не шибко интелли-

гентные, к образованности не стремятся и уважения к ней не испытывают.

Однако большинство интеллигентов осталось не у дел. Они даже заговорили о том, что интеллигенция исчезла вообще. Хотя на самом деле она просто лишилась возможности поучать власть и народ...

* * *

У меня есть знакомый писатель, который возглавлял в 1980—1990-е годы одно из областных отделений Союза писателей СССР в восточной Украине. Так вот, он мне рассказывал, как всю свою сознательную писательскую жизнь боролся против советской власти. А когда эту власть «побороли», то оказалось, что писателю жить стало не в пример хуже (как в моральном, так и материальном смысле). Он увидел, что его творения, по большому счету, никому не нужны, их теперь не только за деньги, даром никто печатать не будет. Вдвойне ему было обидно, что его — украиноязычного автора — печатали при Советах и не печатают в независимой Украине. В материальном плане все оказалось еще плачевнее. Он говорил мне, что советская власть ему только за звание писателя платила огромные деньги, не говоря уже о гонорах. Коллега моего знакомого — другой писатель из того же отделения СП СССР — рассказывал, что за роман (а писал его он в санатории, находясь в творческой командировке) писатель получал гонорар, за который мог приобрести автомобиль (в советское время это была весьма дорогая вещь). Теперь же эти писатели получают жалкие гроши.

Что правда, то правда. Научную, писательскую и журналистскую интеллигенцию власти баловали час-

то не по заслугам. Платили им бешеные деньги, а потом продавали их «бессмертные шедевры» в нагрузку к более читабельной литературе, потому что никакой нормальный человек на трезвую голову покупать бы подобное не стал. Власти также давали представителям «трудо- вой прослойки» депутатские и лауреатские звания, селили их в шикарных хоромах. Если не верите — пройдите хотя бы по центру того же Киева и почитайте таблички, указывающие, что в этих домах жил тот или иной писатель или драматург. То есть они жили примерно в тех же условиях, что и руководители страны. Даже особняк Союза писателей в Киеве находится напротив главного здания страны, а особняк Союза журналистов — на Крещатике. Разумеется, были люди, получавшие деньги заслуженно (в основном — технари-ученые и несколько писателей и режиссеров). Но подавляющее большинство этих «лауреатов» талантами не блистали, и сейчас они не у дел, только жалуются, что им денег не дают, не ценят их. И хорошо, что не дают, потому что так они хоть могут изображать из себя незаслуженно обиженных, а когда им удастся выбить деньги, то их творческая беспомощность видна воочию. Не верите — посмотрите фильмы, снятые современным кинематографом на бюджетные деньги.

Я с возмущением читал воспоминания дочери одного из советских литературных боссов, которая рассказывала, как ее отец устраивал банкеты на предоставленной ему шикарной правительственной даче и приглашал туда только тех, кто обругивал вместе с ним власть, обеспечившую ему столь царские условия жизни. И вдвойне возмутительно, что те же самые интеллигенты публично выступали со славословиями в адрес Ком-

мунистической партии. А ведь насильно их никто этого делать не заставлял. Налицо двойная мораль. В этом плане советская интеллигенция отличалась от царской, которая публично власть не славословила.

* * *

Теперь коснемся подробнее творческой вторичности интеллигенции. Большинство гениальных вещей, созданных в культурном поле, создавались отнюдь не благодаря интеллигенции, а как бы вопреки ей. Поясню свою мысль. Многие великие люди, большинство из которых так или иначе соприкасается с интеллигентской средой, после осознания своего Дара, после творческого взросления, прямо или косвенно, сознательно или бессознательно, отреклись от своей принадлежности к этой среде. Выше я уже приводил примеры Ленина и Бердяева. Теперь процитирую любимца интеллигенции Б. Пастернака.

«Гордон и Дудоров принадлежали к хорошему профессорскому кругу. Они проводили жизнь среди хороших книг, хороших мыслителей, хороших композиторов, хорошей, всегда, вчера и сегодня хорошей, и только хорошей музыки, и они не знали, что бедствие среднего вкуса хуже бедствия безвкусицы.

Гордон и Дудоров не знали, что даже упреки, которыми они осыпали Живаго, внушались им не чувством преданности другу и желанием повлиять на него, а только неумением свободно думать и управлять по своей воле разговором. Разогнавшаяся телега беседы несла их куда они совсем не желали. Они не могли повернуть ее и в конце концов должны были налететь на что-нибудь и обо что-нибудь удариться. И они со всего

разгону расшибались проповедями и наставлениями об Юрия Андреевича.

Ему насквозь были ясны пружины их пафоса, шаткость их участия, механизм их рассуждений. Однако не мог же он сказать им: «Дорогие друзья, о как безнадежно ординарны вы и круг, который вы представляете, и блеск и искусство ваших любимых имен и авторитетов. Единственно живое и яркое в вас, это то, что вы жили в одно время со мной и меня знали». Но что было бы, если бы друзьям можно было делать подобные признания! И чтобы не огорчать их, Юрий Андреевич покорно их выслушивал» (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»).

Ни для кого не секрет, что под маской доктора Живаго Пастернак описывал себя. И если мы внимательно прочтем его биографию, то увидим, что Борис Леонидович по происхождению, образованию, кругу общения — типичнейший интеллигент, но он быстро перерос эту среду и, несмотря на свою природную скромность, даже робость, заявил интеллигентам, что единственное в них живое и яркое, — это то, что они знали его.

Кстати, не каждая интеллигентская группировка имеет своего Пастернака. Да и те, что имеют, зачастую начинают отторгать, выталкивать великих людей, чтобы потом, после их смерти, сделать из них икону. Общеизвестен пример А. Блока, которому после написания «Двенадцати» интеллигенты руки не подавали, а та из них, которая подала, — поэтесса З. Гиппиус — подала лично, но не общественно. Интеллигенты отторгли Есенина и Маяковского, за границей в эмиграции устроили обструкцию М. Цветаевой, когда она захотела вернуться на родину.

Одна из интеллигенток, писательница Н. Берберова, в автобиографии «Курсив мой» с какой-то иезуитской

гордостью описывает, как она не поздоровалась в это время с Цветаевой:

«М.И. Цветаеву я видела в последний раз на похоронах (или это была панихида?) кн. С.М. Волконского 31 октября 1937 года. После службы в церкви на улице Франсуа-Жерар (Волконский был католик восточного обряда) я вышла на улицу. Цветаева стояла на тротуаре одна и смотрела на нас полными слез глазами, постаревшая, почти седая, простоволосая, сложив руки у груди. Это было вскоре после убийства Игнатия Рейсса, в котором был замешан ее муж С.Я. Эфрон. Она стояла, как зачумленная, никто к ней не подошел. И я, как все, прошла мимо нее».

Те из крупных писателей, кто по идеологическим причинам не хотел порвать с интеллигенцией, порою тонко подшучивали над ней. Половину стихов позднего Бродского, я имею в виду его длинную, зарифмованную и расставленную в столбик прозу, можно рассматривать как тонкий «стеб» над своими фанатичными почитателями. Поэт знал, что все, что он напишет, им придется по вкусу, так оно и стало. Сейчас половина интеллигентов (из тех, что пишут стихи) творят в стиле «а-ля Бродский».

Интеллигенты, как правило, не в состоянии распознать гения, пока им не укажет на это их среда. Механизм здесь таков. В среде интеллигенции вращается несколько крупных личностей. Эти личности за свои прошлые заслуги пользуются у интеллигенции авторитетом. Когда кому-то из этих авторитетов попадает на глаза талантливое произведение, он им говорит: «Это круто!». Вся интеллигенция с восторгом повторяет: «Да, это круто!!!» (хотя до этого могли сто раз прочитать это произведение и ничего в нем не найти). После этого интелли-

генция сооружает престол и водружает на него своего нового кумира. Начинается мода.

Многие читатели, наверное, обратили внимание, что с определенного времени почему-то перестали рождаться великие (и просто крупные) поэты. Начиная с XVIII века, каждое поколение имело своих поэтических кумиров. Г.Р.Державин, А.С.Пушкин, Т.Г.Шевченко, М.Ю.Лермонтов, Ф.И.Тютчев, А.А.Фет, А.А.Блок, М.И.Цветаева, С.А.Есенин, В.В.Маяковский, О.Э.Мандельштам, Б.Л.Пастернак, А.А.Ахматова. После Серебряного века поэты перестали идти сплошной чередой, входили в информационное поле как бы со скрипом, но все же появлялись имена — М.Светлов, Я.Смеяков, А.Вознесенский, В.Высоцкий, И.Бродский. Естественно, мой перечень не полный.

После успеха Бродского в поэзии образовалась некая пустота. В чем дело? Неужели перестали появляться заслуживающие внимания новые имена? Нет, конечно. Великие поэты не перестали рождаться, о них просто не знают. В среде самой интеллигенции новых крупных поэтов сейчас нет, а раскручивать кого-то постороннего (не из своей среды) интеллигенты не хотят.

* * *

Вообще-то интеллигенты очень «чутки» ко всяким извращениям, особенно после того, как их признает Запад. Они добились отмены смертной казни для маньяков, уголовного наказания для гомосексуалистов, потом потихоньку стали внушать обществу, что гомосексуализм — это хорошо, что нужны однополые браки. А тут еще на Западе политкорректность созрела. Стали интеллигенты еще и политкорректными, по крайней

мере по отношению к «голубым». Только политкорректность какая-то странная получилась. Для Америки она еще понятна — избирателями политиков и потребителями продуктов корпораций наряду с белыми являются и представители темнокожего населения — отчего же не «подлизаться» к таким нужным людям. А в том, что политкорректность — чисто потребительское изобретение, может убедиться всякий. Сравните хотя бы нашу-мевшую книгу Д.Толкина «Властелин колец» и не менее нашу-мевший одноименный голливудский бездарный фильм. У Толкина властелину зла служат негры, режиссеры же заменили почти всех негров... арабами. Почему? Да потому, что США во время съемок фильма вторглись в Афганистан и Ирак. Только один этот пример показывает, что политкорректность — чисто конъюнктурное коммерческое изобретение и никаким уважением к людям других рас здесь и не пахнет.

Но тем не менее уже дана директива — в любом фильме, в любой книге одним из положительных героев обязательно должен быть негр, кроме того, в качестве положительного героя приветствуется и гомосексуалист. Я бы предложил политкорректным упростить задачу — совместить оба варианта. То есть сделать положительным героем «голубого» негра (гомосексуального афроамериканца) и директивно закрепить за этими личностями треть мест в парламентах всех стран и половину президентских кресел.

Я здесь немного утрирую. На самом деле я и без всякой политкорректности хорошо отношусь к неграм, а двух из них — Мартина Лютера Кинга и Патриса Лумумбу — не задумываясь, причислю к сонму великих людей. Я просто критикую политкорректность (которая, по-мо-

ему, прежде всего, унижает самих негров) и попугайничанье нашей интеллигенции.

Еще интеллигенты любят заумность и перегружают все свои писания мудреными терминами. Многие интеллигенты терминологию лепят не к месту, для того, чтобы придать написанному более глубокомысленный вид. Появилась целая сфера литературы и кино, обслуживающая подобные «увлечения», начиная с «Улисса» Д. Джойса.

Но для интеллигентов важно не содержание, а тусовочное умничанье. Это как в сказке про голого короля: все видят, что король голый, но признаться в этом — значит признать себя глупцом. Поэтому любой интеллигент (он хоть и интеллигент, но прежде всего человек) видит, что фильмы А.Тарковского скучны, что учение З.Фрейда не более чем воспаленный бред помешавшегося на сексе человека, а сюрреализм С.Дали — механическое смешение классики и авангарда. Но интеллигент не признается в этом. Ему не важно произведение искусства, ему важен процесс его обсуждения, среда таких же, как он, ему важно «поумничать». Вы не поверите, но я встречал интеллигентов, на полном серьезе обсуждавших художественные достоинства (!) фильмов «Калигула» и «Прирожденные убийцы».

Вообще, когда интеллигенты появлялись на экранах при советской власти, они казались умными и культурными. Когда им дали волю во время перестройки, они показали всю свою убогость. Никогда не забуду, как в одной телевизионной программе на эротическую тему голова очень известного и солидного советского диктора появилась... на причинном месте античной статуи. Тогда я осознал величие того же Суслова, который держал интеллигенцию в узде и заставлял их петь и говорить по

заданному сценарию. Тогда они хоть выглядели умными. Хотя все их эротизмы не более чем наивные подростковые фантазии, и выйти в этих фантазиях за пределы Фрейда, или того, что писали о римских цезарях, у интеллигентов не получается. Они во время перестройки даже маркиза де Сада умудрились на щит поднять и, самое главное, подавали его порнографию, написанную в скучнейшем вольтерианском духе, как откровение, которое советская власть по злобе своей в массы не пускала. Идет смакование матерщины, в моду входят писания В.Сорокина («Голубое сало»), насыщенные физиологизмами и перверсиями. На щит поднимаются публично испражняющиеся художники, которые режут свиней на своих «перформансах». Такие эффекты призваны под внешним «новаторством» скрыть духовную немощь интеллигенции.

Вот наглядный пример. «Отдел культуры газеты «Сегодня» объявляет лучшим художником сезона А.Бренера. Что сделал А.Бренер? Сначала он бегал голый на открытии выставки в присутствии министра культуры и дипломатов. Потом он испражнялся в Музее им. Пушкина под картиной Ван Гога. Третья его акция была в бассейне «Москва». Бренер поднялся на вышку и стал изображать половой акт. Его сняла милиция. И критики газеты «Сегодня» объявили его лучшим художником сезона. Через неделю после этого я получаю приглашения галереи Марата Гельмана. На пригласительном билете фотографии критиков из этой же газеты, Ковалева и Луиной, он голый, она голая, и она держит в руках его гениалии. Такие критики, конечно, могут объявить Бренера лучшим художником...»

Если рассмотреть соотношение творца и интеллигенции, то это будет соотношение имени с порожден-

ным им «измом». Имя всегда выше «измов». Ленин круче ленинизма, Есенин — имажинизма, Толстой — «толстовства».

Разновидностью интеллигенции является богема. От прочих интеллигентов представители богемы отличаются более раскованным образом жизни. Хотя большая часть богемы, кроме этого самого образа жизни, ничего общего с творчеством не имеет. Но все же богема рождает больше талантов, чем остальная часть интеллигенции. И еще — она более чутко распознает талант, то есть представители богемы могут обнаружить талант в своем кругу, даже если остальная интеллигенция этот талант не признает.

* * *

Мне так легко писать об интеллигенции потому, что когда-то в «глубокой» молодости, еще в те времена, когда власть КПСС казалась незыблемой, я сам прошел через это. Как и многие, не любил бюрократов-партократов, по ночам слушал «Голос Америки» и Би-би-си. Но почти все, что поставляло пищу для диссидентских интеллигентских споров, я нашел самостоятельно, а не принял на веру с чужих слов. И когда столкнулся с интеллигентской средой в Москве в 1984 году, был во всеоружии. Начиная с 12 лет (с 1979 г.), попадая в какой-нибудь крупный город, я скупал в букинистических магазинах дореволюционные книги и газеты. Задолго до перестроечной лихорадки в Полном собрании сочинений Ленина я сам, без чьей-либо указки, нашел широко цитируемые позже записки о «красном терроре» и о «беспощадных арестах».

Вот некоторые цитаты из В.И.Ленина:

«В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Ни минуты промедления» (Тов. Федорову, председателю Нижегородского губисполкома, 9 августа 1918).

«Дорогие товарищи! Вынужден по совести сказать, что ваше постановление так политически безграмотно и так глупо, что вызывает тошноту. Так поступают только капризные барышни и глупенькие русские интеллигенты.

Простите за откровенное выражение своего мнения и примите коммунистический привет от надеющегося, что вас проучат тюрьмой за бездействие» (В Президиум Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 12 октября 1918).

«Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно» (15 сентября 1919 г.).

Цитаты из Ленина, собранные вместе, производят сильное впечатление, но на самом деле их нельзя рассматривать в отрыве от общей атмосферы Гражданской войны. Если их проанализировать комплексно, то окажется следующее:

а) среди всего массива текстов, написанных вождем большевиков в то время, слишком резких не так уж много, большинство гораздо корректнее и мягче;

б) это были *текущие* записки, часто в виде резолюций на документах, поэтому их нужно рассматривать, не как общий теоретический подход, а как телефонные (уст-

ные) распоряжения командира воюющей армии, и если тот же Жуков кричит майору: «Не удержишь участок — расстреляю», добавляя при этом мат-перемат, это не означает, что *на практике* реальный Жуков обязательно расстреляет реального майора. Такие призывы делаются для усиления эмоционального воздействия на подчиненных. «Не выполнишь домашнее задание — я тебе голову оторву!» — может сказать в сердцах отец сыну-двоечнику, но при этом и отец, и сын знают, что никто никому голову отрывать не будет. Поэтому то, что написано Лениным, надо делить на десять, а не принимать за чистую монету, во всяком случае, даже недоброжелатели Ленина не упоминают о массовых расстрелах проститутток, спаивающих солдат, с последующим их вывозением в неизвестном направлении;

в) реальный палач старается скрыть свои черные дела — и то, что Ленин не прятал своих записок и после его смерти они были напечатаны в СССР, означает, что Ленину и его продолжателям не приходилось краснеть за свои дела. Многие вещи были найдены и напечатаны уже в спокойные послесталинские времена в полном собрании сочинений. Неужели не понятно, что советской власти нетрудно было сжечь эти записки, а не печатать их миллионными тиражами в ПСС. А вот противникам большевиков — тому же Деникину — приходилось *оправдываться* за зверства своей контрразведки. Цветаева еще в эмиграции, узнав о реальных действиях, воспеваемых ею «белых лебедей», отказалась от своих восторженных стихов, посвященных Белому движению. Многие белогвардейцы причинами своего поражения называют грабежи (их армию даже прозвали «грабь-армией»), порки мирного населения и зверства той же контрразведки.

Да и вообще эту шутку с Лениным сделали издатели ПСС (Полного собрания сочинений): то, что другие страны о своих вождях хотят скрыть, наши «умники» вывалили наружу, своими руками сделали компромат на Ленина и не удосужились даже написать, что все здесь надо, как уже было сказано, делить на сто — ну не расстреливали большевики этих проституток.

В результате, когда через несколько лет все вокруг меня стали вдруг ярыми антиленинцами, я понимал что к чему. Тогда я уже знал из советской пропаганды (которой вначале не верил), какие жестокие действия предпринимала и противоположная сторона, что для победы надо напрячь все силы, иначе — поражение.

* * *

Начиная с 1984 г. в вузе и армии я вплотную сталкивался с интеллигенцией, побывал на интеллигентских прокуренных кухнях, на портвейных тусовках. И меня с самого начала поразила одна мысль: «Боже... Как они безнадежно вторичны... Я-то думал...». В перестройку часть интеллигентов решили, что они консерваторы — за белогвардейцев, за царскую Россию против «диких» революционеров (в общем, «Есаул, есаул, что ж ты бросил коня...», «Корнет Оболенский, надеть ордена!») — такие себе благородные аристократы. Но они не могли понять, что консервативными силами в их время были именно единомышленники революционеров начала века. Интеллигента манит лишь внешняя новизна, он не видит внутренней сути. Была в XIX веке мода на Дарвина — интеллигент стал дарвинистом, пришла в XX веке мода на антидарвинизм, интеллигент — антидарвинист. Была в XIX веке мода на марксизм, интеллигент — мар-

ксист, началась в XX веке мода на антикоммунизм — интеллигент тут как тут — уже антикоммунист. Поверхностность интеллигента хорошо продемонстрировала Н. Берберова в своих писаниях, когда о модных в ее время (ныне забытых) мелких писателях говорила, что они эталон, а классики, мол, устарели.

В 1987 году я с радостью встретил известие о реабилитации Бухарина и К°. Но вскоре (почти сразу) я ощутил, что телега вновь едет не туда. Телегу подталкивали толпы восторженных интеллигентов. И уже в 1988 году я создал в своем институте политклуб «Здравый смысл». Создал в противовес всем модным тогда «Мемориалам» и студенческим братствам, создал наперекор деканату, ректорату и парткому. В зараженной «перестройщиной» студенческой среде подобная организация была абсолютным nonsens. Одним из направлений деятельности моего политклуба была пропаганда здорового, спокойного подхода к истории. Ведь перестройка началась с постепенного очернения практически всей отечественной истории: сначала взялись за Сталина, потом — за Ленина, а в итоге выяснилось, что вся история у нас какая-то не такая. И уже в конце 1988 года, ко дню рождения Сталина, мы вывесили в институте огромную стенгазету с его нарисованным портретом, что в те времена было дерзостью. В стенгазете Сталина отнюдь не восхваляли, просто дали объективную информацию. Сталинистом я никогда не был, но в то время оборонять надо было именно этот участок фронта. Было в одной из наших стенгазет и интервью с директором музея К.Е.Ворошилова, в котором он рассказал, как не проходит в СМИ никакой объективной информации о Ворошилове, пропускают только ругательные статьи...

В завершение я хочу сказать, что не все в интеллигенции так плохо. Естественно, интеллигенция имеет большие социальные и культурные заслуги. Интеллигенты создали ту среду, без которой развитие культуры было бы затруднительным. Из интеллигенции вышли многие великие люди. Да и сама интеллигенция не однородна, среди интеллигентов во все времена встречались глубоко порядочные люди, патриоты своего отечества. Но все же интеллигенции многое дано, ее претензии масштабны, поэтому и спрос с нее должен быть строже.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Социализм и капитализм с точки зрения экономической эффективности

Во время реставрации капитализма в нашей стране было внедрено в общественное сознание, в вузовские учебники и научные книги множество штампов о имеющемся якобы превосходстве капиталистической экономики перед социалистической, или, как они предпочитают говорить, «рыночной экономики» перед «командно-административной». Это и доводы о преимуществах конкуренции, и стоны об отсутствии стимулов к труду при социализме, и наукообразные рассуждения о «неэффективности» централизованного планирования, и многое другое. Правда, любой разумный человек мог сравнить, чем был Советский Союз, мировая индустриальная и научно-техническая держава, прочно удерживающая второе место в мире, после США, по объемам производства и уже стремившаяся к первому, и чем стала буржуазная Россия, превратившаяся в рынок сбыта и источник сырья для развитых капиталистических стран и которая до сих пор не достигла ни советского уровня производства, ни советской производительности труда, несмотря на все годы эфемерного путинского подъема, хотя в мире сменилось за это время уже несколько поколений технологии. Но долгое сидение перед телевизором не способствует развитию умственных способно-

стей, к тому же апологеты капитализма в таких случаях любят говорить, что это в России все всегда не так, а вот на Западе, там действительно рыночный рай. Поэтому имеет смысл разобрать теоретические доводы сторонников «рыночной экономики».

Сравним эффективность социалистической и капиталистической экономики по некоторым ключевым пунктам, особенно часто являющимся предметом спекуляций. Надо сразу сказать, что понятие «эффективность» можно использовать как угодно, чем зачастую и занимается буржуазная пропаганда для протаскивания своих выводов, поэтому заранее уточняю, что под эффективностью здесь понимается отдача с точки зрения роста производительности труда и вообще развития производительных сил общества, а также полноты удовлетворения потребностей общества и его членов. Это сущностные экономические критерии, по которым только и возможно определять преимущество той или иной экономической системы, в отличие, например, от показателя прибыли, который является вторичным показателем, пригодным к тому же только для рыночного (товарно-денежного) хозяйства.

Социалистическая экономика, как известно, основана на общенародной собственности на средства производства и централизованном планировании в масштабе всего народного хозяйства. Все члены общества являются тружениками и сособственниками одновременно, действует принцип распределения «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Главная цель производства — удовлетворение общественных потребностей, а не максимизация прибыли, отсутствует эксплуататорский класс буржуазии.

В плановой социалистической экономике в масштабе всего общества воспроизводится система управления, напоминающая отношения внутри отдельного ка-

питалистического предприятия, с той разницей, что собственником выступает трудовой коллектив (т.е. все общество). Отдельные предприятия можно сравнить с цехами фабрики. Органы общественного управления хозяйством (в основном в практике СССР и других социалистических стран, в этой роли выступали государственные органы) определяют основные цели развития экономики на тот или иной период, распределение ресурсов между отраслями и отдельными предприятиями, спускают предприятиям плановые задания по выпуску продукции по количеству и номенклатуре, определяют связи между крупными предприятиями (кто является поставщиком, а кто потребителем продукции, и в каком количестве), устанавливают цены и ставки заработной платы, осуществляют текущее руководство производством. Приоритет принадлежит натуральным показателям, стоимостные показатели (или, точнее говоря, показатели рабочего времени) не играют ведущей роли, но используются для определения общественных трудовых затрат на производство различных видов продукции с целью получения базы для установления потребительских цен и сравнения различных технологий производства. В целом же целью производства является не стоимость, а потребительная стоимость (полезность) продукта.

* * *

Против плановой экономики часто приводится возражение, что единый центр не в состоянии осуществлять эффективное управление деятельностью народного хозяйства. Т.к. в экономике каждую минуту необходимо принимать огромное количество решений, касающихся отраслей, отдельных предприятий, членов общества. Но это невозможно качественно сделать из одного центра,

который в таком случае должен определить точный объем производства каждого вида продукции на каждом предприятии, способ, каким это нужно делать, виды товаров и услуг, которые должен потреблять каждый член общества. Госплан не в состоянии определить индивидуальные потребности каждого члена общества и соизмерить их с производственными возможностями.

Но данное возражение основано на враждебном и карикатурном представлении о плановой экономике как о некоем «тоталитарном» обществе, где все обязаны подчиняться всемогущему Центру, который контролирует самые мелкие детали производства и даже личной жизни. На самом же деле для плановой социалистической системы хозяйства, по ее сущности, характерны не только централизованное планирование, но также демократичность и гибкая система распределения полномочий между различными уровнями управления. В СССР, например, даже при определенных объективно обусловленных перекосах в сторону централизма, никогда все предприятия не получали заданий из одного центра. Существовали предприятия союзного, республиканского и местного подчинения. Соответственно, первые подчинялись Верховному Совету СССР и его Совету Министров, а последние — местным Советам и их исполнительным органам.

Ясно, что Госплан не указывает сельской швейной фабрике, носки какого цвета ей производить и кому с кем спать и в какой позе. Задачи центральных органов — определение приоритетов и общее распределение ресурсов между сферами экономики (например, между производством средств производства и производством предметов потребления), непосредственное руководство стратегическими предприятиями, внешней торговлей, а также установление общегосударст-

венных цен и сетки ставок заработной платы. Руководство же предприятиями местного значения и решение иных вопросов входят в компетенцию местных органов и напрямую трудовых коллективов. К тому же для экономики, основанной на общественной собственности, характерно активное участие работников в управлении производством, да и сами центральные органы планирования (как и местные) избираются на демократической основе. Поэтому повлиять на принятие решений даже на центральном уровне у большинства населения возможностей значительно больше, чем в рыночной капиталистической экономике, когда все решения принимаются немногочисленным слоем собственников.

Плановая экономика, основанная на собственности всего общества на основные средства производства, позволила нашей стране в XX веке добиться гигантского социального и технического прогресса. Основные преимущества плановой социалистической экономики перед рыночной с точки зрения развития производительных сил и удовлетворения общественных потребностей:

1. Отсутствие эксплуатации, паразитического потребления за счет права собственности, а не труда.

2. Возможность направлять максимум ресурсов в нужное место, обеспечивая в сжатые сроки решение таких масштабных задач, как индустриализация страны, создание новых отраслей промышленности, освоение новых территорий, мобилизация экономики на нужды обороны в военное время, решение социальных проблем.

3. Сохранение пропорций между отраслями экономики, а также между производством продуктов и фондом заработной платы, отсутствие разрушительных циклических кризисов.

4. Ориентация не на прибыль, а на удовлетворение потребностей, что позволяет осуществлять крупные долгосрочные инвестиционные проекты, ведущие к технологическому прорыву, но не дающие немедленного эффекта, могущего заинтересовать частный капитал, а также производить те продукты, которые необходимы обществу, но соотношение цена-себестоимость на которые при рыночной экономике могло бы быть неблагоприятно для их производства.

5. Отсутствие безработицы. Директивное планирование пропорций народного хозяйства обеспечивает полную занятость, а если какое-либо производство более не целесообразно, то, поскольку ресурсы общества велики, а цель производства — не получение частной прибыли, а общественные потребности, то работники все равно не будут выброшены на улицу, а будут предприняты меры по перепрофилированию данного производства и трудоустройству людей.

* * *

Но если социальная защищенность человека является несомненным плюсом социалистической экономики, то она же является и фактором, в определенной мере тормозящим рост производительности труда. Гарантия от безработицы, гарантированный минимальный уровень оплаты труда, пользование общественными фондами потребления (медицина, образование, спорт, культура), предоставление жилья и т.д. позволяют человеку «расслабиться» и работать не с таким сверхнапряжением, как работник капиталистического предприятия, над которым постоянно висит угроза потери работы и нищеты. В СССР было сложно уволить с работы человека, даже лодыря или алкоголика. На этом осно-

вании некоторые буржуазные экономисты делают вывод о преимуществе капиталистической системы с точки зрения стимулирования к труду, оставляя в стороне моральные вопросы. Другим фактором в пользу рыночной экономики является конкуренция между предприятиями, вынуждающая предпринимателей совершенствовать производство, повышать качество продукции и снижать затраты. Т.е. борьба за выживание (людей и фирм) ведет к постоянному совершенствованию и работе в полную силу.

Но если руководствоваться такой точкой зрения, то самой передовой и прогрессивной экономической системой окажется общество первобытных охотников, где борьба за выживание была наиболее острой. Мы же знаем, что на самом деле это не так, и искать людоедские оправдания для сохранения эксплуатации — не самое хорошее занятие. Прогресс человечества все-таки идет от дикости в сторону больших гарантий для членов общества и гуманизма на базе роста производительных сил. В дело вступают другие факторы, вместо примитивной войны всех против всех.

В частности, это положительный эффект от объединения производительных сил в масштабе всего общества, от централизованного планирования, который намного перекрывает исчезновение конкуренции. Если провести аналогию с военным делом, то в XVIII—XIX веках регулярная армия европейского типа обычно легко разбивала дружины азиатских феодалов и африканских племенных вождей, даже собранные вместе, но не умеющие сражаться как одно целое и под единым командованием, хотя каждый отдельный воин в этих дружинах мог превосходить по своим индивидуальным качествам европейского солдата. Да и в современной рыночной экономике идет процесс централизации производства и капитала,

господствуют монополии и олигополии, в тесном союзе с государством, т.е. централизация и подавление конкуренции — это объективный процесс, вызванный состоянием производительных сил современного общества (крупное производство, сложная техника, международное разделение труда, информационные технологии).

К тому же поскольку в плановой экономике система оплаты труда как отдельных работников, так и целых коллективов привязана к результатам их работы, то в плановой экономике также идет соревнование между коллективами («социалистическое соревнование», как это называлось в СССР), но только проигравший, в отличие от рыночной системы, не погибает, и поэтому не происходит потерь ресурсов. Нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как энтузиазм работников, вызванный общественной формой собственности.

Если же говорить о лодырях и пьяницах на производстве, то ведь общим правилом любой общественной системы являются определенные гарантии и преимущества для господствующего класса. В капиталистической экономике точно так же владелец фирмы может не интересоваться ее делами, а прожигать жизнь в казино и ресторанах на заграничных курортах. Однако есть «священное право частной собственности», и никто с таким хозяином ничего сделать не может, разве что он сам разорится и погубит заодно и свое предприятие. Также вполне естественно, что в социалистической экономике существуют определенные гарантии для трудящихся. При этом плохой и ленивый работник, хоть ему умереть с голоду и не дадут, все равно, т.к. действует принцип «каждому — по труду», будет зарабатывать намного меньше, чем хороший работник, не говоря уже о том, что он будет лишен уважения в коллективе, перспектив профессионального и карьерного роста. Так что плано-

вая экономика вполне обеспечивает необходимое материальное стимулирование в виде более высокой оплаты за более высокий результат в труде.

Кроме того, конкуренция порождает громадные непроизводительные затраты труда, связанные с ее обслуживанием, а также с самим существованием большого числа самостоятельных предприятий — огромный штат маркетологов, юристов, бухгалтеров, аналитиков, рекламистов, аудиторов, охранников и т.д., как на предприятиях, так и в специализированных фирмах, дублирование одних и тех же функций в разных фирмах (в каждой самой мелкой фирме должен быть свой директор, которому хочется к тому же хорошо зарабатывать, свой главный бухгалтер, своя финансовая служба, свои снабженцы), гигантский банковско-финансовый сектор, биржи, рынок ценных бумаг и т.д., а также значительное число людей, занятых обслуживанием владельцев собственности (всевозможные заведения для отдыха и развлечения «элиты»). Ликвидация конкуренции и переход к плановой экономике означает переход всех этих человеческих ресурсов, фактически растрачиваемых впустую, в сферу материального производства или в иные полезные для общества сферы. Не говоря уже о том, что в условиях конкуренции разные фирмы по отдельности бьются над решением одного и того же вопроса (например, производство нового продукта), вместо того чтобы объединить ресурсы и усилия.

Так что, хотя конкуренция (как среди фирм, так и на рынке рабочей силы) и является одним из стимулов прогресса в рыночной экономике, ее роль далеко не однозначно положительна. В то же время плановая экономика имеет множество плюсов, перекрывающих отсутствие конкуренции в ее рыночной форме, а также свои собственные стимуляторы, как материальные, так и моральные.

Другим минусом плановой экономики и общественной собственности часто называют «отсутствие хозяина», т.е. одного владельца предприятия, который бы был лично заинтересован в его результатах. Но такой аргумент был бы более обоснован в XIX веке, в период капитализма «свободной конкуренции», когда размеры предприятий были сравнительно небольшими и владельцы часто лично руководили ими. В эпоху же гигантских корпораций с сотнями тысяч работников один или несколько владельцев, даже если они сами занимаются управлением, а не поручают это наемным директорам, все равно мало за чем могут уследить лично, а все остальные работники не имеют оснований считать бизнес своих хозяев своим собственным, поэтому в крупных компаниях обычно процветают бюрократизм, кумовство, раздувание штатов, откаты и другие подобные явления. Это проблемы любой крупной системы, тем не менее будущее (и настоящее) именно за крупным производством, и к мастерским с полутора десятками рабочих человечество вряд ли вернется. В условиях же плановой экономики эти объективные недостатки крупных систем во многом компенсируются тем, что собственником является не один или несколько человек, а все, поэтому все работники заинтересованы в результатах предприятия.

К тому же совсем не факт, что владелец будет днем и ночью жить заботами предприятия, он может просто поселиться где-нибудь на Лазурном берегу, а управление передоверить наемным менеджерам. А ведь и в плановой экономике должности руководителей тоже никто не

отменял, а также оплату их труда в зависимости от результата. И если директор предприятия в плановой социалистической экономике получит в награду за хорошие результаты предприятия, премию в 20 тыс.руб. к зарплате в 30 тысяч, то это будет для него ничуть не меньшим стимулом, чем для собственника аналогичного предприятия при капитализме, у которого на счету и так лежит 20 млн. долларов, получить дополнительную прибыль еще в 2 миллиона. Скорее наоборот, человеку, у которого уже есть \$20 млн., два дополнительных миллиона мало что добавят, а получить 50 тысяч рублей вместо 30, или даже 20 вместо 15 — это вполне реальное улучшение жизни, можно, например, на Алтай съездить в отпуск. К тому же если этот директор не просто наемный управленец, а сознательный представитель социалистического общества, что будет, естественно, общим правилом, то он и без всякой оплаты будет стремиться управлять как можно лучше. Мы и видим, что советские руководители, которые обычно получали не больше хорошего рабочего, сделали страну сверхдержавой, а нынешние «эффективные менеджеры» с миллионными зарплатами все развалили, и если что и умеют хорошо, так это воровать.

* * *

Таким образом, рассмотрев механизмы эффективности социалистической и капиталистической экономик, мы увидели, что большинство штампов и «доводов», внушаемых буржуазной пропагандой, о преимуществах «рыночной экономики» при проверке оказываются мифами, а социалистическая плановая экономика является куда более эффективной системой, чем капиталисти-

ческая рыночная. Именно социализм обеспечивает наибольший рост производительности труда, рациональное использование материальных и трудовых ресурсов и максимальное удовлетворение потребностей общества и его членов.

Данный теоретический вывод целиком подтверждается историей СССР, в сравнении не только с капиталистической Россией до 1917-го и тем более после 1991 года, но и с передовыми странами Запада.

Алексей Шмагирев

Преимущества методов государственного управления и планирования

Вся наша [японская] экономическая система почти полностью скопирована с вашей. Во всех наших фирмах висят ваши лозунги сталинской поры. Но мы ничего не можем понять у вас сегодня. Мы в свое время взяли ваш план, наполнили его гибкими инструкциями, и он у нас заработал. А теперь мы видим, что вы от планирования отказались. Вы были умны, а мы, японцы, дураки. Но мы поумнели, а вы?..

Японский миллиардер Х. Теравама

Сегодня отношение к Госплану, который на протяжении более чем семидесяти лет являлся центром экономического планирования в СССР, неоднозначно. Это связано в первую очередь с тем, что Госплан функционировал в условиях политической системы советского общества, в труднейших условиях постоянной внешнеполитической и внутривнутриполитической борьбы. Однако в

самой идее Госплана, его деятельности очень много и такого, что выходит за рамки советской политической системы и является общемировым достоянием. К сожалению, сегодня это обстоятельство тщательно замалчивается. Большинство публикаций на эту тему слишком политизировано, и только немногие подходят к ней без предубеждений и политических пристрастий...

История Госплана начинается в 1921 году, когда в условиях жесточайшей разрухи и острой внутривнутриполитической борьбы был принят ряд решений, ознаменовавших переход к новой экономической политике. Первым среди таких решений был декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 февраля 1921 года, которым была образована Общеплановая комиссия для разработки единого хозяйственного общегосударственного плана.

Госплан не сразу после своего образования приступил к задаче построения многолетних перспективных планов. Заботы текущего дня, связанные с тяжелым неурожаем 1921 года, кризисом топливоснабжения, транспортной разрухой и прочими хозяйственными затруднениями того этапа, не оставляли времени для сколько-нибудь серьезных работ по многолетнему перспективному планированию. В первое время Госплану редко удавалось уделять внимание даже годовым планам.

Лишь в конце 1924 года были подготовлены экономические и организационные предпосылки для перехода к составлению единого текущего плана развития народного хозяйства. К этому времени плановая работа охватила всю государственную промышленность, транспорт, экспорт и импорт, государственные и кооперативные заготовки хлеба и сельскохозяйственного сырья, поступление и распределение значительной доли промышленных товаров, государственный бюджет, кредит и

ряд других элементов народного хозяйства. В результате создались условия для разработки во второй половине 20-х годов реальных годовых и среднесрочных (пятилетних) народнохозяйственных планов.

Принятые в начале 1921 года решения означали попытку России найти новую в мировом опыте модель управления экономикой, которая во многом и предопределила будущее развитие страны. После России в необходимости новой модели рынка убедились Соединенные Штаты Америки, во времена Великой депрессии в начале 30-х годов прошлого века. Тогда президент США Франклин Рузвельт перешел к новой экономической политике, основанной на элементах государственного регулирования экономики. После Второй мировой войны почти во всех развитых государствах под различными названиями возникли экономические ведомства, аналоги нашего Госплана, в той или иной степени выполняющие функции государственного воздействия на экономику. Вслед за Россией Япония, а затем и Китай продемонстрировали всему миру возможности государственного подхода к плановой экономике в различных политических и экономических системах.

К идее государственного планирования Россия пришла, переходя от политики военного коммунизма и продразверстки к новой экономической политике, сразу же поставив для свободного рынка управляемые государством рамки, а Рузвельт ввел такие рамки, когда безраздельно хозяйничал свободный рынок. Понятно, что такие решения возникли не на пустом месте. В дискуссии 20-х годов ученые-экономисты предлагали не противопоставлять план и рынок, а сочетать их и таким образом обеспечивать более высокую эффективность экономики.

В дискуссии тех лет столкнулись разные школы, представляющие интересы различных политических сил. Одни видели в идее государственного планирования продолжение в новом виде политики военного коммунизма и продразверстки, другие — построение новой корпоративной модели рыночных отношений, регулируемых государством. Любопытно, что и в дискуссии наших дней заметно прослеживаются обе эти тенденции.

* * *

В 1924—1925 годах началась работа по подготовке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, которому предшествовало составление сводных обзоров хозяйственного развития и расчетных контрольных цифр на год.

Контрольные цифры на 1928—1930 годы в отличие от предыдущего периода носили уже директивный характер. Структура контрольных цифр была близка к структуре годового плана. Она включала сводный обзор, капитальные вложения, промышленность и соответствующие разделы по другим отраслям, труд, товарооборот, цены, бюджет, кредит и денежное обращение, процессы обобществления, социально-культурное строительство, экономику районов СССР, а также мировой обзор.

Работа над первым пятилетним планом создала прочный фундамент всех будущих хозяйственных планов. Впервые в истории была разработана и затем успешно осуществлена единая программа развития всех отраслей народного хозяйства, всех районов страны. Она охватывала как развитие производства и капитальное строительство, так и решение крупных социальных задач. Без

преувеличения можно сказать, что весь мир внимательно следил, чем же закончится этот эксперимент.

Первый пятилетний план предусматривал общий рост народного хозяйства в 2 раза, продукции промышленности — в 2,4 раза, объемов капитальных вложений — в 2,5 раза, в том числе в государственном секторе — более чем в 4 раза. Первая пятилетка была с блеском и досрочно выполнена.

В результате выполнения первого, второго и части третьего пятилетних планов в кратчайший срок были решены гигантские по своим масштабам задачи индустриализации страны и укрепления оборонной мощи нашего государства, социалистического переустройства сельского хозяйства. Советский Союз превратился в высокоразвитое индустриальное социалистическое государство. В стране произошла подлинная культурная революция. Среднегодовые темпы роста народного дохода составили за 1929—1940 годы 14,6%, а промышленной продукции — около 17%. Еще более высокими были темпы роста тяжелой промышленности. Особое влияние на этом этапе оказало развитие машиностроения и освоение производства многих новых видов продукции.

* * *

В годы Великой Отечественной войны советская система планового ведения хозяйства подверглась жесточайшим испытаниям и блестяще их выдержала. Оперативное управление перешло к ГКО (Государственный Комитет Обороны). Уже через неделю после начала войны был принят первый план военного времени — Мобилизационный народнохозяйственный план на III квартал 1941 года. В августе 1941 года был принят Военно-

хозяйственный план на IV квартал 1941 года и на 1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. То есть по тем районам, куда предстояло эвакуировать промышленность и трудовые ресурсы, с тем чтобы в кратчайшие сроки развернуть производство для нужд войны.

На протяжении всей войны ГКО наряду с годовыми народнохозяйственными планами рассматривал и утверждал квартальные и месячные планы, которые занимали основное место в текущем планировании в условиях военного времени. В особых случаях рассматривался и утверждался даже декадный план. При этом для ГКО составлялись отчеты о ежедневном выполнении плана с предложениями по корректировке следующих периодов. Излишне говорить, что Госплан продемонстрировал в те годы фантастическую мобильность и оперативность.

Плановый механизм руководства народным хозяйством имел решающее значение в создании экономики военного периода. Более того, война потребовала усиления централизованного прямого планирования производства и распределения. Ясно, что создать такую систему управления на пустом месте было невозможно. С помощью государственного плана регулировались все важнейшие экономические процессы: переключение гражданской промышленности на производство военной продукции, распределение всех экономических и трудовых ресурсов страны в интересах фронта, организация системы снабжения продовольствием в городах.

Война нанесла неисчислимый материальный ущерб народному хозяйству нашей страны. Полностью или частично были разрушены или сожжены 1710 городов и поселков, свыше 70 тысяч сел и деревень, 32 тысячи промышленных предприятий, большое количество соору-

жений транспорта и связи, было разграблено громадное количество имущества. Общая сумма потерь и издержек Советского Союза в Великой Отечественной войне составляла астрономическую цифру — 2,6 триллиона рублей (в ценах 1941 года), из них стоимость уничтоженного имущества — 679 миллиардов рублей, прямые и дополнительные военные расходы — 1,9 триллиона рублей.

Ни одно государство мира в одиночку не могло бы вынести столь тяжелых материальных потерь. Многие считали, что пройдет не одно десятилетие, прежде чем Советская страна залечит раны, нанесенные войной. Однако и в этот период государственная система планирования блестяще доказала свои возможности.

Восстановление народного хозяйства началось уже в годы войны. Огромная работа была проделана в 1943—1944 годах по восстановлению и вводу в действие промышленных предприятий и железных дорог на освобожденных территориях. Возрождалось разоренное сельское хозяйство. Продолжалось быстрое развитие восточных районов страны.

В результате выполнения четвертого (послевоенного) плана (1946—1950 годы) национальный доход по сравнению с довоенным уровнем 1940 года увеличился на 64%, объем продукции промышленности — на 73%, грузооборот всех видов транспорта — на 46%, капитальные вложения — в два раза, розничный товарооборот — на 10%.

* * *

Успешное восстановление народного хозяйства позволило приступить в пятой пятилетке (1951—1955 годы) к решению более широких задач в области разви-

тия экономики и повышения народного благосостояния. Для этого периода характерно развертывание огромного строительства, в том числе комплекса гидростанций на Волге и Каме, новых предприятий-гигантов тяжелой промышленности, сооружение крупнейших оросительных систем, создание единой глубоководной транспортной системы в европейской части страны, строительство ряда железных дорог.

В результате в 1955 году национальный доход увеличился в 2,8 раза против 1940 года, продукция промышленности — в 3,2 раза, розничный товарооборот — в 2,1 раза, реальная заработная плата рабочих и служащих — в 1,8 раза. В этот период была осуществлена огромная программа капитального строительства, объемы капитальных вложений увеличились по сравнению с 1940 годом в 2,5 раза. Задачи, поставленные перед Госпланом в послевоенные годы политическим руководством, были успешно выполнены, что еще раз доказало эффективность плановой экономики для решения масштабных задач восстановления и развития страны.

За 1955—1985 годы был создан ряд высокотехнологичных отраслей промышленности, таких, как атомная промышленность, ракетная и космическая техника, современное судостроение. Для создания этих отраслей потребовалось преобразовать на совершенно ином качественном уровне металлургию, химию, машиностроение. Были созданы новые для нас отрасли, такие, как микроэлектроника, вычислительная техника, основы современного топливно-энергетического комплекса. Госплан СССР уделял большое внимание развитию нефтегазовой отрасли. В результате добыча нефти выросла с 50 миллионов тонн в начале 60-х до 624 миллионов в

1988 году. Добычу газа мы довели до 815 миллиардов кубометров.

Страна стала экспортировать больше сырья и закупать продовольствие. Его внутреннего производства не хватало для обеспечения потребностей населения. Уделялось большое внимание использованию валюты, получаемой от продажи нефти и газа. Страна получала необходимое оборудование для комплектации строящихся предприятий, таких, как ВАЗ, КамАЗ. Эти и другие предприятия во многом способствовали развитию национальной промышленности. Так что нефть и газ не только кормили, но и развивали производительные силы внутри страны. Деньги шли также на строительство трубопроводов. СССР смог обеспечить нефтью и газом не только социалистические страны, расположенные в Европе, но и некоторые капиталистические государства.

Одновременно с решением задач в области создания современных систем вооружения и поддержания стратегического паритета перед страной стояло множество важнейших задач в гражданском и социальном секторах экономики. Это те отрасли, которые, собственно, и отвечали за качество жизни наших людей, обеспечивали им социальную защиту на протяжении всей жизни.

Для решения задач повышения обороноспособности и поддержания стратегического паритета методы планирования, отработанные в период 1921 — 1955 годов, были эффективными. Ежегодные темпы роста национального дохода в период с 1960 по 1970 год составляли от 6,5% до 7,8%. С 1970 по 1980 год сохранялись высокие темпы роста экономики — на уровне 5% в год.

Внешнеэкономические связи Советского Союза развивались динамично и очень продуманно, в первую очередь во внешней торговле. Весь период, вплоть до перестройки, Госплан планировал закупки за рубежом именно того, в чем действительно нуждалась страна, — высокие технологии, новейшее оборудование для развития отечественной промышленности. За 1960 — 1985 годы внешнеторговый оборот страны вырос в 14 раз — с 10 до 148 миллиардов валютных рублей. Это явилось следствием того, что при разработке пятилетних и годовых планов, перспективных программ одно из главных мест отводилось внешней торговле. Это способствовало ускорению научно-технического прогресса, развитию таких перспективных отраслей экономики, как химическая, нефтяная и газовая промышленность, машиностроение, электроника и информатика, черная и цветная металлургия, автомобилестроение, легкая и пищевая промышленность, сельское хозяйство.

На импортном оборудовании начали работать такие предприятия, как Оскольский электрометаллургический комбинат, завод по выпуску меди и никеля на Норильском горно-металлургическом комбинате, Волжский завод по производству нефтяных труб, Костомукшский ГОК по производству окатышей, Волжский, Ижевский автомобильные заводы, «Атоммаш». В кооперации с фирмами Италии и Финляндии были построены «под ключ» четыре завода по производству обуви и две фабрики по производству верхнего трикотажа.

В 1949 году был создан Совет Экономической Взаимопомощи социалистических стран, в который перво-

начально входили страны Восточной и Центральной Европы, а позднее — страны Центральной и Юго-Восточной Азии и Республика Куба. Развитие экономических связей между странами — членами СЭВ вызвало необходимость к 1965 году создания новых форм и методов сотрудничества для решения крупных народнохозяйственных задач на многосторонней и двусторонней основе.

С этой целью в рамках Совета был создан Комитет СЭВ по сотрудничеству в области плановой деятельности в составе председателей центральных плановых органов стран-участниц. В результате деятельности комитета были построены на многосторонней основе первые нефте- и газопроводы до западной границы СССР: магистральный газопровод «Союз» от Оренбурга с уникальным газоперерабатывающим комплексом, магистральный газопровод от Ямбурга, освоены новые месторождения газа на севере европейской части России. Для решения энергетических проблем СЭВ построены Западная и Южноукраинская АЭС, а также при техническом содействии СССР атомные электростанции на территории Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии, линии высоковольтной электропередачи.

С помощью содружества появились Усть-Илимский целлюлозно-бумажный комплекс, Кiemбаевский асбестовый горно-обогатительный комбинат, предприятия по производству ферросплавов, металлургический комбинат «Криворожсталь» и многие другие предприятия. При техническом содействии СССР в странах СЭВ построено на кредитной основе большое количество предприятий в различных отраслях тяжелой промышленности.

Многостороннее сотрудничество дополнялось на двустороннем уровне координацией народнохозяйст-

венных планов во всех важнейших отраслях экономики, включая оборонную промышленность. Эта форма сотрудничества отражалась в пятилетних и годовых планах каждой из стран в виде их отдельного раздела. Координация планов способствовала включению в процесс сотрудничества промышленных и сельскохозяйственных предприятий, научно-исследовательских институтов стран, а также организации кооперации. Всестороннее сотрудничество европейских стран СЭВ за 25 лет обеспечило стабильный рост их экономики и повышение уровня жизни населения.

Важное место в работе Госплана СССР и планового Комитета СЭВ заняли вопросы координации народно-хозяйственных планов с Вьетнамом, Кубой и Монголией. Было предусмотрено создание в этих странах условий для сбалансированного роста народного хозяйства, развития экспортных производств, ориентированных на удовлетворение потребностей других стран СЭВ. В этих странах было построено большое число предприятий машиностроения, легкой, пищевой промышленности и других отраслей.

С помощью Советского Союза на компенсационной основе во Вьетнаме была организована добыча нефти — на шельфе, где сегодня добывается 12—15 млн. тонн нефти в год. На Кубе были реконструированы два завода по производству никель-кобальтового концентрата и построено три новых завода с поставками концентрата в Россию, а также созданы предприятия по производству оборудования для сахарной промышленности. В Монголии был построен крупнейший комбинат «Эрденет» по производству медно-молибденового концентрата с поставками продукции в СССР.

К середине 70-х годов стало очевидным, что координацию планов нельзя ограничивать пятилетним периодом, и Госпланы стран приступили к разработке долгосрочных целевых программ сотрудничества в области топлива, энергии и сырья, сельского хозяйства, пищевой промышленности, машиностроения, производства товаров народного потребления и транспорта. Долгосрочные целевые программы сотрудничества послужили хорошей основой для координации планов на 1981—1985 и на 1986—1990 годы, а также придали сотрудничеству в области плановой деятельности комплексный непрерывный характер.

* * *

После 1985 года начались эксперименты по реформированию политической системы, это отразилось на функционировании системы управления и планирования, так как не было четкой ясности, что именно нужно делать. В результате политическое руководство постепенно начало утрачивать рычаги управления страной.

В 1991 году произошли распад СССР и первая «цветная революция», изменившая политический строй России, ликвидировавшая всю прежнюю структуру экономики. Произошел резкий возврат к децентрализованному управлению и свободному рынку. В результате экономика понесла потери, сопоставимые с потерями в военное время. В 1991 году ВВП снизился до 87% от уровня 1990 года, в 1992-м — до 71%, в 1993-м — до 62%, в 1994-м — до 52,8%, в 1995-м — до 51%.

Продекларировав задачу улучшения качества жизни населения, новое политическое руководство практически привело к потере завоеванных с таким трудом

уровня жизни и социальной защиты населения. Были фактически разрушены сельское хозяйство и промышленность, утрачены многие социальные завоевания, позиции в области науки, образования, культуры, здравоохранения, физкультуры и спорта. Резко сократилась продолжительность жизни.

История свидетельствует о том, что методы государственного управления и планирования необходимы для успешного и сбалансированного развития экономики любой страны. Поэтому России в дальнейшем придется вернуться в том или ином виде к утраченной системе народнохозяйственного планирования.

*Юрий Маслюков,
председатель Госплана СССР
в 1988 — 1990 годах,
депутат Госдумы, член ЦК КПРФ*

Война экономик Запада и СССР

Изучая историю Второй мировой войны, невольно задаешься вопросом: почему только Советский Союз смог выстоять и победить в столкновении с гитлеровской Германией? Почему за считанные недели потерпели крах Польша, Норвегия, Нидерланды, Греция и, наконец, считавшаяся одной из сильнейших стран мира Франция? Почему были безуспешными боевые действия Британской империи, поддерживаемой Соединенными Штатами, против немцев в 1939—1941 годах? Очевидно, что дело не только в превосходстве вермахта над вооруженными силами этих государств. Главная причина в отличиях экономики Германии и остальных стран Запада. Создаваемая изначально с учетом агрессивных

намерений фюрера, она по своей эффективности в условиях войны превзошла экономику любого из противостоящих ей капиталистических государств. Именно поэтому только СССР с его плановым социалистическим хозяйством, хоть и с огромным трудом и напряжением сил, смог сломать хребет не только германской армии, но и немецкой экономики.

Роковая ошибка Фрица Тиссена

Экономическое положение Германии после Первой мировой войны было поистине ужасающим. Огромные репарации, наложенные странами-победительницами на Веймарскую республику, не давали экономике выйти из глубочайшего кризиса. Так, даже в 1932 году в стране насчитывалось более 7 миллионов безработных. Инфляция была такой, что зарплату на предприятиях выдавали каждый день. Причем утром. В середине рабочего дня устраивался двухчасовой перерыв, чтобы работник мог сделать покупки, потому что к вечеру выданные ему утром деньги обесценивались вполовину. По сути дела, Германия представляла собой страну недовольных.

Недовольны были все: от промышленника до рабочего. В этой ситуации основу националистического движения составляли бюргеры, мелкая буржуазия и промышленные рабочие.

Уже в 1923 году сразу же после первого съезда национал-социалистической партии Германии ее лидер Адольф Гитлер, понимая, что мелкие лавочники и рабочие едва ли приведут его к власти, начинает искать поддержку у крупного капитала и промышленников. И находит ее. К его идеям проявляет интерес хозяин Стального треста Фриц Тиссен. Он выделяет на партийное строительство 100 тыс. золотых марок — сумму по тем временам в условиях инфляции огромную.

Играя на недовольстве крупных капиталистов экспортными ограничениями, фюрер добивается, что к 1927 году среди его спонсоров числятся уже такие воротилы, как Эмиль Кирдорф — глава Рейнско-Вестфальского угольного синдиката, Ялмар Шахт — президент Рейхсбанка, Эмиль Георг фон Штаусс — директор «Дойче банка», Георг фон Шницлер — директор «ИГ Фарбен-индустри» и многие другие.

Расчет промышленников был прост: придя к власти и начав осуществлять свои захватнические планы, Гитлер обеспечит их военными заказами, которые принесут им миллиардные прибыли.

Однако фюрер оказался значительно умнее, чем думали его спонсоры. Придя к власти и собираясь разжечь в Европе большую войну, он сообразил, что крах Германской империи в Первую мировую был связан с тем, что крупны и тиссены попросту перекачали через военные заказы ее казну в свой карман. Проще говоря, бюджет не вынес военных расходов, и поражение Германии в значительной степени произошло от этого, а не от разгрома армии. Подобное развитие событий совершенно не устраивало Гитлера. В его планы крах не входил.

К концу 30-х годов германские магнаты обнаружили, что контрольные пакеты большинства их предприятий принадлежат государству и они лишь наемные, пусть и высокооплачиваемые, управленцы, а отнюдь не хозяева. Многие фирмы, работающие по военной тематике, попросту были национализированы. Например, уже в середине 30-х годов известная авиационная фирма «Юнкерс» была государственной. Та же судьба постигла компании Дорнье, Гота, Хенкеля, Фокке-Вульфа. Зачастую национализация проходила через банкротство, если ее хозяева сильно упирались. Так произошло и

с Юнкерсом, и с Фокке-Вульфом. Как правило, бывшие владельцы становились наемными директорами и крупными акционерами, не более того.

Иными словами, на рубеже 30-х—40-х годов в Германии сложился государственный капитализм со строгим планированием. Самым крупным собственником стало само государство, сконцентрировавшее подспудно через акции в своих руках около 75% промышленного потенциала страны. В частных руках остались лишь небольшие предприятия невоенного характера: ателье, парикмахерские, прачечные, рестораны и т.д.

В ходе Второй мировой концентрация производственных мощностей в государственной собственности еще более увеличилась за счет оккупированных территорий. Все предприятия Польши, Франции, Норвегии и других завоеванных стран перешли непосредственно под контроль министерства экономики.

Карточный домик Британской империи

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, а 27-го все было кончено — пала Варшава. В столь же ударном темпе вермахт разгромил весной 40-го года Данию, Норвегию, Бельгию и Нидерланды. 10 мая 1940 года начинаются боевые действия против Франции, которая к этому моменту находится с Германией в состоянии войны более 8 месяцев (с 3 сентября 1939 года). Этот период получил в истории название «странной войны». За 8 месяцев вермахт не предпринимал никаких действий против французской армии, а та, в свою очередь, против германских войск. Встает вопрос: почему? Ну, немцам это было не нужно. Они расправлялись со своими противниками по одиночке. А почему же французы спокойно взирали на гибнущую Польшу и ничего не сдела-

ли? Как правило, говорят, что Англия и Франция предали польских союзников. Это правда, но лишь отчасти. Основная же причина бездействия Франции: она не смогла отмотилизовать армию и перевести экономику на военные рельсы. В большинстве частей не хватало обычных винтовок, были проблемы с обмундированием и боеприпасами. Авиационные части имели лишь две трети самолетов от списочного состава, многие бронетанковые бригады являлись таковыми лишь на бумаге. Французское правительство прикладывало неимоверные усилия, чтобы решить эти проблемы, но в казне богатой капстраны не оказалось денег на закупку у своих же промышленников техники и вооружения в нужном объеме. За 8 месяцев «странной войны» дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Частная экономика погубила Францию. 22 июня после стремительного наступления немцев все было кончено — она капитулировала.

Точно с такими же проблемами столкнулась Англия. Находясь с Германией в состоянии войны с сентября 39-го года, к моменту падения Франции Великобритания тем не менее была беззащитна. Ее спасла лишь узенькая полоска воды — пролив Ла-Манш, отделяющий ее от Европы. У Гитлера просто не оказалось достаточного количества плавсредств для высадки в Британии. С июля 40-го по июнь 41-го года, когда фюрер окончательно перенес боевые действия на Восток, у Англии едва хватало сил отбиваться от воздушных налетов люфтваффе и латать дыры в Северной Африке, где немецкий экспедиционный корпус Эрвина Роммеля, состоящий всего из двух дивизий, гонял многотысячную британскую армию. По сути дела, почти за 2 года войны Англия смогла привести в порядок лишь свою авиацию. Только к 43-му году британцы сумели окончательно поставить

экономику на военные рельсы и только летом 44-го совместно с американцами открыть второй фронт в Европе, когда судьба войны титаническими усилиями СССР практически была решена. И что же в итоге? Британская империя попала в число стран-победительниц и... следом за этим рассыпалась, как карточный домик, перестав быть мировой державой. Государственные военные расходы привели вскоре после войны также к отмене золотого обеспечения фунта и потере продовольственной независимости.

Единственной из западных демократий, обогатившихся на войне, стали США. Но это произошло вовсе не благодаря эффективной экономике, а благодаря тому, что Соединенные Штаты отделяли от основных театров боевых действий океаны Тихий и Атлантический. Территории США не угрожала оккупация ни со стороны японцев, ни тем более со стороны немцев. Так что они могли позволить себе не торопиться. Более того, очень выгоден оказался для американцев ленд-лиз. Вопреки бытующему мнению они не отдали даром ни англичанам, ни Советскому Союзу, ни кому-либо еще ни одной гайки.

СССР, покупая военную технику, оборудование, продовольствие в Штатах, платил за все это золотом. Более того, платил не за то, что пришло в Союз, а за то, что отправлено из Америки. То есть если конвой, везший технику в Мурманск, уничтожали немецкая авиация или подлодки, мы все равно оплачивали стоимость неполученного товара. Так же поступали и англичане.

Но и это еще не все. Покупка всего поставляемого по ленд-лизу из США производилась не напрямую у американских фирм, а при посредничестве государства. То есть правительство Соединенных Штатов покупало у своих же фирм продукцию, а затем продавало ее Анг-

лии и СССР, увеличив стоимость в 1,5—2 раза. Как утверждают некоторые исследователи, прибыли от ленд-лиза с лихвой покрыли все собственные затраты США на военные нужды.

Золотой запас Сталина

Советский Союз на момент нападения на него Германии имел армию ничуть не более современную и боеготовую, чем Франция или Англия. Соответственно в результате стремительного наступления вермахта оккупированными оказались Белоруссия, Украина, Молдавия, часть европейской территории Российской Федерации. До трети территории СССР попало под пяту германца. Любая другая страна после этого была бы вынуждена капитулировать. Однако Советский Союз имел социалистическую экономику, которая стала едва ли не главным оружием нашей страны в годы Великой Отечественной. Если Франция за 8 месяцев «странной войны» не сумела наладить выпуск оружия, боевой техники и снаряжения для своей армии, то СССР тоже за 8 месяцев (с июля 41-го по февраль 42-го), но в условиях не «странной», а жесточайшей войны смог эвакуировать на Восток с территорий, захватываемых немцами, 2593 промышленных предприятия и большую часть из них запустить.

Со второй половины 1942 года войну вели не только вермахт и Красная Армия, но и экономики СССР и Германии. Если в Третьем рейхе сложился государственный капитализм и государство эффективно управляло 3/4 экономики, то в нашей стране, несмотря на разнообразие форм собственности (государственная, кооперативная, собственность общественных организаций), государство, по сути дела, эффективно управляло практически 100% экономики. Эта 1/4 и сыграла главную роль в нашей победе.

За годы войны наша промышленность выпустила в 2,2 раза больше, чем германская, танков, в 1,25 раза самолетов, в 1,5 раза орудий, в 4,5 раза минометов, в 5 раз стрелкового оружия.

Часто приходится слышать, что подобные показатели были достигнуты только благодаря тому, что население СССР голодало и стояло у станков по 12—18 часов в сутки.

А как жил немецкий рабочий? С 1940 года в Германии введены продовольственные карточки, более того, нормировано потребление электроэнергии и газа на каждого человека. В 1943 году, когда силы Германии и СССР приблизительно уравнились, в Третьем рейхе для увеличения выпуска военной продукции перешли на 10-часовой, а в 1944 году на 14-часовой рабочий день. Так что положение германского рабочего мало чем отличалось от положения советского.

Советская экономика не только обеспечила победу Советского Союза в Великой Отечественной войне, но и создала предпосылки для послевоенного развития. Начиная с 43-го года увеличился выпуск мирной продукции, началось активное жилищное строительство и восстановление освобожденных от захватчиков территорий. Так же, как и в Англии, не знавшей оккупации, в 47-м году были отменены продовольственные карточки. Но Британия с ее капиталистическим укладом выпала из войны с пошатнувшимися силами и откатилась в разряд второсортных держав. СССР же, наоборот, вышел в мировые лидеры. Экономика была столь эффективной, что к началу 50-х в стране был накоплен такой огромный золотой запас, что Сталин отказывался производить расчеты на внешнем рынке драгоценными металлами, поскольку это могло привести к падению мировых цен на них (!).

Если советская экономика была столь хороша, почему же тогда в 70—80-е годы она попала в кризис, который в конечном итоге привел к распаду Союза? Все дело в том, что идеальных систем не бывает. Наша экономика при всех ее плюсах имела только один недостаток. Ее работа полностью зависела от того, как ей управляют. В 60-е годы первый удар по ней нанес Н.С.Хрущев, попытавшийся отказаться от отраслевого принципа и перейти к территориальному — печально известные совнархозы. Следующий удар — бездействие Л.И.Брежнева. Тем не менее, хоть и медленными темпами, советская экономика продолжала развиваться. Только в 80-х годах целенаправленными действиями горбачевской команды она была ввергнута в кризис, а затем уже ельцинской камарильей окончательно разрушена. Но даже ее крах заставляет изумляться. Ведь нашу экономику разрушали 30 лет, но еще и сейчас отдельные ее сегменты продолжают работать.

Уроки истории

Сегодня руководство России ищет (или делает вид, что ищет) пути выхода из глубочайшего экономического кризиса, в котором пребывает наша страна вот уже двадцать лет. Уровень падения производства в 2,5 раза превышает соответствующий показатель начала 42-го года, когда треть страны была оккупирована. Только национализация приватизированных предприятий и четкое управление экономикой позволят нам встать на ноги. Это — единственный выход. Никакой рынок, никакие иностранные инвестиции не запустят наше производство.

Вы хотите иметь частный сектор? Пожалуйста. Пусть люди создают акционерные общества, берут ссуды, по-

купают оборудование, технику и организуют частные предприятия. А то, что принадлежит государству, должно под его контролем просто эффективно работать и приносить ему прибыль. Тогда, возможно, и не будет проблем с бюджетным дефицитом и прочими прелестями нашего времени. Ведь только собирая налоги и не имея в качестве базиса государственной промышленности, не может существовать ни одна страна.

О реальности выхода из кризиса путем национализации говорят исследования специалистов экономического отдела ЦРУ. По их мнению, если провести в России национализацию (!) и перейти к советским методам управления, отечественная промышленность уже через 3 года может выйти на уровень 90-го года, а через 5 лет обеспечить стабильный прирост валового национального продукта в 17—20 %.

Естественно, в таком сценарии не заинтересованы ни США, ни Запад в целом. Поэтому нас будут продолжать кормить баснями о свободном рынке, конкуренции, неприкосновенности частной собственности. Так будет продолжаться до тех пор, пока у руля России не встанут люди, усвоившие главный урок Великой Отечественной войны: социалистическая плановая экономика при грамотном управлении лучше самой передовой капиталистической, той, что была в Германии и в конечном счете привела ее к краху в процессе противостояния с СССР.

Герман Рычков

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С.Г. Кара-Мурза. Введение. Советский проект и его критики</i>	<i>5</i>
--	----------

С.Г. Кара-Мурза

Часть 1

Особый взгляд на советский строй

Образ советской хозяйственной системы	15
Социальная сфера промышленных предприятий	96
Уравнилительный принцип и советская уравниловка	114
Выводы о советской хозяйственной системе	144

С.И. Аксененко

Часть 2

О системе советского хозяйствования, о разрушителях СССР и роли либеральной интеллигенции

Присущ ли дефицит плановой экономике по природе? . . .	147
Производство продуктов питания в СССР	149
Непродовольственные товары	158
Об анахронизмах современного мышления	160
Работать, чтобы жить, или жить, чтобы работать?	162
Антиалкогольная кампания и прочность советской экономики	167
Интеллигенция как разрушительный фактор	170

Приложения

Социализм и капитализм с точки зрения экономической эффективности	204
Преимущества методов государственного управления и планирования	215
Война экономик Запада и СССР	228

Массово-политическое издание

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

Кара-Мурза Сергей Георгиевич
Аксёненко Сергей Иванович

СОВЕТСКИЙ ПОРЯДОК

Редактор *О. Селин*
Художник *Б. Протопопов*
Художественный редактор *А. Финогенова*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректор *Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825
Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел.: 8-903-519-8541
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: *International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Подписано в печать 09.04.2010.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.
Тираж 3 500 экз. Заказ № 6414

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат» 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-42105-3

9 785699 421053 >

С конца 90-х гг. прошлого века плановое хозяйство СССР принято считать неэффективным, убыточным, приводящим к очередям и дефициту. Между тем идеи плановой экономики не чужды и западному миру. Их сейчас повсеместно внедряют в той или иной степени. А в чрезвычайных ситуациях такая модель – единственно возможная.

Что касается России, то плановое хозяйство было органически присуще российской ментальности, как убедительно доказывают авторы данной книги. В условиях нашей страны невозможно успешное развитие экономики, если оно не подчинено единому централизованному плану. Советская власть лишь восприняла и взяла на вооружение эту практичную русскую идею.

Успехи планового хозяйства Советского Союза были настолько впечатляющими, что многое было перенято у нас Западом. К сожалению, неслыханные трудности, выпавшие на долю СССР, приводили и к определенным сложностям в экономике, но советское руководство постоянно искало пути их преодоления. По многим позициям это удалось, по некоторым просто не успели...

Книга подкреплена большим количеством фактического материала, в том числе в ней приводятся такие показатели развития СССР, о которых умалчивают сторонники либерализма и свободного рынка.

ISBN 978-5-699-42105-3

9 785699 421053 >